

Печатается по постановлению
редакционно-издательского
Совета Казанского университета

Редактор профессор А. Х. Халиков

М. А. Урманов

Материалы исторические
источники XVII - XVIII вв
УД-60. КГУ. 1971.
Казань

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Источниковедение истории народов Поволжья и Приуралья периода феодализма разработано крайне слабо. Этому весьма важному вопросу до сих пор не посвящено ни одного монографического исследования, в котором на основе марксистской методологии давалась бы научная оценка большому комплексу источников как на западноевропейских языках, в том числе славянских, так и на языках восточных, включая татарский. И если из этого чрезвычайно богатого комплекса сведений отдельные разделы его, например, некоторые русские, европейские и частично арабо-персидские памятники более или менее научно освоены, то тюркоязычные исторические материалы, в особенности на татарском языке, изучены совершенно недостаточно. Следует отметить, что и некоторые давно известные науке татарские памятники, в отличие от случайных замечаний путешественников или внешних наблюдателей, привлекаются очень редко, поверхностно, порою ошибочно. А следовало бы ожидать обратное: ведь давно известно, что автохтонно-национальные источники обладают рядом преимуществ.

И если, допустим, такие автохтонные источники не удовлетворяют своими сведениями потребности исследователей, то и в таком случае они должны подвергаться соответствующему критическому анализу с тем, чтобы выяснить действительное положение дел. В таком случае, естественно, не было бы места заблуждениям и ошибкам.

Разумеется, что в недостаточном или ошибочном использовании материалов местных письменных источников виноваты не отдельные исследователи конкретных проблем, а неудовлетворительное состояние практического источниковедения и разработки теоретических вопросов исторической мысли народов Поволжья и Приуралья.

Убедительным доказательством чрезвычайно слабой изученности татарских исторических материалов служат бытующие до сих пор в литературе принципиально противоречивые, порой взаимоисключающие друг друга суждения по тому или иному памятнику. Подавляющее большинство суждений по отдельным источникам носит узко филологический характер. Другая часть таких суждений — отрывочные, мимоходные высказывания. Отдельные работы страдают явной тенденциозностью, искажаю-

щей действительность. О специальном теоретическом подходе к целому ряду источников не приходится говорить вообще.

Словом, перед нами наиболее слабо изученный и недостаточно разработанный раздел источниковедения истории народов Поволжья и Приуралья. Ему и посвящена данная работа, в которой объектом исследования являются татарские нарративные (повествовательные) источники XVII—XVIII вв.¹ Перед автором ее стояли следующие конкретные задачи:

попытаться охарактеризовать основные нарративные памятники, стремясь установить степень достоверности содержащихся в них сведений;

по возможности выяснить датировку и атрибуции отдельных сочинений;

с учетом особенностей исторических обстоятельств и своеобразия развития исторической мысли у татар проследить идейно-политические концепции их авторов, что в свою очередь требовало внимательного подхода также к историографическим аспектам.

Таков краткий круг основных проблем, рассматриваемых в этой работе. Специальное изучение ненарративных источников, таким образом, не входит в задачу данного исследования².

Необходимо особо отметить следующее: в результате анализа содержания основных памятников татарских нарративных источников XVII-XVIII вв. выяснилось неравномерное развитие у татар феодальной исторической литературы на различных этапах, с одной стороны, и исчезновение текстов некоторых сочинений, созданных в более ранние эпохи, с другой. Следовательно, в ходе исследования перед автором возникла задача объяснения этого своеобразия татарской историографии периода феодализма. Наблюдения и мысли исследователя по этой теоретической части представлены в первой вводной главе, которая в данной работе носит вспомогательный характер, а некоторые же ее выводы выносятся в плане постановки вопроса.

Автор учитывает, что в данной работе ему вряд ли удастся разрешить до конца все указанные проблемы. Это и естественно, так как он в этой области делает первые, пробные шаги. Сложность темы очевидна. Незнученность общественной и исторической мысли татарского народа за рассматриваемый период создала ряд попутных проблем и затруднений, многие из которых требовали, если не специального освещения, то, по крайней мере, последовательного осмысления.

¹ Они суть: «Сборник летописей» Кадыр-Али-бека, «Дафтар-и Чингизнаме» анонима, «Таварих-и Булгария» Муслими, «Таварих-и Булгария» Т. Иалчигула и татарские шаджара (генеалогические записи).

² Не рассматриваются в данной работе и компилятивные татарские сочинения по всеобщей истории мусульманских стран, которые, не имея источниковедческого значения, представляют интерес лишь в историографическом плане.

Следует отметить, что из-за разнохарактерности исследуемых объектов главы и отдельные параграфы работы приобретают внешнюю самостоятельность, имея свои специальные обзоры литературы, археографические описания и т. д.³ В то же время, как это нетрудно заметить, во всех разделах работы преследуется одна общая цель: выявить достоинства и недостатки каждого источника в отдельности и установить взаимоотношения их в целом.

В теоретических и методических вопросах анализа исследуемых памятников автор опирался на богатый опыт советских историков-источниковедов и историографов⁴.

Основными объектами для исследования явились татарские исторические сочинения в рукописях, разбросанные по многим хранилищам разных городов СССР. Эти сочинения написаны арабским шрифтом на малопонятном современному читателю старотатарском литературном языке. Текстологическому анализу, сравнительно-сопоставительному исследованию текстов в первую очередь подвергались рукописные списки XVII, XVIII и XIX вв. Опубликованные варианты и списки (полные и отрывки) также учитывались. В тех случаях, когда изданные тексты качественно превосходят имеющиеся рукописные списки, предпочтение, естественно, дается им. Следовательно, перед автором стояла задача: из доступных ему списков произведений выявить самые старые по времени и самые качественные по полноте варианты. Конечно, это удавалось не всегда.

Для установления источниковедческого достоинства или же для выявления недостоверности сведений отдельных памятников, кроме внутренней критики содержания исследуемого текста, привлекались материалы проверенных источников. К ним в первую очередь относятся русские летописи, арабо-персидские, монгольские, староузбекские исторические сочинения; актовые материалы, например, русские грамоты и ханские ярлыки; эпиграфические памятники, данные фольклора, письменной литературы и т. д. В научный оборот вводятся также материалы археографических экспедиций КГУ за 1962—1968 годы, в которых автор принимал регулярное участие.

В ходе работы над темой были использованы татарские манускрипты исторического содержания из рукописных фондов следующих научных учреждений: Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (ЛО ИВАН); Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ГПБ); Восточного отдела научной библиотеки им. А. М. Горького при Ленинградском государственном университете (ВОНБ ЛГУ); Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве (ОР ГБ СССР); Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА);

³ Поэтому не дается общий обзор литературы по теме.

⁴ См. библиографию.

Восточного отдела Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского при Казанском государственном университете (ВОНБ КГУ); Архива Казанского института языка, литературы и истории АН СССР им. Г. Ибрагимова (Архив КИЯЛИ); Научной библиотеки и архива Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (НБ ИИЯЛ БФАН, Архив ИИЯЛ БФАН) и др.

Были просмотрены также рукописи из доступных нам частных коллекций. В общей сложности было выявлено и учтено около 200 списков⁵ памятников, исследуемых в данной работе. Сюда, естественно, не входят рукописи, которые привлекались в качестве вспомогательных источников.

Для уточнения некоторых специальных вопросов изучения памятников или же для проверки отдельных сведений автором привлечены материалы архивных документов.

Пользуясь случаем, выражаю работникам вышеперечисленных учреждений и древлехранилищ свою искреннюю благодарность. Автор признателен докторам наук Э. Н. Наджипу, Р. И. Нафигову, Х. У. Усманову, А. М. Шамсутдинову и А. Х. Халикову и др. за их ценные советы при работе над темой, также кандидатам исторических наук С. Х. Алишеву, Р. Г. Кашафудинову, А. С. Тверетиновой, рецензировавшим настоящее исследование.

⁵ Так, «Сборник летописей» Кадыр-Али-бека представлен тремя списками (один фрагментарный), анонимный «Дафтар-и Чингиз-наме» — 29-ю полными и отрывочными рукописями, «Таварих-и Булгария» Муслими — более 40, «История» Т. Иалчигула — более 15. Что касается татарских шаджара (родословных), то их число доходит до 120.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ У ТАТАР В XVII—XVIII вв.

Ученым, близко занимавшимся историей татарского народа, приходилось сталкиваться с одним довольно странным явлением: средневековая татарская историческая литература или почти не представлена сколько-нибудь удовлетворительными образцами, или же имеющиеся памятники носят, мягко говоря, слишком «своеобразный» характер, несвойственный типично историческим сочинениям. Если учесть, что татарский народ около тысячи лет владел стабильной письменностью¹, имел развитый литературный язык (памятники которого XIII—XIV вв. представлены в значительном количестве), наконец, являясь дифференцированным в классовом отношении обществом, продолжительное время имел свое государство, то странность такого явления становится очевидной. В чем же тут дело?

Первым на этот вопрос попытался ответить К. Фукс. В предисловии к своей «Краткой истории города Казани», отмечая отсутствие татарских исторических рукописей, он писал, что они «или истреблены огнем при взятии Казани, или, что также вероятно, увезены бежавшими тогда в Бухарию знатными татарами»².

Попытки Х. М. Френа найти памятники автохтонных нарративных источников по истории народов Поволжья не увенчались успехом, и он вынужден был с огорчением признать в этом:

¹ Первые монеты болгар-мусульман с арабскими надписями восходят к X веку; ранние образцы болгаро-татарской эпитафии относятся к XII столетию (причем, после Центральной Азии периода Восточнотюркского каганата, Поволжье является единственным регионом, где господствовала тюркоязычная эпитафия XII—XVI вв.). Наличие у татар старой поговорки: «Говорить то, что не писано на бересте» («Тузга язмаганны сөйләү») свидетельствует о распространении письменности и в быту болгарских предков татар; «булгарских» потому, что берестой вряд ли широко пользовались кыпчаки степей, хотя такие памятники были обнаружены, пока лишь на юге Среднего Поволжья. См.: Н. Н. Поппе. Золотоордынская рукопись... (Подробное описание всех использованных работ см. в библиографии).

² «Казанские известия», 1817, № 67, стр. 283. Эти мысли позднее были повторены также И. Хальфиным (Жизнь..., стр. 3—4).

«Напрасно в продолжении 25 лет я искал такую специальную историю улуса Джучи»³.

Несколько позднее И. Н. Березин также попытался выяснить причины отсутствия исторических сочинений у татар. В качестве причин такого отсутствия он перечислил целый ряд явлений, как-то: многочисленные войны на территории Казанского ханства, бесконечные междоусобицы, отдаленность Казанского ханства от культурных центров мусульманского Востока и т. д. И если к ним присовокупить, по его словам, «равнодушие казанских татар к истории своих предков, мы действительно получим те самые выводы, которые представляет литература Казанского царства — отсутствие подлинных татарских летописей»⁴.

По мнению Шигабутдина Марджани «ослабленное из-за постоянных войн, из-за отрицательных последствий внутренних распрей, Казанское государство не было в состоянии заботиться о науках, просвещении, воспитании подданных и о составлении научных сочинений, подлинных историй»; а те, которые когда-либо и были, погибли в дальнейшем из-за отсутствия книгопечатания⁵. Но Марджани в своих рассуждениях не был последователен, даже подвергал свои же слова сомнению, заявляя, что «если когда-то у них процветало древо науки, то сколько событий и бедствий они не пережили бы, все же до нас дошли бы хоть некоторые остатки ее»⁶.

Более широкими были взгляды Ризаутдина Фахрутдинова. Так он видел причину отсутствия исторических рукописей не только в результатах завоеваний и восстаний, он добавлял сюда и последствия многочисленных пожаров, миссионерских погромов⁷. Среди завоеваний он особое место уделял монгольскому нашествию, разбойничьей политике ханов-чингизидов. «Потомки Чингиз-хана, — писал он, полемизируя с Абулгазы-ханом, — не служили культуре, наукам и просвещению; они не восстанавливали и сотой доли того, чего сами разрушали» при нашествии

³ Цит. по: С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 24.

⁴ Н. Пашино. Татарские сказания. [Предисловие И. Н. Березина], стр. 118. (Разрядка наша.— М. У.).

ش. مرجانی، مستفاد الاخبار...، ۱-ج، ۱۲۲-۱۱۹ بیت.

(далее: Ш. Марджани, Мустафад ал-ахбар...)

⁶ Там же, стр. 124.

۷ - نخرالدین آثار، ۱-ج، ۱-جزء، ۱۴-بیت، (далее:

Р. Фахрутдинов. Асар, т. I, ч. I, стр. 4). Рукопись «Асара»: ВОНБ КГУ, № Т. 1460. лл. 4-а, 4-б (В рукописи имеется целый ряд важных положений, вычеркнутых царским цензором).

на цивилизованные страны⁸. Последствия такого варварства, по мнению ученого, наблюдаются и в истории казанских татар⁹. Однако Р. Фахрутдинова смущала и другая сторона вопроса: хотя в течение целого века после восстания Пугачева мусульмане Поволжья и Приуралья жили в относительном покое, мире, они также не смогли создать чего-либо существенного в области исторической литературы¹⁰.

Свое суждение по данной проблеме Н. Ф. Катанов сформулировал весьма коротко: «татары до сих пор не любили своей истории так, как любили ее, например, арабы X—XIII веков»¹¹.

Последующие авторы Г. Ахмаров, А. Рахим, А. Газиз и пр., затрагивая этот вопрос, не смогли предложить что-либо нового, они ограничивались повторением или в некоторой степени варьированием высказанных положений¹².

Итак, К. Фукс, И. Н. Березин, отчасти Ш. Марджани основные причины отсутствия или малочисленности памятников татарской исторической литературы средневековья видели в результатах войн и междоусобиц. К этим, безусловно неосновным и субъективным причинам Р. Фахрутдинов добавил еще ряд причин, которые также способствовали гибели памятников книжной культуры. У этих ученых имеется одно общее: они говорят о гибели, но не об абсолютном отсутствии татарских исторических сочинений. Н. Ф. Катанов же, развив одно субъективное и частное положение И. Н. Березина («равнодушие казанских татар к истории»), дал глубоко ошибочное объяснение, квалифицируя исторические сочинения как продукты «человеческой психики», оторвал эту психику от материального базиса, от конкретной исторической действительности, что является вообще для буржуазных историков характерным приемом¹³. Катанов, желал он того или нет, в сущности дал расистское толкование данного вопроса: без учета исторической действительности он противопоставил национально-психологические «особенности» народов.

Вопрос об отсутствии татарских исторических сочинений и остался открытым, так как правильное объяснение его связано с научным пониманием социальной сущности писаной истории в классовых обществах. Необходимо также различать особенности идейно-политического назначения исторической литературы на разных этапах развития общества и выявить те конкрет-

⁸ «Шурá», 1914, № 16, стр. 483.

⁹ «Шурá», 1913, № 1, стр. 10—11.

¹⁰ Р. Фахрутдинов. Асар. т. I, ч. I, рукопись, лл. 4-б, 5-а.

¹¹ Н. Ф. Катанов. Краткий обзор..., стр. 502.

¹² Г. Губайдуллин (Г. Газиз) в своей работе, посвященной истории исторической литературы тюркских народов (Г. Г у б а й д у л л и н. Развитие...), этого вопроса вообще не касается.

¹³ В. И. Стрельский. Источниковедение..., стр. 33.

ные социально-политические условия, объективные стимулы, без которых она не могла бы существовать и развиваться нормально. Выяснению отдельных моментов этих проблем и посвящаются нижеследующие страницы. Но необходимо подчеркнуть, что из-за слабой разработанности этих вопросов вообще¹⁴, данные наблюдения являются предварительными, а выводы, следовательно, носят постановочный характер, и они относятся прежде всего к исторической литературе феодального общества.

* * *

Корни исторических традиций всех народов уходят в глубь веков. Таковы древние мифы, предания и легенды, которые с известной оговоркой принимаются за первые исторические сочинения¹⁵. Первоначально фольклор выражал нужды и чаяния всего общества (рода, племени). С появлением классов, с возникновением письменной литературы¹⁶, которая была достоянием лишь имущих сословий, фольклорные произведения изменяли свою социальную направленность и, отражая воззрения трудовых масс, приобретали определенную партийность¹⁷. Вместе с тем, не все памятники фольклора в классовом обществе являются выразителями идей трудового народа. Например, фольклористика располагает значительным количеством памятников, где имеются наслоения идеологии господствующих классов, религии. Идеологическое своеобразие памятников средневекового эпоса служит ярким примером этому. Такие наслоения происходили оттого, что культура господствующих сословий будучи не элементом, а, как подчеркивал В. И. Ленин, господствующей культурой¹⁸, постоянно влияла на духовную жизнь народа. Все же отражение мировоззрения трудящихся масс является основным качеством фольклора.

Партийность памятников письменной исторической традиции выражена также отчетливо. Ибо авторы их, находясь в гуще интересов своего времени и класса, не могли только объективно отражать исторические события. Внося свои личные и социальные симпатии и антипатии, они превращали историческую лите-

¹⁴ Это связано не столько с общим уровнем теоретической историографии, сколько с тем, что исследователи исторической мысли других старописьменных народов не сталкивались с такими вопросами. Поэтому мы на них сознательно остановимся подробнее и на более обширном материале.

¹⁵ Очерки истории исторической науки... I, стр. 17—19; В. И. Стрельский. Основные принципы..., стр. 15—16.

¹⁶ В примечаниях к английскому изданию «Манифеста коммунистической партии», конкретизируя содержание тезиса «История всех до сих пор существующих обществ была историей борьбы классов», Ф. Энгельс писал: «То есть вся история, дошедшая до нас в письменных источниках» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 4, стр. 424). Здесь тонко подмечена классовая сущность письменной культуры вообще.

¹⁷ Термин «партийность» здесь и ниже применяется в значении слова «классовость».

¹⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 120—121.

ратуру в арену «острых идеологических столкновений»¹⁹, в оружие классовой борьбы. Если, говоря словами Г. В. Плеханова, люди делали свою историю, «чтобы удовлетворить свои нужды», то историки также не повиновались лишь «законам какой-то отвлеченной... эволюции»²⁰. Именно социальные потребности заставляли их братья за перо. А основным содержанием классовых обществ была и является социальная борьба. Поэтому историк, как всякий «живой человек,— говоря словами В. И. Ленина,— не может не становиться на сторону того или иного класса..., не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчиться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитию...»²¹ Таким образом, и к истории вполне применимы известные ленинские слова: «Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад»²². Следовательно, и историки всех классовых обществ выражали определенную партийность.

Но партийность является конкретной исторической категорией, по форме и содержанию она неодинаково проявляется на разных этапах классовых обществ. Требования рабов отличались от требований крепостных, за иные интересы боролись и борются пролетарии.

Развитие классово-партийной борьбы в капиталистическом обществе — вопрос предельно ясный, оно происходило и происходит на наших глазах. Цель класса капиталистов — удержать власть для эксплуатации трудящихся. В свою очередь, целью буржуазной власти является подавление и угнетение трудящихся масс. Правда, на раннем этапе капиталистического развития интересы буржуазии в известной степени совпадают с интересами широких слоев народных масс²³. И буржуазия ловко использует это свое ограниченное во времени прогрессивное положение, придавая «своим обычным интересам всеобщую форму»²⁴. Она выдвигает на первый план лозунг беспартийности, «ибо,— как говорил В. И. Ленин,— отсутствие партий среди борющихся за свободу» классов «означает отсутствие новой борьбы против этого самого буржуазного общества»²⁵. Все это отражается в буржуазной исторической науке, когда ее писатели преподносят победу буржуазии над феодалами, как последнюю победу на пути построения «свободного» общества, когда действиям и воззрениям буржуазных деятелей приписывают черты и качества борцов за народное дело, хотя мотивы и лозунги

¹⁹ В. Г. Могильницкий. Объективность и партийность..., стр. 3, 7.

²⁰ В. Г. Плеханов. О материалистическом понимании истории, стр. 243.

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 547—548.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 380.

²³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 134—136.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 62.

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 137.

общечеловечности в буржуазной историографии есть завуалированное проявление буржуазной партийности.

Самыми характернейшими чертами пролетарской партийности являются: последовательная революционность, отрицание демагогических лозунгов «всеобщности», «общенациональности» и сознательная дисциплинированность. А такая «строгая партийность», — писал Ленин, — есть спутник и результат высокоорганизованной классовой борьбы»²⁶. Возникновение, формирование и развитие пролетарской партийности сопровождалось зарождением, становлением и совершенствованием пролетарско-марксистской исторической науки в трудах Маркса, Энгельса, Ленина и их сподвижников. И принципиальное отличие пролетарской партийности в истории от партийности других классов, четко выражено в требовании Ф. Энгельса: «Всю историю надо изучать заново»²⁷.

Несколько иначе обстоит дело с проявлением и развитием крестьянской партийности. По истории хорошо известно, что крестьянство постоянно боролось против угнетения феодалов. Но в подавляющем большинстве эта борьба носила пассивный характер: неповиновение помещикам, бегство от помещиков и т. д. Иногда борьба крестьян принимала и активные формы — бунты, разгром барских усадеб и т. п. Порою вспыхивали грандиозные крестьянские восстания, от которых шатались троны. Однако все крестьянские войны кончались поражением восставших, а благие намерения заменить жестокого царя «добрым, мужицким» топились в народной крови, что объяснялось слабой, плохой организованностью крестьянских масс. Узость, замкнутость и изолированность мешали крестьянству осмысливать происходящие события, какими бы значительными, грандиозными они ни были²⁸. Социальные корни такой разобщенности раскрыты К. Марксом: «Парцельные крестьяне составляют громадную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные отношения друг к другу. Их способ производства изолирует их друг от друга». И такое обстоятельство «не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, — они не образуют класса. Они поэтому неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени... Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином...»²⁹

Поэтому крестьяне, подобно рабам древности, как указывал В. И. Ленин, «восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 133.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 37, стр. 371.

²⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 5, стр. 508.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 207—208 (разрядка наша. — М. У.).

большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут»³⁰. Идеалы крестьянских войн — ключок земли, «добрый царь» (отсюда и самозванцы). Прав Б. Ф. Поршнев, выступая против некоторых тенденций «идеологизировать» крестьянские движения, ставить мысли крестьян впереди их борьбы³¹. Дело в том, что крестьяне боролись «не столько «за», сколько «против»³². Наконец, та истина, что никогда не было крестьянских восстаний, охвативших всю национальную территорию³³, лишний раз доказывает неспособность крестьянства к ведению подлинной классовой борьбы в организованном виде.

Именно эта слабость крестьян дает ключ к пониманию непоследовательности, эклектичности и ограниченности крестьянской идеологии, что особо ярко выразилось в подходе к государственной власти, когда они вместо уничтожения машины угнетения мечтали лишь о замене некоторых ее «деталей».

Все это наложило отпечаток на историко-социальные воззрения трудового населения в феодальном обществе, когда «его идеология была очень слабо отдифференцирована от социальной психологии»³⁴.

Если добавить к этим основным причинам ряд других факторов, например, недоступность широким слоям трудящихся в феодальном обществе образования, книжной культуры и пр., то не трудно понять закономерность отсутствия исторических сочинений, выражающих подлинные народные интересы³⁵. Поэтому исторические воззрения трудящихся представлены лишь в памятниках фольклора.

В мире имущих сословий — феодалов, духовенства наблюдается совершенно другая картина. В противовес крестьянству в распоряжении класса феодалов были все средства духовно-идеологической, социально-политической борьбы: и образованность с педагогическими «кадрами», и религия с армией квалифицированных «наставников», и науки со своими «доказанными истинами», и, наконец, бумага — писчий материал³⁶. О налаженной коммуникации с более или менее удовлетворительной

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 82.

³¹ Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы, стр. 314.

³² Там же, стр. 313.

³³ Там же, стр. 307.

³⁴ Подроб. см.: Е. В. Гутнова. Некоторые проблемы..., стр. 64—70.

³⁵ Отдельные памятники письменной литературы, проникнутые в известной степени духом демократизма, еще не говорят о наличии народной письменной литературы, так как при определенных ситуациях (освободительные войны и др.) интересы многих сословий общества могут временно совпадать.

³⁶ В отдаленные эпохи даже в наиболее развитых странах бумага представляла большую ценность. Например, публичная библиотека (дом науки) халифа ал-Хакима (996—1021) в Каире имела на год бюджет в 257 динар, из которых главный библиотекарь за целый год получал 48, в то время как на бумагу расходовалось 90 динаров. (В. В. Бартольд. Культура мусульманства, стр. 172; Адам Мейс. Мусульманский Ренессанс, стр. 149).

службой информации, о войске, о квалифицированных чиновниках и т. д. уже не приходится говорить. Вот такое наличие и духовных, и материальных средств для ведения идеологической борьбы дало господствующему классу возможность систематизированно воплощать свои воззрения в письменной литературе — исторической, философской, художественной.

Правда, в силу господства натурального уклада в экономике, каждое феодальное хозяйство жило своим узким миром, далеким от общегосударственных интересов. Каждый феодал стремился быть самостоятельным «государем». Естественно, что при таких условиях центристремительные тенденции чередовались, переплетались с центробежными, вследствие чего одни государства распадались, другие, наоборот, возникали на базе удельных княжеств. Однако эти две, кажущиеся взаимоисключающие силы, как доказал Б. Ф. Поршнев, имели всегда одну общую направленность: подавление крестьянского сопротивления³⁷. Правильность такого вывода подтверждается и тем, что при таких тенденциях святым из святых было одно — законность, неизбежность данной или другой государственной власти. Эта идея и является основным стержнем феодальной исторической литературы, что можно проиллюстрировать рядом примеров.

В истории Киевского, а позднее Московского государства пройдены все этапы феодального развития: от возникновения на обломках родового строя раннефеодальной государственности, которая далее распалась на отдельные княжества, до образования централизованной державы, на базе которой стало возможно дальнейшее капиталистическое развитие страны. Весь этот процесс получил свое историографически зеркальное отражение как в древнерусских памятниках письменной истории, так и в образцах официальной российской исторической литературы. Например, когда возникает и развивается Киевская Русь, составитель «Повести временных лет» проводит мысль о единстве всей русской земли³⁸, обосновывая необходимость феодальной государственности, и доказывает «законность» правящей княжеской династии, добровольность ее признания народом»³⁹.

Идея законности той или иной государственной власти остается основной темой русских летописей и для периода феодальной раздробленности. Но взамен необходимости единства всех земель авторы доказывали законность суверенитета отдельного удельного княжества и его «права» на поглощение других⁴⁰. Общерусская тематика, как правило, подменялась семейной хроникой удельного князя⁴¹. Такая тенденция точно объяснена

³⁷ Б. Ф. Поршнев, *Феодализм и народные массы*, стр. 323—326.

³⁸ Л. В. Черепнин, *Русская историография...*, стр. 35—36.

³⁹ Там же, стр. 40.

⁴⁰ *Очерки истории исторической науки...*, I, стр. 61—64; Ю. А. Лимонов, *Летописание...*, стр. 34 и сл.

⁴¹ Л. В. Черепнин, *Русская историография...*, стр. 51.

Л. В. Черепнин: «Летописи составляются не только для того, чтобы просто зафиксировать и оценить явления прошлого и настоящего... Летопись является своеобразным политическим документом. Ведя борьбу за свои политические привилегии..., доказывая свои права на государственный суверенитет..., в качестве документации приводили ссылки на летописные своды. Значит, летописи не были произведениями отвлеченной исторической мысли. Они составлялись с учетом того, что в дальнейшем могут быть использованы в политической борьбе»⁴².

С началом же формирования централизованного государства московские летописи, поворачивая на 180 градусов, подобно прежним киевским и новгородским летописям, начинают проповедовать идею единства всей Русской земли⁴³. Для доказательства правомерности притязаний Москвы на роль стольного города великокняжеский идеолог Филофей создает известную теорию: «Москва — третий Рим», которая «сыграла заметную роль в оформлении официальной идеологии»⁴⁴ и присоединении других княжеств к Москве.

Естественно, идеи суверенитета, законности той или иной власти проводились не только при помощи декларативных заявлений. Наравне с житейско-политическими мотивами они подкреплялись «данymi» религиозных доктрин, «святых книг», основные тезисы идей аргументировались «божественной волей». Такой провиденциализм — один из основных приемов русского летописания — характерен для всей разноязычной феодальной исторической литературы⁴⁵.

Русские летописи в основном составлялись монахами при непосредственном или косвенном вмешательстве государей. Ярким примером этому служат действия Ивана IV и Петра I, которые сами принимали активное участие в составлении исторических произведений⁴⁶.

Появление государства, которое неразрывно связано с определенным этапом развития общества, безусловно, является исторически необходимым, прогрессивным явлением. Но «государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов» и оно, являясь государством «самого могущественного, экономически господствующего класса», служит средством «для подавления и эксплуатации угнетенного класса»⁴⁷. Поэтому все вопросы, связанные с государством (учения, теории о государстве), отражают, как говорил Ленин, «борьбу различных классов

⁴² Л. В. Черепнин. Русская историография..., стр. 62.

⁴³ Там же, стр. 79.

⁴⁴ Историография истории СССР, I, стр. 46—47.

⁴⁵ Л. В. Черепнин. Русская историография..., стр. 42, 58, 93, 99, 112 и др.

⁴⁶ Очерки истории исторической науки..., I, стр. 77, 171—173.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 171.

между собой»⁴⁸. Следовательно, идеи государственного суверенитета и неизбежности власти монарха, которыми пронизаны памятники средневековой русской историографии, являются, в конечном счете, отражением классовой борьбы. А классовая направленность такой историографии есть не что иное, как проявление феодально-дворянской партийности. Иначе говоря, феодально-дворянская партийность в исторических сочинениях выражается через идею государственной власти, ибо государством было машиной угнетения в руках феодалов. Следовательно, писаная история в руках господствующих классов в прямом смысле слова является оружием социально-политической борьбы.

Феодально-дворянские исторические доктрины доходят до масс постепенно, проходя сверху донизу всю социальную иерархию. К идее неизбежности верховной власти присоединяются ее «попутчики» с идеей о закономерности господства местных феодалов над крестьянами. Культ монарха окружается другими, менее значительными, культами. Вследствие такой цепной реакции «верховные» исторические идеи, доходя до масс, превращаются в догмы, переходящие из поколения в поколение. Именно в такой силе исторических традиций нужно искать причины монархических иллюзий крестьянских масс, когда они против царей поднимаются лишь при наличии более «закононого» батюшки-царя⁴⁹. Мечта крестьян о «добрых» и «мужицких» царях, таким образом, является результатом длительного воздействия господствующего феодального учения о государстве на сознание масс⁵⁰.

Итак, феодальная историческая литература является юридическим паспортом и идеологическим телохранителем феодального государства, существование обоих взаимобусловлено.

До сих пор речь шла о русской историографии. Можно было бы обратиться к исторической литературе и других народов СССР: грузин, армян, узбеков, таджиков и т. п., у которых официальные письменные истории периода феодализма развивались параллельно с государственностью, чутко фиксируя разные тенденции ее эволюции, прогресса или упадка. У этих народов основными «заказчиками» на исторические сочинения были цари, ханы, которые, представляя интересы прежде всего имущих сословий, постоянно боролись за государственную власть, защищая ее или оспаривая у других⁵¹.

Средневековая восточная историография у нас изучена относительно слабо. Однако, опираясь на косвенные данные, выясняя

⁴⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67.

⁴⁹ Необходимо повторно процитировать Маркса: «Их представитель должен вместе с тем являться их господином».

⁵⁰ Ибо «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 45).

⁵¹ Очерки истории исторической науки..., I, стр. 24, 28, 34, 36, 41, 47, 134, 145, 152, 158, 162, 164 и т. д.

социально-политическое положение арабских, персидских историков, биографические сведения о которых довольно богато представлены в русской и советской востоковедческой литературе⁵², можно было бы установить место и роль государства, господствующей идеологии в развитии исторической литературы мусульманских народов. Как правило, основная масса арабских и персидских историков представлена в лице видных государственных деятелей, политиков, крупных чиновников, среди которых иногда встречаются представители царствующих фамилий. Показателен в этом отношении обзор источников книги Л. А. Семеновой, где из привлеченных исследователем двадцати авторов⁵³ пятнадцать (ас-Сафад, Ибн Маммат, Ибн Шаддад, аз-Захир, Абу-л-Фида, Ибн Давадар, Ибн Тагри-Бирди и пр.) непосредственно занимали высокие государственные посты. Что касается остальных пяти авторов, то о некоторых из них мало биографических сведений, а другие, хоть и косвенно, но все же представляли господствующую идеологию.

Если возьмем самых крупных представителей мусульманской исторической литературы, авторов наиболее ярких и выдающихся исторических сочинений, то взаимосвязи государя и историка, историографии и государственности проявляются еще более ошутимо. Например, Рашид ад-дин, автор «огромной исторической энциклопедии, какой в средние века не было ни у одного народа ни в Азии, ни в Европе»⁵⁴, был первым министром иранских ильханов, по заказу которых и создал свое сочинение. Впрочем, он погиб в результате политических интриг вокруг престола⁵⁵.

Другой средневековый колосс Востока Ибн Халдун, создатель гениального как по форме, так и по содержанию трактата «Мукаддима», был также крупнейшим государственным деятелем своего времени, который «в науке видел средство систематизировать и придать целенаправленность своему политическому опыту и знаниям»⁵⁶. Основными объектами «Мукаддимы» являются сущность человеческого общества, возникновение государств, культур, взаимоотношения общества и государей и т. д.⁵⁷

При общей оценке специфики и своеобразия мусульманской историографии очень ценны высказывания замечательного востоковеда Х. А. Гибба, которые можно было бы резюмировать в следующем виде:

⁵² В. Г. Тизенгаузен. Сборник... I—II; Материалы по истории туркмен..., I, стр. 12—61; В. В. Бартольд. Туркестан..., стр. 45—108; И. Ю. Крачковский. Арабская географическая литература; Б. Н. Захедер. Каспийский свод..., I—II и мн. др.

⁵³ Л. А. Семенова. Салах ад-дин и мамлюки..., стр. 9—17.

⁵⁴ В. В. Бартольд. Туркестан..., стр. 94.

⁵⁵ Рашид ад-дин. Сборник летописей, I, кн. 1, стр. 22 (статья И. Петрушевского, стр. 3—37).

⁵⁶ С. М. Бациева. Историко-социологический трактат..., стр. 49.

⁵⁷ В. В. Бартольд. Теократическая идея..., стр. 316—318.

возникновение мусульманской исторической литературы связано с формированием и развитием ислама⁵⁸ (социально-классовая сущность религии общеизвестна.— М. У.);

в дальнейшем историография свою судьбу тесно связала с государством и «в области политической историографии место ученого-традиционалиста занял чиновник», в руках же духовенства осталась область жизнеописания святых⁵⁹;

однако вскоре «соединение биографии с политическими ашналами как общими, так и местными, было почти всеобщим явлением среди арабских историков»⁶⁰;

при хулагуидах в Иране создается типичная «чиновничья история»⁶¹;

Тимур постоянно возил за собой штат секретарей «с тем, чтобы они составляли историю его походов, и приказывал читать ему законченные труды. Таким образом, его правление было увековечено» в целом ряде исторических сочинений⁶²;

после завоевания арабских земель турками арабская историография лишилась «местных стимулов, до того времени поддерживавших ее существование; она пришла к почти полному упадку» и лишь изредка появлялись отдельные образцы «жалких общих хроник»; но зато в Турции, кроме существующей тюркоязычной, получает некоторое развитие и арабоязычная историография⁶³;

в Индии мусульманская историческая литература своему возникновению обязана Моголам; с именами Бабура, основателя династии, его двоюродного брата Мирзы Хайдара Дуглата связаны значительные памятники исторических мемуаров средневекового Востока⁶⁴ и т. д., и т. п.

Что касается роли религии в системе развития исторических мыслей и учений о государстве, государственной власти, то она прекрасно раскрыта В. В. Бартольдом⁶⁵. Мусульманские государи не только в войнах с «неверными», но и в борьбе между собой своим сугубо земным военно-политическим поступкам придавали религиозно-божественный характер. Чтобы доказать «священность» той или иной власти, законность ее действий, сочинители историко-теоретических работ спекулировали авторитетом Корана и пророка⁶⁶. А халифы («заместители пророка») в руках светских султанов превращались в марионеток; при

⁵⁸ Х. А. Глбб. Арабская литература..., стр. 125—127.

⁵⁹ Там же, стр. 134.

⁶⁰ Там же, стр. 142.

⁶¹ Там же, стр. 144—145.

⁶² Там же, стр. 145.

⁶³ Там же, стр. 148, 149.

⁶⁴ Там же, стр. 153, 154.

⁶⁵ В. В. Бартольд. Теократическая идея...; Его же. Халиф и султан.

⁶⁶ В. В. Бартольд. Халиф и султан, стр. 22, 33, 45, 60, 71, 73.

гибели действительных халифов фабриковались ложные⁶⁷. Словом, «на мусульманском Востоке, как везде, требования религии всегда подчинялись требованиям земной жизни, а не наоборот»⁶⁸.

Историографические памятники древних тюрков (к которым относятся тексты стел-надгробий)⁶⁹ призваны были выполнять те же социально-политические функции. Было бы наивно думать, что эти эпитафии воздвигались лишь для удовлетворения тщеславия покойных монархов, временщиков или являлись признаком любви к ним их престолонаследников («живые не внемлют словам мертвых», — говорит тюркская мудрость). Нет, они составлялись как сугубо историко-политический документ⁷⁰ и в первую очередь служили интересам живых государей: «Божественная воля, проявлением которой является власть кагана, верность кагану бегов и народа, подчинение народа бегам — таков лейтмотив идей» в рунических надгробиях⁷¹.

Естественно, что такие «августейшие» идеи наносились не только на каменные надгробия. Ведь эпитафия — лишь частичное отражение более широко распространенной письменной культуры, исторической литературы, о наличии и уровне развития которых эти эпиграфические остатки свидетельствуют документально. Это установлено в результате тщательного исследования эпитафий Кюль-Тегина и Бильге-кагана: «...каждый памятник — достаточно сложное композиционно литературное произведение и одновременно историческая хроника, с высокой точностью перечисляющая события... Текст написан исключительно ясным и четким языком, палитра художественных приемов чрезвычайно разнообразна, а о традиционном характере стиля говорят многочисленные трафаретные выражения и характеристики. Все это свидетельствует о том, что текст надписей — не просто запечатленный на камне устный рассказ, а творение мастера, обладавшего незаурядным дарованием и тонким чувством языка, историографа и панегириста царствующей династии второго Восточнотюркского каганата»⁷².

Таким образом, историческая мысль у древних тюрков была развита. По словам Л. Н. Гумилева, у них имелась и философия истории⁷³. Следует лишь добавить, что один автор текстов, именно принц Йоллыг-тегин в 734—739 годах был каганом,

⁶⁷ В. В. Бартольд. Халиф и султан, стр. 38—39; см. также: Адам Мец. Мусульманский Ренессанс, стр. 19—24.

⁶⁸ В. В. Бартольд. Теократическая идея..., стр. 318.

⁶⁹ С. Е. Малов. Памятники...; Его же. Памятники Монголии и Киргизии...; С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники...; Л. Н. Гумилев. Древние тюрки, глава XXIV.

⁷⁰ Как пишет Л. Н. Гумилев (стр. 330—336), основные тексты стел составлялись еще при жизни покойников, как их историко-политическая программа.

⁷¹ С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники..., стр. 62.

⁷² Там же, стр. 63—64. (Подчеркнуто нами.— М. У.)

⁷³ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки, стр. 342—343.

а другой, «мудрый» Тоньюкук был одним из трех государственных деятелей, основавших второй Восточнотюркский каганат⁷⁴. Эти авторы вряд ли были первыми и последними историографами в древнетюркском мире. В то же время эпитафии не являлись единственным средством для выражения историографических установок тюркских каганов. У них, несомненно, существовали другие виды письменных исторических сочинений, которые имели специфическое жанровое своеобразие, связанное с бытом, духовной культурой и традицией древнетюркского мира.

Видимо, аналогичное своеобразие монгольских исторических памятников дало В. В. Бартольду повод заявить, что монголы и их учителя уйгуры не проводили строгого «различия между историей и легендой», и отнести «Сокровенное сказание» только к жанру богатырского эпоса⁷⁵. Однако последующие исследования, произведенные непосредственно по оригиналу источника, дали основание квалифицировать его как памятник исторической хроники, дающей ценные сведения по социальной и политической истории империи Чингиз-хана в период ее становления⁷⁶. Тот факт, что основной темой памятника является борьба за власть и забота о едином для монголов государстве, а также освещение вопросов взаимоотношения государя с подданными убедительно доказывают справедливость таких выводов. Что касается синкретичного характера «Сокровенного сказания» в литературно-жанровом отношении, то это еще не дает основания отрицать наличие у доимперских монголов произведений официальной историографии. Если чингизиды в Китае «заботились о разработке монгольской истории»⁷⁷, то дочингизские монгольские ханы, князья также должны были историографически обосновывать законность своих привилегий. «Сокровенное сказание», таким образом, «является памятником более раннего этапа развития монгольской феодальной историографии»⁷⁸. Вряд ли такое совершенное произведение могло возникнуть на пустом месте.

Ильханы Ирана, не удовлетворяясь уже имеющимися у них «Алтан дептер»ом («Золотая тетрадь» — официальная история рода Чингиз-хана), стали, так сказать, «продюссерами» Рашид ад-диновского «Сборника летописей». В «Сборнике» также как и в других монгольских историях, например, в «Сокровенном сказании», проводится мысль о необычном, божественном происхождении рода Чингиз-хана (девятым предком Чингиза был

⁷⁴ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки, стр. 298 и сл.

⁷⁵ В. В. Бартольд. Туркестан..., стр. 90, 91.

⁷⁶ С. А. Козин. Сокровенное сказание..., стр. 52—56; Л. С. Пучковский. Монгольская феодальная историография..., стр. 134—137.

⁷⁷ В. В. Бартольд. Туркестан..., стр. 91.

⁷⁸ Л. С. Пучковский. Монгольская феодальная историография..., стр. 136.

л у ч, от которого забеременела его пра-прабабушка Аланкуа) ⁷⁹.

Естественно, чингизиды не ограничивались лишь этим одним и довольно мирным «аргументом» для доказательства законности их власти. Их историографы подробно описывали жестокости Чингиза и его потомков и, вызывая страх у читателя, тем самым призывали его к покорности.

Однако монгольская историография XV—XVI вв. пережила кризис, что связано с падением юанской династии, с потерей общемонгольского суверенитета. Но в XVII в. летописи «появились как одно из следствий попыток политического объединения восточных монголов, которые предпринимались более значительными ханами... Появлению таких сочинений способствовала также борьба за гегемонию между феодалами восточных и западных монголов, что отразилось в летописях XVII в.» ⁸⁰. Таким образом, развитие монгольской историографии также связано с государственной властью.

Можно было бы привести еще массу фактов, привлекая материалы исторической литературы, например, древних греков и китайцев, византийцев и римлян, французов и англичан ⁸¹. И везде мы увидели бы официальную историографию в качестве «удостоверения личности» государств и каждый раз обнаруживали бы примерно одну и ту же картину: возникновение и развитие письменной исторической литературы в докапиталистических классовых формациях обусловлено, в основном, становлением и эволюцией государственности. С ликвидацией ее и историография лишается стимулов для нормального существования и приобретает специфические особенности.

Само собою разумеется, отсюда еще не следует делать вывод, что все средневековые исторические сочинения создавались по прямому и непосредственному заказу государей и «власть имущих». Нет, историография, как всякая надстройка, на

⁷⁹ Эту легенду повторяет автор «Шайбани-наме» (И. Березин. Библиотека..., I, текст. стр. 19, перевод, стр. XXVIII—XXIX). Чингизид Абу-л-газы в своем «Родословном», развивая ее, в уста оправдывающейся Аланкуа вложил такие слова и «аргументы», которые заставили бы задуматься не только простаков средневековья, но и добродушных читателей позднейших времен (И. Березин. Библиотека..., III, стр. 59).

⁸⁰ Л. С. Пучковский. Монгольская феодальная историография, стр. 137—139. См. также: Ц. Ж. Ж а м ц а р а н о. Монгольские летописи XVII века. Примечательно: хотя Жамцарано больше склонен связывать малочисленность памятников монгольской историографии XV—XVI веков с неблагоприятными условиями кочевой жизни (стр. 6), он был вынужден констатировать и следующее: «Исторические хроники писались на монгольском языке в периоды политического и духовного подъема монголов — в эпоху Чингиза и его преемников (XIII—XIV вв.) и в век Легден Хутухту хана чахарского (XVI—XVII вв.)». Там же, стр. 7.

⁸¹ Отсылаем читателя к соответствующим главам и разделам следующих работ: Н. Я. Бичурин. Сборник сведений..., I; В. П. Бузескул. Введение...; О. Л. Вайнштейн. Западноевропейская средневековая историография..., М. А. Заборов. Введение в историографию...; Е. А. Косминский. Историография...; История Византии, I и др.

определенной, исторически высокой ступени своего развития приобретает относительную самостоятельность. И на этом этапе она частично пополняется произведениями, созданными для удовлетворения своей собственной потребности. Примеры этого явления в истории наиболее культурных народов античности и средневековья (греков, арабов и др.) не единичны.

При выяснении условий развития исторической литературы необходимо также учитывать наличие или отсутствие устойчивой письменности, развитого литературного языка, уровень развития просвещения и, самое главное, стабильно развивающейся городской культуры. Эти факторы, однако, определяют лишь национальную особенность, нюансы той или другой исторической мысли, не затрагивая ее социальной сущности, ибо, как известно, национальное является вторичным по отношению к социальному.

Наконец, положение «нет государственности — нет нормально развивающейся официальной истории» относится, в первую очередь, к феодальному (также рабовладельческому) обществу. При капиталистическом строе господствуют иные законы общественной борьбы: на арену выступают принципиально новые социальные факторы, к которым прежде всего относятся экономическое слияние страны, победа сравнительно прогрессивного и чрезвычайно энергичного класса в лице буржуазии, формирование буржуазных наций, рождение и рост последовательно революционного и организованного пролетариата, что создает совершенно иные условия, при которых не только возможно, но даже необходимо рождение и развитие негосподствующей, неофициальной исторической литературы, противостоящей государственно-апологической историографии. Так родилась марксистская историческая наука, так рождалась историческая литература угнетенных наций.

В развитии исторической литературы государство выступает не как надклассовая сила или, как утверждали представители идеалистической «государственной школы» в России, «как самостоятельное лицо» (воплощение «органического союза народа») ⁸², а действует как машина угнетения — средство диктатуры одного класса над другим. И феодальная историческая литература относится к государству также, как относится надстройка к базису.

Возникает законный вопрос: разве с падением суверенитета исчезает партийность класса феодалов или данный класс перестает прибегать к услугам исторических доктрин? Да, классовость не исчезает, не исчезает, не сходит на нет и письменная история, но вследствие изменения базиса соответствующую трансформацию претерпевает и надстройка, приобретая иную форму, что можно проследить на примере татарских исторических сочинений XVII—XVIII вв.

⁸² Очерки истории исторической науки..., I, стр. 339 и сл.

Одним из основных компонентов современных казанских татар в этногенетическом и культурно-духовном отношении являются тюркские племена Булгарского государства, которые занимали доминирующее положение в нем как в развитии социально-политической жизни, так и в создании духовной и материальной культур⁸³.

С 30-х годов XIII столетия Булгарское государство стало улусом, автономной составной частью Золотоордынской империи, основным ядром населения которой были кыпчаки. Последние по языку и быту были близки к тюркским племенам прежнего Булгарского государства.

Самостоятельное Казанское ханство возникло в 30—40-х годах XV века, при его образовании решающее значение прежде всего имела относительная культурно-экономическая самостоятельность Булгарского улуса. Следует также учитывать значительное число пришедших золотоордынско-кыпчакских феодалов, с их многочисленными воинами-дружинниками, которые внесли определенные изменения в социально-политический строй булгарского общества и этнический состав его населения.

С 1552 года Казанское ханство перестало существовать как суверенное государство, территория и население его без каких-либо признаков автономии вошли в состав Русского государства. В таком положении край находился до Великой Октябрьской социалистической революции.

Следует отметить, что о казанском периоде истории татарского народа письменных сведений сравнительно меньше, чем о предыдущей эпохе. Это, видимо, связано, как писал Ш. Марджани, с постоянными военными действиями, из-за которых нарушилась связь ханства с более культурными восточными странами, известия же русских летописей носят односторонний характер⁸⁴. Действительно, в русских летописях порою трудно отделить факты от вымысла. К тому же летописи содержат в основном военно-политические сведения, не затрагивая жизни и быта широких слоев народа⁸⁵. В тоже время такая картина закономерна в другом отношении: все прежние исторические произведения посвящались военно-политическим событиям,

⁸³ Как полагают археологи, удельный вес небулгарских тюркских племен в Булгарии был более значителен, чем это казалось прежде (История ТАССР, однотомник, стр. 39). По языку и культуре эти племена, видимо, резко отличались от своих сородичей южных степей X—XII и XIII—XIV вв.

⁸⁴ Ш. Марджани. Мустафад-ал-ахбар..., I, стр. 120.

а составление исследований по культуре и быту татарского народа, как отмечал Р. Фахрутдинов, явление новейшее⁸⁶.

О болгарском периоде, наоборот, мы располагаем более богатыми сведениями. Для примера возьмем вопросы просвещения, культуры и историографии. Например, Ибн Русте конкретно говорит о наличии у болгар организованного обучения: «Большая часть исповедует ислам, и есть в их селениях мечети и начальные училища с муадзинами и имамами»⁸⁷. Сведения о проникновении мусульманской образованности в Булгарское государство еще до официального принятия ислама представлены у Ибн Фадлана⁸⁸.

Просвещенный араб из Андалузии — Абу Хамид ал-Гарнати, посетивший в 30-е годы XII в. Булгарию, дает сведения об историках. Например, среди ученых и образованных людей он называет имя болгарского кази (кади) Яакуба сына Нугмана (Яа'куб ибн Ну'ман), сочинение которого с названием «История Булгара» (Тарих-и Булгар) произвело впечатление на любознательного путешественника⁸⁹.

Правда, сочинение Яакуба Булгари, несмотря на продолжительные поиски Х. Френа⁹⁰, Ш. Марджани, Р. Фахрутдинова и С. Вахиди⁹¹, пока не обнаружено. Но тот факт, что просвещенный андалузец обратил на него свое внимание, свидетельствует о значительности этого произведения, что в свою очередь говорит о неодинокости Яакуба Нугмана как историка в Булгарском государстве. А его социальное положение (кази — судья) дает возможность отнести автора к выразителям официальной идеологии. Словом, в Булгарском государстве, хотя бы в зачаточном виде, была своя официальная историческая литература.

Конкретных сведений об историках периода Казанского ханства пока нет, но это не дает основания заключать, что в этом государстве не создавались исторические произведения, потому что:

в Казанском ханстве из-за четкой дифференциации общества на антагонистические классы шла острая социальная борьба и эксплуатирующие классы располагали в лице ханской власти хорошо организованной «машиной угнетения»;

государственная власть защищала интересы феодальной аристократии как от внешних врагов, так и от внутренних соперников;

⁸⁶ «Шурá», 1909, № 3, стр. 67; 1915, № 5, стр. 154.

⁸⁷ Д. А. Хвольсон. Известия..., стр. 23; А. Я. Гаркави. Сказания..., стр. 262.

⁸⁸ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн Фадлана..., стр. 131—138.

⁸⁹ Ш. Марджани. Мустафад-ал-ахбар..., I, стр. 80; Р. Фахрутдинов. Асар, рукопись, лл. 19-6—20-6; А. Л. Монгайт. Абу Хамид ал-Гарнати..., стр. 171. По техническим соображениям для обозначения арабской буквы «айн» принято «'».

⁹⁰ Х. Д. Френ. Некоторые указания..., стр. X и № 117.

⁹¹ АВ ЛО ИВАН, ф. 111, оп. 1, ед. хр. 19, л. 1-6.

между отдельными феодальными группировками шла постоянная и острая борьба за бразды правления⁹²;

верхние сословия располагали, как показывают другие письменные документы, развитым литературным языком и грамотными кадрами;

наконец, в этом регионе встречались исторические традиции двух начал (местных феодалов и пришлых кочевых аристократов) и т. д.

Следовательно, если бесспорно синхронное наличие этих условий в крае в XV—XVI вв., то бесспорно и наличие в Казанском ханстве исторических сочинений, выражавших интересы государей или группировок, претендующих на власть. В противном случае остается признать «надклассовость» татарской исторической литературы, в частности, и отрицать наличие классовой и идеологической борьбы в бывшем Казанском ханстве, в целом. При этом необходимо иметь в виду и следующее: в отличие от чрезмерно отвлеченных теологических и философских учений, а также абстрагированной художественной литературы, история есть почти единственная область идеологии, где оперируют конкретными фактами действительности настоящего и прошлого. Вряд ли казанские ханы не прибегали к услугам этого действенного оружия идеологической борьбы — «политики, опрокинутой в прошлое».

Все это не означает, конечно, что казанские историки создавали монументально-классические произведения типа «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина или «Мукаддима» Ибн Халдуна. Для рождения таких капитальных трудов сверх государства необходимы другие факторы социально-культурного развития: стабильность политического и динамичность социального строя, непрерывность и преемственность традиций духовной культуры, развитость международных экономических, культурных связей и т. д. и т. п. Но эти факторы, однако, мало затрагивают социальную сущность официальной историографии, определяя лишь форму и степень добракачественности ее.

В Казанском ханстве были исторические сочинения официального характера, что подтверждается не только теоретически, но и практически: ряд татарских исторических произведений XVII столетия сохранил на себе отпечаток предшествующих. («Сборник летописей» Кадыр-Али-бека и «Дафтар-и Чингизнаме» анонимного автора).

Но где же в таком случае эти истории казанских ханов? Куда они исчезли?

Вот здесь следует вспомнить о предположениях К. Фукса, И. Н. Березина, Ш. Марджани и Р. Фахрутдинова, когда они

⁹² Именно в этом плане необходимо рассматривать постоянные столкновения московской и казанской ориентаций среди татарских феодалов в ханстве. Об этих событиях подроб. см.: М. Г. Худяков. Очерки по истории...

говорили о войнах, смутах, восстаниях и многочисленных пожарах, способствовавших гибели памятников письменности.

Действительно, наивно было бы не учитывать результаты многократных покорений городов Камско-Волжского края русскими князьями и монгольскими завоевателями, с разгромами и пожарами. Если в 1236 году покорение болгаров сопровождалось жестоким погромом и поголовным избиением населения⁹³, то в 1552 году во время падения Казани сгорела соборная мечеть, при которой были медресе и библиотека⁹⁴.

Кроме таких международных событий, немаловажное значение в гибели книг имели последствия междоусобиц внутри самой Золотой Орды и антимосковские восстания после падения ханства. Немало памятников культуры погибло во время последующих крестьянских войн, когда антифеодальные выступления сопровождалась всепожирающими «красными петухами», которые обрушивались на богатые усадьбы, где несомненно имелись частные библиотеки.

Не следует забывать негативную роль и стихийных бедствий — пожаров. Например, Казань, вследствие пожаров 1595, 1672, 1749, 1754, 1815, 1842 годов почти полностью изменила свое лицо⁹⁵. Как сообщает одна татарская историческая запись, между 1787 и 1797 годами в Татарской слободе Казани было более двадцати пожаров⁹⁶. А в 1815 году огонь пожрал целый ряд татарских аулов⁹⁷.

⁹³ «Таварих-и гузида»... текст, стр. 112.

⁹⁴ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., II, стр. 2—3, 12.

⁹⁵ М. Рыбушкин. Краткая история..., I, стр. 8.

⁹⁶ ЛО ИВАН, рукопись В 2697—1, л. 1-6.

⁹⁷ Там же, л. 2-а. Пожары были настоящим бичом этого края деревянной архитектуры. Например, как свидетельствует другая «Историческая запись», в 1859 году в Старой слободе Казани превратились в пепел более двух тысяч (!) домов (ВОНБ КГУ, рукопись Т. 1587). По словам одного аутентичного событиям баята, в 1882 г. в Каргалах под Оренбургом «сгорели мечети, сгорели медресе, погибло много-много книг» (ЛО ИВАН, рукопись А 1135, л. 61). В 1880 году, как установил С. Вахиди, в ауле Иски-Раджаб погибла от огня известная всему округу библиотека; а в 1910 году в ауле Симяк превратилась в пепел библиотека потомков татарских тарханов. В этих коллекциях, по словам сведущих стариков, были книги и бумаги ханских времен (АВ ЛО ИВАН, ф. 111, оп. I, ед. хр. I, лл. 3—4). Не абсолютизируя известия таких «сведущих стариков», тем не менее не следует их игнорировать целиком, так как во время наших археографических экспедиций такие предания обычно подтверждались вещественными данными.

Интерес представляет сообщение филолога З. Г. Максutowой, бывшего преподавателя пединститута: в 1908 году в их родном ауле Урайай пламя уничтожило библиотеку ее отца, где имелись книги «со странными буквами», которых никто не мог читать, и которые, как предполагает она ныне, были уйгурописьменными манускриптами. Это вполне возможно, так как предки Максutowой, согласно родословным, до 1552 г. жили в Казани и принадлежали к имущим сословиям. А распространение уйгурского письма в Поволжье подтверждается подлинниками источников (ханскими ярлыками и текстами на бересте, см.: Н. Н. Поппе. Золотоордынская рукопись...).

Наконец, такая же участь постигла богатейшую библиотеку Ш. Марджани

Отрицательную роль в гибели письменных памятников прошлого, как и вышеуказанные стихийные бедствия, сыграли организованные царским правительством миссионерские погромы⁹⁸. Например, лишь в 1742 году только в Казани и ее окрестностях из 536 мечетей было разрушено 428. «Одни из этих мечетей,— уточняет историк-миссионер,— построены были еще до покорения Казани, другие назад тому лет 200 и ниже»⁹⁹. Особенно отличился Лука Конашевич, который подвергал систематическому уничтожению и другие памятники старины, например, надгробия с надписями¹⁰⁰. Вполне естественно, что при таких варварствах «святых» культуртрегеров библиотеки в мечетях и примечательных медресе также предавались огню¹⁰¹.

Итак, войны, пожары, миссионерские погромы и др. сыграли значительную роль в гибели средневековых памятников письменности, в том числе исторических сочинений. Однако, это необходимо особо подчеркнуть, в исчезновении существовавших памятников средневековой татарской историографии наиболее действительное значение имело отсутствие стимулов для развития такой литературы. С ликвидацией суверенитета ослабла и стала затухать потребность в официальных исторических сочинениях, ибо с арены сошли их потребители. Вследствие этого сохранившиеся еще кое-где списки таких сочинений не копировались, а лежали в единичных экземплярах. И в один прекрасный день они превращались в пепел и рвались на клочки.

Что касается потребности татарских феодалов в исторических сочинениях, выражающих их интересы, то здесь необходимо учитывать следующие конкретные условия, в которые попали местные мирзы и беки после ликвидации ханства.

Во-первых, во время завоевания Казани известная часть татарских мирз перешла на службу к русскому царю и выехала с территории Казанского ханства. Впоследствии к ним присоединились и те, которых русское правительство в административном порядке выселяло из Поволжья во внутренние области государства, предоставляя им поместья в исконно русских землях,

в 1920 году: **س. واحیدی. مرجانی کتبخانه سی...**

(С. Вахиди. Библиотека Марджани...).

⁹⁸ Подроб. см.: А. Н. Григорьев. Христианизация...

⁹⁹ А. Можаровский. Изложение хода миссионерского дела..., стр. 89.

¹⁰⁰ Н. Ф. Катанов. Татарские рассказы о Старой Казани, стр. 298; Н. Ф. Калинин. Казань времен Пугачевских восстаний, стр. 91.

¹⁰¹ К этой же категории бед, к сожалению, следует отнести перегибы 20—30-х годов, когда, как выясняется в ходе археографических экспедиций, без разбора предавались публичному огню целые библиотеки старинных книг в татарских селах. В результате такого легкомыслия у известной части татар возникло стремление захоронить рукописи и книги умерших родственников. Среди случайно сохранившихся остатков таких, в основном, «захороненных» библиотек нам удалось приобрести рукописные списки XIV—XVI столетий...

с русским населением¹⁰². К ним же относятся и касимовские служилые татары. Все они постепенно и «относительно быстро ассимилировались с русским населением», сохраняя лишь фамильные прозвища¹⁰³.

Во-вторых, значительная часть татарских мирз и князей была вынуждена принять христианство под экономическим давлением царизма во второй половине XVII и первой половине XVIII веков¹⁰⁴. Христианство принимали, надо полагать, не рядовые дворяне из-за «любви» к нему, а наиболее могущественные прослойки, которые в случае отказа могли лишиться своих экономических привилегий. С некоторыми так и случилось, вследствие чего возникло сословие так называемых «мурз-лапотников» («чабаталы мирзалар» — нищие мирзы). Другая часть татарских феодалов деклассировалась, образовав прослойку купечества. Одним словом, «класс служилых мурз и татар... быстро исчезает вследствие ограничений их владельческих прав..., поглощенный частично русским дворянством, частично податным классом инородческого населения»¹⁰⁵.

Этот процесс также внес могущественную лепту в уничтожение памятников письменности, в том числе и исторических сочинений (кто принял христианство, тот вряд ли продолжал заботиться о своей прежней библиотеке, а тому, кто лишился имени, было не до старых книг...).

К этим фактам следует присовокупить прекращение развития городской культуры у татар в XVII—XVIII вв., ибо Московское правительство, стремясь прочнее утвердиться в крае, выселило татарское население из Казани, превратив ее «в русский город»¹⁰⁶.

Так, из-за отсутствия суверенитета, из-за плохой организованности экономически ослабленного и политически раздробленного класса феодалов в XVII—XVIII веках не было соответствующих стимулов для нормального развития татарской феодальной историографии. А те сочинения, которые были созданы до падения ханства, погибли, вероятно, вследствие стихийных и социальных бедствий или, по крайней мере, еще не обнаружены.

Возможен следующий вопрос: как оценить эту деградацию татарской исторической литературы в связи с историей народа? Ответ ясен: судьба феодальной исторической литературы — одно, история народных масс — другое, эти вещи разного порядка. Исторические воззрения крестьянских масс развивались в фольк-

¹⁰² Не случайно, что уже в 60-х годах XVI столетия в одном только левобережье «Казанского царства» из 900 землевладельцев 700 были русскими помещиками, а татарскими — лишь 200 семей. См.: Н. Ф. Калинин. Казань, стр. 54.

¹⁰³ М. Н. Тихомиров. Россия в XIV столетия, стр. 487.

¹⁰⁴ А. Н. Григорьев. Христианизация..., стр. 229—235.

¹⁰⁵ Н. А. Фирсов. Инородческое население..., стр. 5 и далее.

¹⁰⁶ М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетия, стр. 489.

лоре. Они, в противовес катящейся вниз феодальной исторической мысли, развивались ввысь, что видно из роста классового самосознания татарского крестьянства, когда оно начало воспевать героев крестьянских войн — Пугачева и Салавата¹⁰⁷. Но это уже другая тема, выходящая за рамки феодальной историографии.

Таким образом, причины малочисленности или отсутствия памятников татарской историографии периода феодализма можно будет понять при учете всего комплекса вышеперечисленных обстоятельств. Возможно, имеются и другие побочные причины. Катыновское же «решение» («татары не любили историю») является крайне субъективистским и антинаучным.

По Н. Ф. Катанову бьет и свидетельство И. Г. Георги, автора середины XVIII века, который подчеркивает распространенность среди татар общеобразовательной грамотности и обыденности у них исторических сочинений, из которых они извлекали «изрядное сведение о своих древностях»¹⁰⁸.

Катановское «положение», наконец, опровергается и другими вещественными фактами: татарское общество, не имея на то необходимых условий, продолжало создавать исторические сочинения в XVII—XVIII вв. И эти сочинения позднего происхождения распространялись среди населения в сотнях и сотнях рукописных списков. Что касается появления официального по существу «Сборника летописей» Кадыр-Али-бека в Касимове, в этом марионеточном «ханстве», то оно еще раз подчеркивает значение суверенитета, даже минимально призрачного, для феодальной исторической литературы.

Раздробленность класса татарских феодалов в организационном отношении, лишение ее историографии государственно-охранительной и документальной функции обусловили особенности татарской исторической литературы XVII—XVIII веков:

во-первых, усиление литературно-художественного начала в исторических сочинениях (письменная история начинает выполнять роль литературного чтива или «общеобразовательного» пособия);

во-вторых, из-за отсутствия объединяющего центра взамен общегосударственных, общетатарских «историй» развиваются частные, к которым относятся шаджара — генеалогические записи отдельных фамилий, а позднее — региональные истории (аулов, группы селений);

в-третьих, из-за отсутствия светской власти в историографии господствует доведенный до крайней уродливости провиденциализм, особенно усилившийся в период грубого наступления христианства;

¹⁰⁷ Отмечая слабую изученность этого вопроса, отсылаем читателя к образцам самих источников: Антология татарской поэзии, стр. 27; Борынгы татар әдәбияты, 437—439 битләр (далее: Древняя татарская литература).

¹⁰⁸ И. Г. Георги. Описание..., II, стр. 9—10.

в-четвертых, из-за отсутствия требовательности к качеству исторических сочинений (а требовать мог бы только заказчик-потребитель), в них порою не соблюдаются элементарные правила историографии (место официального, подотчетного историка-профессионала занимает добровольный историк-любитель).

Впрочем, все эти и другие особенности татарской исторической литературы можно проследить при анализе конкретных памятников.

Необходимо остановиться также на некоторых вопросах татарской археографии, точнее на особенностях оформления рукописей. Распространено мнение, что татарские рукописи оформлены очень небрежно, «по-нищенски» и никакой эстетической ценности не имеют. Действительно, если сравнивать их с турецкими, иранскими рукописями, то они выглядят бедно. Но дело не в том, что в Поволжье не хотели или не могли оформлять рукописи художественно, по всем правилам, снабжая их унванами, колофонами и т. п., а в том, что эти рукописи предназначались не для рырка, а для собственного «потребления», личной библиотеки. В Турции, Иране и Средней Азии постоянно существовали многолюдные специальные рынки, где шла бойкая книжная торговля, для этих рынков не покладая рук работали переписчики-профессионалы. Мало того, наиболее хорошо оформленные восточные рукописи выполнялись, как правило, для библиотек государей и вельмож, которые компенсировали материальные затраты. У татар в данный период не было всех этих условий. Единичные профессионалы-переписчики определяющего значения не имели, к тому же они занимались составлением списков религиозно-юриспруденческих сочинений для крупного духовенства. Следовательно, мы имеем дело, в основном, не с товарами для сбыта на рынке, а с «продуктами», как говорится, «натурального способа производства», с рукописями бытовыми, составленными «для себя». Значит, скромный вид этих рукописей служит доказательством влияния социально-политических сдвигов, происходивших в жизни татарского народа, и на оформление исторических сочинений.

С другой стороны, такие факты, говорящие о стремлении составителей этих рукописей к знанию, об их любви к книгам, не могут не вызвать искренней симпатии к ним — этим многочисленным шакирдам заурядных сельских медресе. Именно они являются составителями списков подавляющего большинства татарских рукописей, от любовно-поэтических до исторических. И почти всегда каждый из них заканчивал свой неоплачиваемый труд обращением к читателю и скромным лучшим пожеланием:

Муны йаздым йадкар улмак үчүн
Укыганлар бир дуга кылмак үчүн¹⁰⁹.

¹⁰⁹ «Писал я эту [рукопись] для того, чтобы она осталась на память, и для того, чтобы прочитавшие ее благославили [меня] молитвой...»

**«СБОРНИК ЛЕТОПИСЕЙ» КАДЫР-АЛИ-БЕКА
(1602 г.)**

О ЛИЧНОСТИ АВТОРА И ОСОБЕННОСТЯХ ЕГО СОЧИНЕНИЯ

Краткие историографо-археографические сведения об источнике

Историческое сочинение под условным названием «Сборник летописей», принадлежащее перу некоего Кадыр-Али-бека, составленное им в 1602 году в Касимове при «хане» Ураз-Мухаммеде, стало известно ученому миру в 1851 году, когда И. Н. Березин по единственному в то время списку его сделал небольшое журнальное сообщение под названием «Татарский летописец. Современник Бориса Федоровича Годунова». Надо отметить, что в этой небольшой статье Березину удалось дать сочинению правильную для того времени характеристику, показывая не только выдающееся значение памятника, но выявляя впервые ряд существенных источниковедческих недостатков его¹. В сообщении были представлены также несколько отрывков из сочинения, русский перевод которых выполнил Н. И. Ильминский.

Основные положения этой небольшой статьи были несколько развиты ученым при публикации в серии «Библиотека восточных историков» татарского оригинала сочинения Кадыр-Али-бека². Однако выполненный Н. И. Ильминским полный перевод «Сборника», вопреки обещанию издать его во второй части второго тома, остался неопубликованным, и о судьбе его до сих пор ничего не известно.

Первое конкретное привлечение материалов «Сборника летописей» в научном исследовании было осуществлено В. В. Вельяминовым-Зерновым, который, отмечая достоинства памятника, подверг критике его отдельные недостатки³.

Следующим большим достижением в истории изучения «Сборника летописей» Кадыр-Али-бека была находка в 1922 году среди

¹ И. Березин. Татарский летописец..., стр. 552—554.

² Его же. Библиотека..., II, стр. I—VII.

³ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование..., II, стр. 121—451.

книг Г. Баруди нового, более качественного списка этого сочинения. Его открыл филолог Али Рахим (А. Ш. Абдрахимов), который и доложил научной общественности о находке⁴. Позднее, в 1927 году, А. Рахим подверг тщательному археографическому анализу текстуальные качества обоих списков⁵.

Несмотря на некоторую односторонность подхода к личности автора «Сборника», интерес представляют высказывания академика АН Казахской ССР А. Х. Маргулана, который собрал дополнительные материалы для изучения биографии Кадыр-Али-бека⁶.

Определенный вклад в критику отдельных сведений «Сборника» внес М. Г. Сафаргалиев⁷. Правда, его некоторые высказывания не подтверждаются. Такие неточности, по-видимому, произошли от того, что автор лишь попутно касается сочинения Кадыр-Али-бека.

Новейшая работа татарского филолога Х. Хисматуллина, опубликованная как глава в пособии по татарской литературе⁸, наоборот, вносит в тему целый ряд археографо-текстологических ошибок, путаниц. Автор не владеет в достаточной степени литературой, например, ему осталась неизвестной последняя статья А. Рахима.

Не лучше обстоит дело в работах некоторых алма-атинских историков. Они вместо научного анализа содержания «Сборника» увлеклись только личностью его автора, которого, исходя из некоторых еще слабо подкрепленных данных, считают в прямом смысле своим земляком, попавшим в Россию непосредственно из казахских степей. В то же время эти авторы о Кадыр-Али-беке стали подробнее узнавать лишь в последние годы⁹, благодаря некоторым черновым запискам-конспектам Ч. Ч. Валиханова, обнаруженным в его архиве. Что касается последнего, то он еще в 50-е годы прошлого века сумел почти правильно оценить источниковедческое значение отдельных глав «Сборника» для истории Казахстана¹⁰. Но Валиханов не был слепым апологетом личности Кадыр-Али-бека; несколько позднее он конкретизиро-

⁴ А. Рахим, Г. Газиз. История..., стр. 114—122.

⁵ А. Рахим. О новом списке...

⁶ А. Х. Магулан. [Комментарии...].

⁷ М. Г. Сафаргалиев. Распад...

⁸ Древняя татарская литература, стр. 467—480.

⁹ Например, в 1935 году, спустя десять лет после первых выступлений А. Рахима, составители первого тома хрестоматии «Прошлое Казакстана в источниках», писали, что будто бы имя составителя «Сборника» неизвестно и якобы его «перевод на русский язык сделан Березниным» (стр. 92). В изданном позднее (1947), под редакцией А. Х. Маргулана «Библиографическом указателе материалов» Н. Сабитова «Сборник летописей» Кадыр-Алия вовсе не упоминается. Лишь в 1957 г. в первом томе «Истории Казахской ССР» (стр. 217—218) даются неточные сведения на основе первых изысканий Березина.

¹⁰ Ч. Ч. Валиханов. Извлечения..., стр. 158—159.

вал свои суждения о памятнике; «Хотя исторических фактов в нем и нет, но полная генеалогия султанов и хапов казахских сказаний, так и материалов самого источника¹¹. Это высказывание имеет принципиальное значение.

Однако при публикации валихановских записок, в комментариях к ним, А. Х. Маргулан допустил отдельные односторонние высказывания¹², давшие возможность другим неоправданно идеализировать личность автора «Сборника летописей». Именно такие тенденции были подхвачены и развиты этнографом Э. А. Масановым в его докладе на VII Международном конгрессе антропологов и этнографов в Москве (1964 г.)¹³. Основные положения этого доклада автором были еще более развиты в последующей его работе, завершенной в начале 1965 года¹⁴. Составляя бесконечные дифирамбы в адрес автора «Сборника», всячески стараясь придать его деятельности характер благородного академизма, Э. Масанов почти не касается самого сочинения, а если цитирует его, то материалы берет из вторых рук, не оговаривая этого. Исследователь оставляет без внимания биографические данные, приведенные частично у А. Х. Маргулана, систематически игнорируя критические замечания своих предшественников, он подбирает только те высказывания, которые соответствуют его концепции.

Еще дальше Э. Масанова пошел К. Жунисбаев, который, стараясь во что бы то ни стало доказать величие автора «Сборника летописей», в книге «Великие ученые Средней Азии и Казахстана», от общих фраз и громких заявлений перешел к непосредственному искажению источника¹⁵, о чем пишущий имел случай говорить в рецензии на только что названную книгу¹⁶.

Таким образом, круг специальной литературы по «Сборнику летописей» Кадыр-Али-бека чрезвычайно узок, а отдельные положения, высказанные в его адрес, противоречивы.

* * *

Сочинение Кадыр-Али-бека дошло до нас в двух более или менее полных списках и в одном фрагменте, текст которого опубликовал А. Рахим¹⁷.

Первый список, перешедший из библиотеки И. Хальфина

¹¹ Его же. Киргизское родословие, стр. 216—217.

¹² А. Х. Маргулан. [Комментарии...], стр. 645—646.

¹³ Э. А. Масанов. Из истории..., стр. 3—6.

¹⁴ Его же. Очерки истории..., стр. 21—26.

¹⁵ К. Жунисбаев. Кадыргали Джалаири.

¹⁶ «Народы Азии и Африки», 1967, № 2, стр. 204 и сл.

¹⁷ А. Рахим. О новом списке..., стр. 147—148. Следовательно, утверждения, что «Сборник» дошел до нас в единственном списке, не соответствуют действительности.

в собственность Казанского университета, ныне хранится в ВОНБ ЛГУ, под номером М₅О — 59 (Его условно назовем «хальфиновским» и обозначим литерой А). В этом списке 157 листов, его формат 19,5 × 14,5 см, на каждой странице — по 11 строк. Список, по выражению И. Н. Березина, составлен «гораздо лучше, нежели обыкновенные татарские книги» почерком полу-шикаста¹⁸. Судя по опрятности выполнения, список был составлен довольно неплохим профессионалом-писцом для продажи или по специальному заказу¹⁹. Бумага европейская, первой половины XVII в. Дата составления списка — 1051 год по хиджре (1641—1642 годы).

Второй список вместе с личным архивом и библиотекой Г. Баруди (поэтому его назовем «барудинским», литерой В) был взят в Восточный отдел научной библиотеки Казанского университета, где ныне хранится под номером Т. 40 (старые номера — Т. 969 и Т. 5028). В рукописи-сборнике всего 80 листов (160 страниц), формат — 20 × 15,5 см, по 17 строк на странице. Почерк обыкновенный бытовой татарский полу-таалик, полу-шикаста, более мелкий и довольно небрежный, чем в списке А. Это говорит о том, что данный список был составлен «для себя», о чем свидетельствует и тот факт, что на оставшиеся от «Сборника летописей» белые листы тем же почерком были переписаны начальные части известных «дастанов» — повестей о Чингиз-хане, Тамерлане и других. Таким образом, в этом сборнике (маджмуа) текст «летописей» Кадыр-Али-бека содержится на листах 1 а — 69 а, а тексты последующих «дастанов» — на листах 70 а — 79 б. Бумага рукописи европейская, с филигранью 1681—1721 годов, составлена рукопись в год свиньи пятого рамазана, во вторник 1144 года (если учесть, что новый год по тюркскому животному календарю начинается с 21 марта — в день весеннего равноденствия и по мусульманскому обычаю сутки начинаются с вечера, дает понедельник, 4 марта 1732 года)²⁰. Значит, данный список на 90 лет моложе первого, следовательно, ближе к истине А. Рахим²¹ и ошибается М. Г. Сафаргалиев²², который считает этот список более ранним. А. Х. Хисматуллин, не зная работу А. Рахима, проделал большой труд по датировке данного списка, который, однако, не привел к положительному результату²³.

Но эти два списка страдают одним общим недостатком: они оба дефектны. Так, в списке А недостает самого первого листа,

¹⁸ И. Березин. Библиотека..., II, стр. 1.

¹⁹ Это единственный пока случай, когда мы имеем дело со списком татарского исторического сочинения, составленного каллиграфом-профессионалом.

²⁰ О соотношениях тюркского животного и христианского календарей см.: Н. Ф. Катапов. Восточная хронология, стр. 88.

²¹ А. Рахим. О новом списке..., стр. 144.

²² М. Г. Сафаргалиев. Распад..., стр. 12.

²³ Древняя татарская литература, стр. 468—469.

где после восхваления Аллаха, пророка и снисходительного обращения к читателям, как это принято у восточных писателей, автор приводит свое имя и название сочинения. Следовательно, можно предполагать, что сохранившийся текст начинается с листа 2 а по первоначальной пагинации. Начало поэтому выглядит так: «...пусть слушающему будет приятным и читающему на ум его полезным; и знать [историю] своих предков необходимо для каждого [божьего] раба. Если угодно всевышнему Аллаху, то мы расскажем каждого [из них] в отдельной главе».

К тому же в этом списке больше всего пострадала завершающая часть, где представлены наиболее ценные и оригинальные главы «Сборника». Так, начиная с листа 142, имеются большие пробелы из-за утери целых листов. При реставрации перепутаны места сохранившихся бумаг. Например, самый последний лист с колофоном стоит под 148 а. Все это отразилось в березинской публикации. Пробелы из-за потери листов имеются и внутри переводной части, например, после листа 27 недостает нескольких страниц. Такая неполноценность списка не дала возможности И. Н. Березину определить с уверенностью имя автора, точную дату составления «Сборника» и установить действительное название сочинения.

Второй, то есть барудинский список «Сборника» несколько восполняет пробел: конец, именно самостоятельная часть сочинения, в нем представлен полностью. Но он уступает хальфиновскому списку по полноте вводной части и в нем, по-видимому, отсутствуют в начале 4—5 листов. Поэтому, как правильно отметил А. Рахим, «оба списка удачно дополняют друг друга. Других значительных текстуальных расхождений, если не считать некоторых различий в выражениях и в орфографии отдельных слов и собственных имен, не имеются»²⁴.

Но все же оба списка вместе взятые еще не позволяют полностью восстановить текст источника. Во-первых, до сих пор не известно подлинное название сочинения Кадыр-Али-бека. Но, учитывая, что первая и большая по объему часть его является сокращенным переводом-переложением Рашид ад-диновского «Джами'ат-таварих» — «Сборника летописей» на тюркский язык, и нам, вслед за И. Н. Березиным, приходится оставить это же заглавие за сочинением Кадыр-Али-бека²⁵.

Во-вторых, невыясненными до конца остаются отчество и фамилия-нисба (тахаллус) автора. В барудинском списке (В., л. 69-б) отчество приводится двухкратно, но по-разному: Хушум

²⁴ А. Рахим. О новом списке..., стр. 139—140. Следовательно, при анализе «Введения» и «Посвящения Борису» мы вынуждены ограничиться лишь с текстом списка А, в других же случаях, опираясь в основном на список В, учитываем данные и первой рукописи.

²⁵ И. Березин. Библиотека..., II, стр. II.

и Хусум (خوشوم، خصوصوم), которое из них правильно, пока сказать трудно. Не удовлетворяет и созданная новейшими исследователями искусственная нисба (псевдоним) или фамилия: Джалаири, Джалаирлы и Жалаир²⁶, ибо в тексте нет слова со специальной формой «йай-нисбат», то есть جلايرى

а есть лишь фразы «джалаир Кадыр-Али-бек» (В., л. 68 а), «джалаир тарак тамгалы» (л. 68 б) и «тарак тамгалы джалаир» (л. 69 а), в которых джалаир (جلاير) указывает лишь

на родо-племенное происхождение, но отнюдь не на литературный псевдоним его. Поэтому правы были И. Н. Березин, В. В. Вельяминов-Зернов, применявшие это слово в форме «джалаирец». Следовательно, до обнаружения нового списка «Сборника» правильнее будет эти вопросы оставить открытыми. В противном случае могут возникнуть дополнительные осложнения, как было, например, с условным названием сочинения «Сборник летописей», который затмил значение самостоятельных частей труда джалаирца, создавая впечатление, что это лишь тюркская версия знаменитого «Джами'ат-таварих». К тому же принятие восточными авторами в качестве своей нисбы этнонима целой народности, за исключением единичных и то сомнительных случаев, явление крайне редкое. Итак: джалаирец Кадыр-Али-бек²⁷.

А само сочинение, исходя из текстов наличных списков, можно расчленить в композиционном плане на следующие составные части:

1. Вводная часть

а) Предисловие или введение (мукаддима), от которого в списке А остался лишь цитированный фрагмент.

б) Посвящение или «Хвала Борису», которое также представлено в списке А.

2. Переводная часть

Сокращенное переложение «Джами'ат-таварих» Рашид ад-дина. В списке А: лл. 5 б — 141 б; в В: лл. 1 а — 59 б.

²⁶ Так поступают в указанных сочинениях А. Х. Маргулан, Э. А. Масанов, Х. Хисматуллин и другие. О природе и особенностях мусульманского тахалуса-псевдонима подробнее см. ниже: IV глава, примечание № 35, стр. 139.

²⁷ В списке В вместо титула «бек» стоит «бий», то есть более поздний фонетический вариант термина. Нами принимается вариант А — «бек».

Однако Кадыр-Али-бек переводит Рашид ад-дина не полностью. Местами представлено лишь сокращенное переложение отдельных глав первой части «Джами'ат-таварих». В особенности это относится к тем начальным главам, где Рашид ад-дин дает развернутые сведения о древних тюрко-монгольских племенах. Подробнее в «Сборнике» Кадыр-Али-бека передается содержание предания, где повествуется о «святой» прабабушке Аланкуа (Алангоа), которая от посещения ее «божественным лучом» родила Буланджара, девятого по счету прадеда Чингизхана. Этот раздел (фасл первый) состоит из десяти дастанов-повестей, каждый из которых посвящен одному поколению.

Второй раздел переводной части (фасл второй) посвящен жизнеописанию Чингизхана и его потомков, включая биографию иранского ильхана Газана. Вместе с переводом чингизовских «яс» — «уложений», здесь представлены 14 дастанов-повестей.

Следует заметить, что в переводной части наравне с образцами подлинного творческого переложения имеются примеры наихудшего подстрочного перевода, о которых речь пойдет ниже.

3. Самостоятельная, оригинальная часть «Сборника летописей»

(А: лл. 142 а — 157 б; В: лл. 60 а — 69 а). Здесь представлены 9 дастанов-повестей, из них восемь посвящены личностям и родам таких ханов-чингизидов, как Урус, Токтамыш, Темир-Кутлук, Хаджи-Гирей, Хаджи-Мухаммед, Абу-л-Хайр, Йадкар, Ураз-Мухаммед, а один дастан рассказывает о деятельности знаменитого золотоордынского временщика Идиге (Едигея).

Вот эти последние девять дастанов вместе с вводной частью («Хвала Борису») и являются оригинальным произведением самого Кадыр-Али-бека, именно они как исторические источники должны быть объектами специального исследования²⁸. В то же время также целесообразно их разделить на две группы: восемь повестей, в которых рассказывается о событиях, происходивших в прошедшие для автора времена, и одна повесть — «Дастан-и Ураз-Мухаммед-хан», посвященная современнику автора. Последняя повесть является не только завершающей, но и основной, все остальные части служат для нее фоном.

²⁸ Сравнительно-текстологическое наблюдение над переводными разделами «Сборника», за некоторым исключением, в задачу данного исследования не входит, ибо это сугубо частная тема, относящаяся больше к текстологии «Джами'ат-таварих» Рашид ад-дина, нежели вопрос татарских нарративных источников.

Личность и происхождение джалаирца Кадыр-Али-бека

Вопрос атрибуции впервые был поставлен и в определенной степени решен И. Н. Березиным. Он, исходя из сведений самого «Сборника», пришел к выводу, что автором его является приближенный касимовского «хана» Ураз-Мухаммеда, некий джалаирец, и что сочинение составлено им в Касимове около 1600 года²⁹. Точную дату удалось установить лишь после обнаружения списка В, где в самом конце говорится, что он был написан в год зайца, в субботу конца месяца мухаррама 1011 года (суббота, 20 июля 1602 г.)³⁰. Автором был приближенный Ураз-Мухаммеда Кадыр-Али-бек, родом джалаирец со знаком-гербом в виде гребня.

И. Н. Березин, опираясь на работы Н. М. Карамзина, который говорит, что в 1587 году сибирский воевода Даниил Чулков хитростью захватил в плен сибирского князя Сейдяка и с ним вместе царевича киргизского «Ураз-Магмета и Мурзу Карача»³¹, не сомневаясь, что автор «Сборника» и этот последний «мурза карачи» одно и то же лицо.

В. В. Вельяминов-Зернов, анализируя данные сибирских летописей, также считал, что плененный в Сибири «царевич солтан» и Ураз-Мухаммед одно и то же лицо³². Вместе с тем он высказал мнение, что этот Ураз-Мухаммед мог приехать в Россию добровольно³³. Остановимся на этом вопросе подробнее.

В русских источниках действительно имеются некоторые известия, позволяющие допустить добровольный приезд Ураз-Мухаммеда. Например, «Новый летописец» пишет, что в 1592 году «приеде к нему ко государю (Федору Ивановичу.— М. У.) служити царевич Казачьей орды», а в 1600 году царь Борис Годунов «пожаловал царевича Казачья орды Бурмаметя, посадил его на царство Касимовское и даде ему град Касимов с волостями и со всеми доходы»³⁴. Эти слова дословно повторил В. Н. Татищев³⁵.

Сомнений нет, что летописец говорит об одном и том же лице, именно об Ураз-Мухаммеде. Но первая часть его сообщения явно ошибочна, о чем говорят данные актовых материалов русско-казахских отношений конца XVI столетия. Например, в грамоте Федора Ивановича от 1595 к казахскому хану Тевеккелю сказано, что во время кампании против Кучума в Сибири «брат ваш Уразмагмет-царевич иопал в руки нашим ратным

²⁹ И. Березин. Библиотека..., II, стр. II.

³⁰ Х. Хисматуллин называет почему-то расплывчатую дату: 1602—1605 гг. (Древняя татарская литература, стр. 468).

³¹ Н. М. Карамзин. История..., X, стр. 18.

³² В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование..., II, стр. 96—105.

³³ Там же, стр. 399.

³⁴ ПСРЛ, т. XIV, стр. 43, 52.

³⁵ В. Н. Татищев. История..., VI, стр. 285, 288.

людем»³⁶. И на просьбу хана освободить его племянника, Федор ответил требованием прислать в аманаты (заложники) сына самого Тевеккеля. Причем, русское правительство не оставляет сомнения в том, что Ураз-Мухаммед живет в Москве, несмотря на привилегированное положение, лишь в качестве пленника: «жалованье наше к вам и к брату вашему к Урусмагметю-царевичу вперед будет смотря по вашей правде»³⁷.

Писать и говорить так о добровольно приехавшем царевиче русское правительство вряд ли могло, ибо этого не позволили бы нормы дипломатического этикета. Видеть здесь следы грубой фальсификации нет достаточного основания. Следовательно, Ураз-Мухаммед и плененный в Сибири «солтан казачьи» — одно и то же лицо. Сведения же «Нового летописца», таким образом, не соответствуют действительности. Поэтому странны колебания В. В. Вельяминова-Зернова, который знал содержание грамоты Федора Ивановича³⁸ и располагал другими источниками.

С этими колебаниями В. В. Вельяминова-Зернова связана другая путаница в его суждениях, — когда он без достаточного основания раздваивает одно и то же лицо на две самостоятельные личности: на какого-то «главу» рода племени джалаир и на автора «Сборника», причем спрашивает: нельзя ли допустить, «что в исходе XVI-го столетия глава этого рода, Кадыр-Али, в сопровождении нескольких лиц, в числе которых, быть может, находился и автор «Сборника летописей», выехали в Россию либо вместе с Ураз-Мухаммедом, либо вскоре после него?»³⁹. По этому поводу ограничимся лишь следующими замечаниями: во-первых, добровольность приезда Ураз-Мухаммеда в Россию окончательно отпадает (в пользу этого говорят сведения самого «Сборника»); во-вторых, предполагаемый «глава рода» и автор «Сборника» Кадыр-Али-бек — одно и то же лицо. Этот вопрос окончательно разрешил барудинский список сочинения.

Исходя из всего этого, остается присоединиться к И. Н. Березину, что автором «Сборника летописей» является тот «мурзакарачи», плененный с Ураз-Мухаммедом в Сибири. Такое решение принято, между прочим, и другими исследователями, которые сколько-нибудь интересовались личностью и судьбой Кадыр-Али-бека. С И. Н. Березиным солидарен был и Э. А. Масанов, заявляя, что «Березин впервые изложил некоторые верные сведения и догадки об авторе рукописей»⁴⁰.

Итак, согласно источникам, Кадыр-Али-бек есть плененный в Сибири карачи⁴¹. Но кто же этот карачи? На самом деле о нем

³⁶ Казахско-русские отношения..., док. № 6, стр. 8—9.

³⁷ Там же, стр. 9. См. также док. № 5, стр. 7—8.

³⁸ В. В. В е л ь я м и н о в - З е р н о в. Исследование..., II, стр. 104.

³⁹ Там же, стр. 435.

⁴⁰ Э. А. М а с а н о в. Очерки истории..., стр. 21—22.

⁴¹ Что слово карачи (карача) не является собственным именем, а есть термин-титул, доказано Вельяминовым-Зерновым (Исследование..., II, стр.

сохранилось больше сведений, чем у Н. М. Карамзина, цитирующего его И. Н. Березина и других авторов.

До компиляции Н. М. Карамзина о плененном в Сибири карачи говорили Г. Ф. Миллер и повторяющий его во многом И. Е. Фишер⁴². Однако труд Г. Ф. Миллера, использовавшего кроме данных сибирских летописей еще ряд недошедших до нас источников, в этом вопросе должен быть поставлен почти на один уровень с так называемой Строгановской летописью (Летопись сибирская) и летописью Саввы Есипова, тексты которых впервые издал Г. Сласский⁴³. По мнению С. В. Бахрушина, в основу этих летописей, кроме сведений, самостоятельно собранных их авторами, положен один, недошедший до нас письменный источник, поэтому они содержат в себе ряд деталей, удачно восполняющих друг друга⁴⁴.

Впервые казаки атамана Ермака сталкиваются с неким карачи в 1581 году. В Строгановской летописи об этом сказано следующее: «Придоша казаки под Карачин улус и ту вторую брань сотвориша с Карачею, думчим царевым»⁴⁵. С. Есипов еще более конкретен: «сей же Карача думной бе у царя Кучума»⁴⁶.

В следующем 1582 году этот карачи, по выражению Г. Ф. Миллера, «самый могущественный из всех татарских мурз, вышел из повиновения Кучуму»⁴⁷, видимо ослабившемуся в военном отношении. И, как уточняют летописи, когда «его думчей Карача с своими людьми отойде от него, царь же Кучум плакася горько»⁴⁸.

Следующий раз этот карачи встречается в 1583 году, когда он, предлагая мир Ермаку, берет у него для обороны своего улуса от нападения казахов (или ногайцев) 40 человек воинов, которых перебивает вероломно⁴⁹. А весной 1584 года он осаждает занятую русскими крепость Сибирь (Искир), однако терпит поражение и во время битвы теряет трех сыновей⁵⁰. Несколько отмищен был карачи при дележе вооружения и одежды с тела

411—417). Однако, как писал С. В. Бахрушин, уточняя его, слово имеет более точный смысл, как «высший советник» (Г. Ф. Миллер. История..., I, Комментарии, стр. 487), с чем солидарен и А. Х. Маргулан ([Комментарии...], стр. 635).

⁴² И. Е. Фишер. Сибирская история...

⁴³ Летопись сибирская; Савва Есипов. Сибирская летопись. Для контрольного чтения нами привлечены «Свод сибирских летописей», составленный и изданный П. Небольсиным в качестве приложения к своим статьям «Покорение Сибири», в «Отечественных записках» за 1848, а также тексты публикации 1907 года Археографической комиссией.

⁴⁴ С. В. Бахрушин. Очерки по истории..., стр. 17—37.

⁴⁵ Летопись сибирская, стр. 32.

⁴⁶ Савва Есипов. Сибирская летопись, стр. 135; П. Небольсин. Свод..., стр. 186, 187.

⁴⁷ Г. Ф. Миллер. История..., I, стр. 240.

⁴⁸ Летопись сибирская, стр. 43.

⁴⁹ Савва Есипов. Сибирская летопись, стр. 150; Летопись сибирская, стр. 51—52.

⁵⁰ Там же, соответственно, стр. 151—152 и 53—54. У С. М. Соловьева речь идет о гибели лишь двух сыновей (История..., кн. IV, стр. 280).

мертвого Ермака в августе того же 1584 или 1585 года. В дележе трофеев, между прочим, участвует и князь Сейдяк (Саид-Ахмад) — сын свергнутого Кучумом прежнего владельца сибирского Бекбулата. Согласно данным Г. Ф. Миллера, союз между Сейдяком и карачи был оформлен в 1586 году⁵¹. Примерно с этого года в Сибирской летописи наравне с именами князя Сейдяка и карачи начинает фигурировать, как достойное внимания военно-политическое лицо, некий «царевич казачьей орды»⁵².

Этот триумвирит в 1588 (или 1587) году с дружиной в 500 человек из сибирских татар недалеко от только что заложеного на Иртыше города Тобольска устраивает якобы пышную соколиную охоту. Воспользовавшись их близостью, хитрый воевода Даниил Чулков приглашает охотников в город «на пир с тем, чтобы во время его вести с ними мирные переговоры»⁵⁴.

Правда, в отличие от Есипова, в Строгановской летописи этих подробностей нет. В ней говорится лишь о том, что Сейдяк попал в плен раненым в результате боя, когда он, отступая «в станы свои бежаша»⁵⁵. Здесь, однако, нет особых противоречий: автор последней летописи и Савва Есипов только дополняют друг друга. При пленении на «пире» у Чулкова незадачливые охотники действительно пытались вырваться из ловушки. Об этом свидетельствует и есиповская версия: «Князе же Сейдяк кинулся в окошко, за ним же царевич солтан и карача, но абие поймани быта и связаны, прочие ж побиени быта»⁵⁶. Вполне возможно, что при такой попытке князь получил ранение, и автор строгановской версии, опустив баллетристику Есипова, зафиксировал лишь исход событий. Кстати, появление Сейдяка с огромной дружиной под Тобольском больше напоминает военный акт, чем пышную охоту. Поэтому, возможно, более прав С. М. Соловьев, когда он пишет, что Сейдяк намерен был приступом взять город, но был разбит и пленен⁵⁷. Соловьев, к сожалению, других сведений не дает.

Операция Д. Чулкова дала, между прочим, очень благоприятные для завоевателей результаты: от крепости отступили подальше не только лишённые предводителей татарские воины, но вытеснено было из города Тобольска и мирное местное население.

Русская администрация отправила князя «Сейдяка и царевича казачьей орды и царя Кучума думного карачу в царствующий град Москву, со многими воинскими людьми»⁵⁸.

⁵¹ Г. Ф. Миллер. История... I, стр. 264, 274.

⁵² Савва Есипов. Сибирская летопись, стр. 160—161.

⁵³ Г. Ф. Миллер. История..., I, стр. 275—276.

⁵⁴ Савва Есипов. Сибирская летопись, стр. 160—161; Г. Ф. Миллер. История..., I, стр. 176.

⁵⁵ Летопись сибирская, стр. 65.

⁵⁶ Савва Есипов. Сибирская летопись, стр. 162.

⁵⁷ С. М. Соловьев. История..., кн. IV, стр. 281.

⁵⁸ Савва Есипов. Сибирская летопись стр. 164.

Здесь необходимо указать, что эти вышеизложенные данные сибирских летописей частично резюмированы А. Х. Маргуланом, когда он также отождествляет сибирского карачи с джалаирцем Кадыр-Али-беком. Но вряд ли он прав, заявляя, что этот карачи «вместе с Ураз-Мухаммедом» присоединился к Сейдяку⁵⁹. Наоборот, как свидетельствуют русские летописи, карачи был совершенно независим от Ураз-Мухаммеда. Мало того, до появления последнего в Сибири, в период гибели Ермака он действует заодно с князем Сейдяком. Это довольно принципиальный вопрос.

Что касается триумфиров сибирских, то их, по словам Г. Ф. Миллера, П. Небольсина и др., в Москве встретили ласково и торжественно, с предоставлением им поместьев⁶⁰. Однако думается, что такая встреча или милость со стороны царских властей им была проявлена не сразу после приезда, потому что после 1588 года на некоторое время русские источники ничего не сообщают об их участии. А в 1592 году в «Новом летописце» появляется казахский султан под именем Бурмамет, которому в 1600 году при Борисе Годунове, был пожалован город Касимов. Видимо, здесь «Новый летописец» косвенно отражает лишь результаты и конец, а не причины и начало имевшихся в действительности событий. По-видимому, сибирские «охотники» после их прибытия разделяли некоторое время участь законных пленников, вчерашних заклятых врагов. И только в 1590 году, возможно, после смерти или гибели Сейдяка — пленника номер один, казахский царевич и сибирский карачи, как деятели менее значительные, чем Сейдяк, но все же еще важные для государственной дипломатии лица, были несколько пригреты, чему, надо полагать, способствовало участие Ураз-Мухаммеда в походе русских против шведов в 1590—91 гг.⁶¹, что установил еще В. В. Вельяминов-Зернов⁶².

За это время карачи, возможно, также сумел себя несколько реабилитировать в глазах царских властей. И вот такое изменение отношений, видимо, дало возможность политикам объявить приближение Ураз-Мухаммеда ко двору его прибытием на службу, что и отразилось в «Новом летописце». Такая легкая фальсификация фактов, если она имела место в жизни, вполне отвечали бы интересам царской политики в деле пропаганды «высокого» авторитета Федора Ивановича.

Но, судя по данным актовых материалов, Ураз-Мухаммед в 1595 году уже владел поместьями и пользовался милостью царя Федора и покровительством его канцлера Бориса Годунова. Например, после беседы с послом своего дяди Тевеккеля он

⁵⁹ А. Х. Маргулан. [Комментарии...], стр. 637.

⁶⁰ Г. Ф. Миллер. История..., I, стр. 276; П. Небольсин. Покорение..., стр. 175.

⁶¹ Разрядная книга 1475—1598 гг., стр. 413, 419, 460.

⁶² В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование..., II, стр. 102.

уезжает «к себе в поместье»; в его же поместье царь Федор присылает денежные вознаграждения⁶³. И Федор в грамоте к хану Тевеккелю подчеркнута сообщает, что Ураз-Мухаммед живет прекрасно, так как он «пожалован по его достоинству многими вотчинами и поместьями, и деньгами», что признается и самим пленником в письме к дяде⁶⁴. Привлекает внимание следующая деталь: в беседе с послом Тевеккеля Ураз-Мухаммед находит нужным специально подчеркнуть свою близость к Борису Годуну, говоря, что он всем «нам, иноземцом, печальник и заступник»⁶⁵.

Но может возникнуть вопрос: откуда же тогда взялись в Москве бабушка, мать, жены и дети Ураз-Мухаммеда, о которых неоднократно упоминается в актах?⁶⁶ Сказать что-либо определенное по этому поводу еще трудно, поэтому возможно пока лишь предположение, что члены семьи Ураз-Мухаммеда были захвачены в Сибири несколько позднее, возможно, после пленения самого царевича. Это пленение, конечно, не было одновременным, так как сибирские вельможи вряд ли возили своих жен на охоту, тем более на «пир» к Чулкому. А прибытие их из казахских степей к главе семьи с послом хана Тевеккеля исключается полностью. В противном случае, если бы они прибыли даже в 1592 году, Тевеккель давно знал бы о местопребывании и положении своего племянника, а Ураз, в свою очередь, не стал бы перечислять состав своей семьи⁶⁷.

Итак, если Ураз-Мухаммед прибыл в Россию не добровольно, а семья его была также захвачена в Сибири, то это же относится к автору «Сборника летописей» Кадыр-Али-беку. В этом случае он скорее всего есть именно тот карачи, который жил в Сибири еще до появления там Ураз-Мухаммеда и был одним из высоких советников у царя Кучума. Следовательно, нет еще достаточного основания, чтобы квалифицировать его как «воспитателя и советника» казахского султана Ураз-Мухаммеда, как это делал М. О. Ауэзов⁶⁸. Впрочем, такому толкованию противоречат слова самого джалаирца, который сообщает лишь о том, что служил предкам царевича и ни слова не говорит о том, что был воспитателем, тем более советником Ураза.

Анализ вышеуказанных источников, в том числе особенностей сведений самого «Сборника», приводит пока к заключению, что сибирский карачи и Кадыр-Али-бек есть одно и то же лицо. Следовательно, необходимо с большой осторожностью относиться к

⁶³ Казахско-русские отношения..., док. № 1, 2, стр. 5.

⁶⁴ Там же, док. № 6, стр. 9; № 8, стр. 11.

⁶⁵ Там же, док. № 1, стр. 4.

⁶⁶ Там же, док. № 1, стр. 5; № 6, стр. 9; № 8—9, стр. 12 и сл.

⁶⁷ Там же, док. № 8, стр. 12.

⁶⁸ История Казахской ССР, I, стр. 217—218. Определение М. О. Ауэзова принято и в других изданиях: Современный казахский язык, стр. 10. Впрочем и Ауэзов констатировал, что составитель «Сборника» был взят в плен Д. Чулковым.

тем сведениям, в которых составитель «Сборника» рекомендует себя как потомственного слугу Ураз-Мухаммеда. Что касается кучумовского карачи, то он обладал всеми атрибутами феодального государственного деятеля и очень напоминал знаменитого золотоордынского временщика Идигэ (Едигея), неоднократно менявшего свою каабу и неоднократно всаживавшего кинжал в спину своего союзника⁶⁹. И на страницах «Сборника летописей» мы встречаемся с типичным придворным историком, историком-флюгером, сознательно изменяющим факты, скрывающим свое происхождение.

* * *

В тексте «Сборника», по списку *В*, имя автора встречается трижды (из-за дефектности начала обоих списков его именем, стоящим в предисловии произведения, пока не располагаем). Первый раз оно без особых комментариев приводится в плане-схеме изображения трона Ураз-Мухаммеда в числе четырех вельмож, стоявших по бокам хана. Это джалаир Кадыр-Али-бий, Исбай мангыт Тимир-бий на правой стороне трона и аргын Чатыш-бий, кыпчак Тукай-бий на левой стороне. Эти четыре лица, судя по положению их мест около трона во время коронации, были высшими советниками (карачи) Ураз-Мухаммеда, которые, «на золотом троне с четырех сторон подымали его высочество хана» (*В*, л. 68). Исходя из этого факта, В. В. Вельяминов-Зернов считал Кадыр-Али-бека потомственным карачи: в Касимове никогда не удостоивали таким высоким званием лиц незначительного происхождения. Это вполне оправдано: русские правители при определении на престол новых марионеток придерживались этикета и субординации чингизидов⁷⁰.

Далее, сообщая о причине составления «Сборника», автор пишет так: «Цель [приступления] к этой истории следующее. Гребне-тамговый джалаирец, служивший еще предкам Ураз-Мухаммеда, перевел с персидского эту рукопись по книге «Чингиз-наме» на тюркский язык⁷¹; тех [событий], случившихся в позднейшие времена, при помощи всевышнего Аллаха, составил самостоятельно. [И история эта] написана ради хлеба-соли и справедливости падишаха Бориса Федоровича-хана, и также [для того, чтобы показать] как его высочество Ураз-Мухаммед-хан с большими почестями его величества падишаха сел на царство...» (*В*, л. 68 б). Тут же после представления своей перио-

⁶⁹ Подробнее см.: В. В. Бартольд. Отец Едигея.

⁷⁰ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование..., I, стр. V.

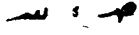
⁷¹ В обоих списках جنګز نامه ، ترکي تليګا , но у К. Жунис-

баева (Кадыргали..., стр. 210) почему-то стоят «Чингиз-заде» и «на казахский язык».

дизации истории («от Адама до Огуза, от Огуза до хиджры, от хиджры до Чингиза, а от Чингиза до этих времен») автор конкретно называет себя: «Написал нижайший, презренный и скорбящий⁷² раб Кадыр-Али-бек» (В, л. 69 а).

Дальше, как отмечал В. В. Вельяминов-Зернов, следует «весьма, впрочем, запутанная» родословная его предков⁷³, где отцом назван Хушум-бий (خوشوم بی), а родоначальником —

Сартак-нойон, который жил при Чингиз-хане⁷⁴. Затем, после перечисления некоторых потомков по другой линии, находящихся на службе у других чингизидов, автор опять называет свое имя: «Написал это слабый на руки Кадыр-Али-бек, сын Хусумбека». Кстати, заметим, странным здесь является чередование

двух непохожих друг на друга букв: (в списке

А, л. 148 б лишь: Хушум). Если же во втором случае он был

похож на «шин» и «син» (س، ش), то можно было бы

допустить, что в таком противоречии повинны переписчики списков.

Автор дает о себе лишь поверхностные, общие сведения и приводит путаную генеалогию предков. Кем он был прежде, где родился, с каких времен вместе с Ураз-Мухаммедом, где жил до прибытия в Россию и как попал сюда, далее, почему избрали его на должность карачи — обо всем этом упорно молчит. Дело, конечно, не в скромности автора — кичится же он своим происхождением от Сартак-нойона. Напрашивается следующий вывод: не сознательно ли умолчал автор о невыгодных фактах из своей биографии (высокое положение у Кучума, войны с Ермаком, союз с князем Сейдяком, наконец, позорное пленение)?

⁷² В тексте نوائیدن, видимо, от персидского корня نوايدن

«стонать, плакать» и т. д. Не намекает ли автор этим эпитетом на свою трагическую судьбу?

⁷³ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование..., II, стр. 434.

⁷⁴ В таком случае предки нашего автора происходили из монгольского рода джалаир. Впрочем, и в самом «Сборнике» об этом ясно сказано:

اول زمانده جلاير قومی مقلدر

— «в то время род джалаиров был монголом» (В, л. 12 а). Следовательно, попытки Жунисбаева (стр. 207—208) оказывать джалаирцев всех эпох, даже дочингизовских времен, опровергаются сведениями самого Кадыр-Алибека. Монгольские джалаиры были и в позднейшие времена, например, основатели династии джалаиридов в Иране.

Скорее всего дело обстояло именно так и вполне возможно, что Кадыр-Али-бек более честен тогда, когда он скромно молчит.

В пользу такого утверждения говорит и такая фальсификация Кадыр-Али-бека, когда он, говоря о жизни Ураз-Мухаммеда после гибели его отца Ундан-султана, пишет так: он «некоторое время терпел лишения в плену у Сейдяк-бека. Потом, в шестнадцатилетнем возрасте прибыл на службу к падишаху всех христиан Борису Федоровичу-хану. С того времени до сегодняшнего дня, в всяком случае, он находился на службе у государя, его величества Бориса Федоровича-хана» (В, л. 66 б, 67 а).

В этом маленьком отрывке содержится ряд принципиальных искажений. Во-первых, жизнь Ураз-Мухаммеда в Сибири автор преподносит как тяжкий плен у Сейдяка. Эта деталь окончательно опровергает версию о добровольном прибытии в Россию как Ураз-Мухаммеда, так и самого автора. В сибирских летописях, как видели, «казачий султан» фигурирует в качестве достойного внимания деятеля, постоянно находившегося в лагере сибирского владетеля. И вряд ли пленный сопровождал бы своего угнетателя на пышные охоты, тем более находился бы при нем во время ответственных переговоров с противником и Тобольске. Здесь у Кадыр-Али-бека концы с концами не сходятся. Поэтому прав был И. Н. Березин, когда он в этом видел тенденциозность автора, который, «чтобы не было заметно противоположности между службой Ураз-Мухаммеда Борису и дружеством его с Сейдяком, врагом России», искажил действительность⁷⁵. Что касается компромиссного предложения В. В. Вельяминова-Зернова, по которому Ураз якобы был пленником Кучума, но далее достался Сейдяку⁷⁶, то оно явно противоречиво, ибо тогда автор прямо объявил бы Кучума злодеем, тем самым еще более льстил бы русскому царю. Далее, если Ураз еще мальчишкой попал в плен, то откуда возникла у него огромная семья: мать, жены и дети?

Во-вторых, автор искажает факты и тем, что вычеркивает из истории России целое царствование — правление Федора Ивановича, свидетелем которого он был. Если Ураз-Мухаммед «прибыл — по его словам — на службу», то прибыл он не к Борису, а к Федору Ивановичу, который царствовал после злополучного «пира» еще целых десять лет и умер в 1598 году. Угодничество автора вылилось в вольное обращение с фактами...

Следующее «изменение» Кадыр-Алием истории выразилось в неправильном указании на даты⁷⁷. Так, например, годом воцарения Ураза в Касимове он называет 1000-й год по хиджре и год «мыши» по тюркскому животному календарю (В, л. 67 б).

⁷⁵ И. Березин. Библиотека..., II, стр. IV.

⁷⁶ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование..., II, стр. 398—399.

⁷⁷ И. Березин. Библиотека..., II, стр. III; В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование..., II, стр. 385, 446—450.

Но 1000-й — это 1592 год, который был годом «дракона». Что касается года «мыши», то он был в 1008, что соответствует 1600 году. Здесь автор запутывает следы. С одной стороны, он «удревняет» царствование Ураза, что соответствовало бы его версии о добровольности его прибытия в Россию (примечательно, что здесь дата нашего автора совпадает с фальсифицированной датой «Нового летописца»), с другой, правильно называя год «мыши», он оставляет для себя лазейку. В противном случае, тюркские читатели Касимова, разбиравшиеся лучше в животном календаре, быстро нашли бы эту неточность.

Правда, по этому поводу И. Н. Березин предложил следующее компромиссное объяснение: «можно еще, спасая честь нашего летописца, сделать такое предположение, что Ураз-Мухаммед действительно был посажен на трон в 1592 году, но, как вассал еще совсем молодой, находился постоянно при Борисе» и только позднее был отпущен в Касимов⁷⁸. Это решение, однако, не выдерживает критики. Во-первых, если Ураз в это время был несовершеннолетним, то как же к 1595 году он успел обзавестись несколькими женами и детьми?⁷⁹ Во-вторых, почему о пожаловании ему целого «царства» умалчивает Федор в своей грамоте к хану Тевеккелю?

Нет основания думать, что в путанности дат повинны только переписчики: в обоих известных и независимых друг от друга списках стоит одна и та же ошибочная дата, причем, повторяясь двукратно в каждой рукописи. К тому же неправильную дату называет автор и о воцарении самого Бориса, приурочивая его к 1004 году по хиджре (А, л. 3 б), что дает 1595/96 год. А Борис, что общеизвестно, был коронован в 1598 году, после смерти Федора. Как, видим, даты у нашего автора путаются систематически.

Таким образом, Кадыр-Али-бек, как только дело касается взаимоотношения своего нового патрона с царским правительством, легко искажает факты. И само собою разумеется, что от такого человека, вычеркивающего без какой-либо оговорки целое царствование из истории, называющего союз и дружбу между людьми враждой и легко запутывающего даты, трудно ожидать правды о себе самом. Здесь перед нами политик от истории, а не интеллектуальный «воспитатель» царевича и ученый-профессионал. И этот автор со своими вольностями очень напоминает юркого, хитрого сибирского карачи, предавшего в тяжелое время своего сюзерена Кучума и перебившего пришедших ему на помощь воинов Ермака. Такие совпадения не случайны: перед нами одно и то же лицо, но в разных должностях.

⁷⁸ И. Березин. Татарский летописец..., стр. 552.

⁷⁹ По сведениям «Нового летописца» в 1610 году Ураз-Мухаммед имел уже взрослого сына, по доносу которого Ураз был убит Лжедмитрием II (ПСРЛ, т. XIV, стр. 104).

Исходя из всего этого, можно с уверенностью подвергнуть сомнениям саморекомендацию Кадыр-Али-бека. Вряд ли он сам служил у «предков» Ураз-Мухаммеда (о службе же самому Уразу до его воцарения он вообще не говорит). Это, видимо, очередная фальсификация, совершенная с расчетом показать законность своего привилегированного положения при касимовском «хане». Однако тут допустимо следующее компромиссное решение: если, говоря, что джалаирец служил предкам Ураз-Мухаммеда, он имел в виду чингизидов вообще, то он в некоторой степени был прав, ибо и Кучум был чингизидом по происхождению.

В биографии Кадыр-Али-бека бесспорно одно: он не был ни казанским, ни касимовским исконным татариним, в Касимов попал из Сибири, где по доступным пока документам впервые встречаем упоминание о нем в 1581 году как о сановнике Кучум-хана, еще задолго до появления там Ураз-Мухаммеда⁸⁰. Данный карачи, судя по источникам, пользовался большим военно-политическим авторитетом, даже относительной суверенностью, что вполне соответствует исторической действительности, ибо Сибирское ханство представляло из себя полукочевое государство, «раздробленное на ряд плохо спаянных между собою племенных улусов»⁸¹, одним из которых, по-видимому, и владел кучумовский советник Кадыр-Али-бек (характерен «карачин улус» в сибирских летописях).

Возможно, в будущем найдутся противники идентичности сибирского карачи и Кадыр-Али-бека. Если такое отрицание основывалось бы на достоверных документальных данных, независимых, однако, от «Сборника летописей», но подтверждающих его, то оно представляло бы определенный научный интерес. Но такое отрицание, чтобы оно не осталось голословным скептицизмом, должно превратиться в аргументированное утверждение.

Однако, исходя из этих выводов, еще не следует автохтонизировать джалаирца Кадыр-Али-бека. Он несомненно пришел в Сибирь из южных степей, но только не с Ураз-Мухаммедом, а задолго до него. Возможно, пришел к Кучумом, возможно, еще раньше. И пришел не в качестве одинокого вельможи, чиновника-профессионала, а прибыл как глава значительной военно-политической силы, как руководитель родо-племенного объединения. Относительная суверенность его улуса, военно-политиче-

⁸⁰ Как видели выше, при коронации, согласно «Сборнику», Ураз-Мухаммеду было 20 лет. Если этого возраста он достиг в 1600 году, то в 1581-ом ему было всего лишь один год; а если данный возраст относится к 1592 году, то ему было уже 9 лет. Следовательно, когда он присоединился к Сейдяку, ему было либо 6 лет, либо 13 лет. Почему же тогда летописатели так зорко следили за ним? Нет ли здесь очередных искажений?

⁸¹ С. В. Бахрушин. Очерки по истории..., стр. 144.

ская самостоятельность его по отношению к Кучуму и сравнительная зависимость Сейдяка от него, наконец, признание со стороны русских завоевателей его политической значимости — все это говорит в пользу такого утверждения. Значит, нет и не было никакого основания превращать Кадыр-Али-бека в придаток султана Ураз-Мухаммеда и через него прикреплять его к ханскому двору урус-ханидов. Мы не собираемся оспаривать казахское происхождение Кадыр-Али-бека в чисто этническом отношении. Название рода говорит само за себя⁸². Принципиальным является время появления Кадыр-Али-бека в Сибири и этнический, родо-племенной состав его улуса — «карачин улус». Этот улус, видимо, в основном состоял из кыпчакоязычных родов и племен, к которым в тех районах в первую очередь относятся казахи и ногайцы, неоднократно посещавшие западную Сибирь, неоднократно игравшие видную роль в перемене ее военно-политической декорации. Вот при таком последовательном подходе к делу можно будет выяснить не только какой-то частный вопрос (кем был этнически данный автор?), а внести ясность в более серьезные научные проблемы, каковыми являются этногенез народов, в данном случае так называемых сибирских татар, взаимопроникновение разных тюркских родов в период складывания народностей, ход перемещения тюркских племен из районов в районы и т. д. Такое решение проблемы, видимо, больше соответствует истине, интересам науки и дает возможность не только правильно объяснить роль казахского компонента в происхождении сибирских татар, наречие которых сильно подвержено влиянию казахского языка, но и проследить ранние этапы культурного обмена между молодыми народностями, будущими татарами и казахами, которые и до распада прежнего государственного объединения имели тесные связи.

Итак, перед нами очень интересный и очень сложный автор, как писал А. Рахим, «не обыкновенный придворный историограф-профессионал, а представитель высшей татарской (уточним: сибирско-касимовской — М. У.) аристократии»⁸³. Причем сановник преклонного возраста, умудренный жизненным опытом, практицизм которого оформился до конца. И сочинение этого автора при всех его недостатках, каковыми являются чиновничье-монархический характер, классовая ограниченность, открытая тенденциозность безусловно, представляет научный интерес. Это относится как к историографическому, так и к источниковедческому аспектам сочинения. Источниковедческая его сторона, в свою очередь, требует выяснения источников самого памятника.

⁸² Хотя не всегда и не везде джалаирцы были казахами, см. стр. 47, прим. 74.

⁸³ А. Рахим. О новом списке..., стр. 142. Правильное определение социальному лицу Кадыр-Али-бека дано и в СИЭ, V.

Об источниках «Сборника летописей»

Кадыр-Али-бек два раза называет свой основной источник: «Джами' ат-таварих» Рашид ад-дина. Первый раз при перечислении оглавления книги он дает точное название:

باب اول از مجلد اول از کتاب جامع التواریخ،

то есть «Глава первая из первой части книги Джами' ат-таварих» (А, л. 8 б). Второй раз делается неопределенное указание: «Перевел с персидского эту рукопись по книге «Чингиз-наме» на тюркский язык» (В, л. 68 б). Как видим, даже автор источника не называется. Однако, что им был Рашид ад-дин, сомнений быть не может. Это доказано уже И. Н. Березиным, который, исходя из этой особенности памятника, условно назвал сочинение Кадыр-Али-бека «Сборником летописей». Что же касается «Чингиз-наме», то это может быть, более распространенное название «Джами' ат-таварих», о чем свидетельствует, например, тот факт, что в списке из Тегеранского музея⁸⁴ в качестве названия стоит «Книга Чингиз-наме»:

کتاب چنگز نامه.

Относительно источников оригинальной части «Сборника» Кадыр-Али-бек ясных сведений не дает. Он ограничивается лишь общими заявлениями: «тех [событий], случившихся в позднейшие времена..., составил самостоятельно». Внутри текстов отдельных повестей-дастанов он также ограничивается глухими ссылками. Например, о Токтамыше: «Рассказы о нем во всяком случае известны и интересны»; о Тимир-Кутлуке: «Рассказы о нем в его повести приводятся везде», об Идигэ представлена также аналогичная «ссылка». Однако, судя по этим ремаркам и по содержанию самих дастанов, можно предполагать, что автор и в самостоятельной части сочинения сильно зависел от некоторых, пока нам точно неизвестных тюркоязычных исторических «повестей» о ханах и ханычах Джучиева улуса. Относительно богатые, хотя и не полные генеалогические сведения по некоторым династиям и соответствующие действительности отдельные исторические детали говорят в пользу такого предположения.

Пользоваться сочинением Рашид ад-дина в самостоятельной части он не мог, так как в ней говорится о событиях, происходивших уже в XV—XVI столетиях. Анонимным «Продолжением» его он также не пользовался. Влияния структуры «Книги побед» Шараф ад-дина Йезди и Низам ад-дина Шами на содержание «Сборника» также не наблюдаются. Из-за чрезмерной лапидарности текстов «повестей» Кадыр-Али-бека трудно про-

⁸⁴ Рашид ад-дин Фазлуллах. Джами ат-таварих, стр. 12.

следить в них и следы других доступных нам ираноязычных источников.

В основе оригинальных дастанов «Сборника» лежат тюркоязычные исторические сочинения⁸⁵. Относительная стройность и сравнительная правильность языка самостоятельных рассказов в отличие от такового в переводной части «Сборника» также свидетельствуют об этом. В то же время бесспорно другое: большим подспорьем для автора служили памятники фольклора, в первую очередь, известный среди кыпчакоязычных тюркских народов эпос об Идигэ. Следы его особенно сильно чувствуются в языке и стиле дастанов о нем самом и Токтамыше.

Но более конкретно говорить об источниках «Сборника» пока невозможно. Не помогает и голословное заявление автора: «Много стран в мире прошел я; много книг я читал и усвоил». Поэтому вряд ли оправданы выводы Э. А. Масанова, когда он нарисовал Кадыр-Али-бека чуть ли не энциклопедически подготовленным историком, писавшим свой труд якобы в результате изучения и тщательного исследования ряда восточных исторических трактатов и московских архивов⁸⁶. Серьезность такого утверждения весьма сомнительна. Во-первых, декларативное заявление Кадыр-Али-бека еще не может быть мериллом его действительной образованности, тем более подготовленности в историко-научном плане. Во-вторых, московские цари вряд ли распахнули бы двери своих архивов пленнику-инородцу, тем более презренному басурманину.

Что же касается заявления, будто бы «Сборник» джалаирца Кадыр-Али-бека «подвел некоторые итоги историко-этнографического изучения казахского народа в России», и что он якобы «может рассматриваться как синтез некоторых русских историко-этнографических сведений о казахском народе»⁸⁷, то все это, несомненно, является результатом стремления выдавать желаемое за действительное. Ничем не подтверждены и слова Э. А. Масанова о том, что автор «Сборника» посетил Германию. Столь же необоснованны и другие рассуждения его, когда он пишет, что «по косвенным данным в 1590-х годах список рукописи Рашид ад-дина был подарен русскому правительству персидским послом. Затем эта рукопись, по-видимому, перешла в распоряжение Жалаира (т. е. джалаирца Кадыр-Али-бека — М. У.)»⁸⁸.

В летописи, где говорится о прибытии в 1595 году «кизилбашского посла»⁸⁹, нет чего-либо «косвенного» о том, что последний кому-то дарил какую-нибудь книжонку. Если автор имел

⁸⁵ Анонимным «Таварих-и гузида — нусрат-наме» (сокращением которого является «Шайбани-наме») Кадыр-Али-бек также не пользовался.

⁸⁶ Э. А. Масанов. Очерки истории..., 25.

⁸⁷ Там же, стр. 21, 25.

⁸⁸ Там же, стр. 25.

⁸⁹ ПСРЛ, XIV, стр. 47.

в виду слова Рычкова, в первом варианте его «Истории Оренбургской»⁹⁰, то у него речь идет не о Рашид ад-дине или его книге, а об устном рассказе персидского посла. И все.

Требует ответа и такой вопрос: мог ли позволить грозный сефевид Аббас-шах I своему послу дарить царям других стран историю не его династии, а каких-то монгольских ильханов? Следовательно, «косвенные данные» и все эти путаные и просто неверные утверждения уводят в сторону, а обвинение В. В. Бартольда в незнании важных фактов относительно труда Рашид ад-дина⁹¹ бумерангом бьет по самому критику.

Однако каким списком труда Рашид ад-дина пользовался Кадыр-Али-бек и как попал этот список в далекий Касимов? Наличие государственной власти, даже автономной суверенности влечет за собою и развитие исторической литературы; говоря иначе, цари и ханы обязательно принимают меры для идеологического обоснования законности их правления и привилегий. Касимовские «ханы», несмотря на марионеточность их положения, естественно, не составляли исключения. Они, чингизиды по происхождению, несомненно, интересовались историей своих предков, гордились их мирозавоеваниями, «божественным» происхождением своего рода. Появление в Касимове тюркской переработки «Джами' ат-таварих» с добавлениями лишний раз подтверждает это. Поэтому есть все основания полагать, что отдельные списки труда Рашид ад-дина имели распространение в Касимове задолго до переезда туда Ураз-Мухаммеда и сибирского карачи. Если маловероятно прибытие таких списков в Россию в багаже сефевидского посла, то также сомнительна их транспортировка в сумах схваченных на поле брани сибирских пленников. Лучше искать пути из Средней Азии через Поволжье или Крым. Очевидно, что в Касимов первые списки «Джами' ат-таварих» попали, видимо, из Казанского ханства, скорее всего тогда, когда касимовские мирзы грабили павшую Казань.

В широкой распространенности восточных книг в Касимове в XV—XVII веках сомнений быть не может — это убедительно показали результаты археографических экспедиций 1964 и 1966 годов. Например, автором этих строк были выявлены и приобретены у татарского населения Касимова сотни рукописей, среди которых следует особо отметить списки таких ранних сочинений, как «Кунийат ал-мунийя...» (Достижение желаемого для завершения изобилия) Наджм ад-дина аз-Захиди ал-Газмини (умер в 658/1260 г.) в списке 719/1319 года и «Хуласат ал-фатави» (Квинтэссенция фетв) Тахира бин Ахмад ал-Бухари ал-Ханафи (умер в 542/1147 г.) в списке начала XIV столетия. По бумаге, палеографии и стилю выполнения оба списка очень похожи друг на

⁹⁰ «Ежемесячные сочинения», 1759, II, стр. 105.

⁹¹ Э. А. Масанов. Очерки истории..., 24.

друга, происхождение их среднеазиатское⁹². Кроме них приобретены десятки других татарских, турецких, крымско-татарских, староузбекских и арабо-персидских рукописей-списков XV, XVI, XVII столетий. Некоторые из них были привезены в Касимов уже в готовом виде, другие были переписаны в самом Касимове или в его окрестностях. К последним, например, относится список медицинского сочинения «Нафи' ан-нас» крымско-турецкого ученого первой половины XVI века Недаи, который пользовался покровительством казанско-крымского хана Сахиб-Гирея⁹³.

Итак, списки «Джами' ат-таварих» Рашид ад-дина вполне могли попасть в Касимов независимо от позднейших правителей Ирана. Причем список Кадыр-Али-бека был довольно неплохого качества, о чем свидетельствуют слова А. А. Ромаскевича, который нашел необходимым специально отметить, что «при установлении чтения собственных имен хулагуидских ханов очень много помог татарский текст «Сборника летописей», изданный И. Н. Березиным»⁹⁴. Однако из этого не следует делать другие, далеко идущие выводы о том, что якобы Кадыр-Али-бек исправил «грубые ошибки в восточной терминологии» Рашид ад-дина⁹⁵. В действительности сам Кадыр-Али-бек местами остро нуждается в исправлениях Рашид ад-дина.

К вопросу о стиле и языке «Сборника летописей»

На особенности языка и стиля «летописи» первым обратил внимание И. Н. Березин. Поднятые им вопросы в той или иной степени затрагивались и последующими авторами. А в новейшее время возникла своего рода полемика вокруг языковых особенностей сочинения Кадыр-Али-бека. И в этой полемике перепутались две разные вещи: языково-национальная принадлежность «Сборника летописей», с одной стороны, и чисто грамматико-стилистическое качество речи Кадыр-Али-бека, с другой. Рассмотрим эти аспекты в отдельности.

И. Н. Березин не колебался в определении национальной принадлежности «Сборника летописей» и писал, что «джалаирец составил свое сочинение на татарском наречии, но, по обыкновению восточных писателей, старался писать его языком книжным, а не общеупотребительным»⁹⁶.

⁹² ВОНБ КГУ, рукописи, №№ 3333—3334; Сборник восточных рукописей, №№ 3165—3178, стр. 261—271; №№ 3064—3072, стр. 201—206.

⁹³ ВОНБ КГУ, рукопись № Т. 2172. W. Pertsch. Verzeichniss..., S. 297, N. 281. Эти и другие факты говорят о том, что если бы Касимов с археографической целью был обследован на три-четыре десятилетия раньше, то там нашлись бы очень ранние списки более важных в культурном плане памятников. Но, к сожалению, как было отмечено выше, много рукописей погибло в сравнительно недалеком прошлом.

⁹⁴ Рашид ад-дин Фазлуллах. Джами' ат-таварих, стр. 13.

⁹⁵ Э. А. Масанов. Очерки истории..., стр. 23; см. также А. Х. Маргулан [Комментарии...], стр. 646.

⁹⁶ И. Березин. Библиотека..., II, стр. V.

К этому вопросу несколько иначе подходил просветитель Ч. Валиханов, который писал, что язык нашего автора, «совершенно джагатайский, очень близкий к нынешнему кирзгиз-[кайсацкому]... Начало, или слово Борису, написано языком очень понятным и довольно витиевато, во всяком случае, это замечательный памятник татарской панегирики. Слова и обороты очень замечательны, многие речи до сих пор существуют у киргиз»⁹⁷. Ч. Валиханов, так несколько сбивчиво, но в сущности верно подмечает своеобразие лексики и стиля «Сборника»; дает и общее определение языку оригинальной части памятника: «Слово Борису написано почти на чисто татарском языке»⁹⁸.

С И. Н. Березиным был согласен В. В. Вельяминов-Зернов⁹⁹. Академик А. Н. Самойлович нашел необходимым упрекнуть И. Н. Березина за то, что он не в достаточной мере показал место «Сборника летописей» в развитии «поволжско-татарского» литературного языка¹⁰⁰.

Али Рахим, изучавший два списка «Сборника», был в сущности солидарен с Ч. Валихановым, хотя не знал его мнения. Расхождения между ними касаются лишь вторичных наслоений языка. Например, он специально указывая, что автор наш «не является уроженцем Поволжья», отождествляет его язык сначала с чагатайским (что делал и Валиханов), а потом лишь отмечает влияние на него «с одной стороны — юнотурецкого, а с другой — волжско-татарского диалектов» (следовательно, дополняет Ч. Валиханова). И лишь после этого находит нужным отметить, что такая особенность «является характерной для старотатарского литературного языка вообще»¹⁰¹. Словом, А. Рахим и Ч. Валиханов повторяют друг друга. Как увидим ниже, они оба правы.

Автор знаменитого «Абая» писатель Мухтар Ауэзов к этому вопросу подходил очень осторожно, отмечая лишь то, что «Сборник» по своему языку «резко отличается от традиционных сочинений среднеазиатских писателей»¹⁰². Осторожность М. Ауэзова, видимо, объясняется наличием тех разнородных наслоений, о которых писали Ч. Валиханов и А. Рахим.

Но на совершенно новую позицию перешли А. Х. Маргулан и Э. А. Масанов, определив язык «Сборника» без каких-либо оговорок «казахско-чагатайским»¹⁰³. А последний из них вступил в полемику с А. Рахимом, который посмел назвать труд джалаирица Кадыр-Али-бека «татарским историческим сочинением». И

⁹⁷ Ч. Ч. Валиханов. Извлечения..., стр. 158—159.

⁹⁸ Там же, стр. 160.

⁹⁹ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование..., II, 121.

¹⁰⁰ А. Н. Самойлович. И. Н. Березин..., стр. 168.

¹⁰¹ А. Рахим. О новом списке..., стр. 142.

¹⁰² История Казахской ССР, I, стр. 217.

¹⁰³ А. Х. Маргулан [Комментарии...], стр. 645; Э. А. Масанов. Очерки истории..., стр. 21.

он, ссылаясь на рахимовские слова о том, что язык «Сборника» местами непонятен и «это сочинение не было популярным среди татарской читающей массы», предложил следующее толкование: «Это и не удивительно, так как сочинение написано казахом, волею случая заброшенным в г. Касимов, посвящено событиям, связанным с историей, культурой и бытом казахского народа, и по языку более понятен казахам нежели касимовским или казанским татарам»¹⁰⁴.

Итак, без достаточного основания противопоставляются культура и языки двух близко родственных народов. Противопоставление это перешло в еще большую крайность, когда К. Жунисбаев, исходя из сильно искаженного им же текста источника¹⁰⁵, начинает бросать обвинения в том, что авторы первого тома «Истории Казахской ССР» исказили действительность, что еще какие-то люди «нарочно скрывали факты» и т. д. и т. п.¹⁰⁶.

В чье окошко брошен камень, предельно ясно. Речь может идти только о М. Ауэзове и А. Рахиме, ибо первый из них писал соответствующую главу из «Истории Казахской ССР», а второй, обнаружив барудинский список «Сборника», сделал первое сообщение о нем. После А. Рахима, кроме самого К. Жунисбаева, никто не занимался исследованием текста барудинского списка¹⁰⁷.

Само собою разумеется, что от такой целенаправленной тенденциозности истина не меняется. Мухтар Ауэзов не стал искажать историю казахского народа, Али Рахим не превратился в корыстного фальсификатора, а язык «Сборника летописей» остался и продолжает оставаться таким, каким был в 1602 году.

Обратимся к особенности языка «Сборника летописей» и попытаемся выяснить подлинные причины так называемой «малопонимаемости» его речи. Впервые этот вопрос был поднят И. Н. Березиным. Анализируя язык памятника, он писал, что автор «переводил с персидского на татарский язык буквально, не стесняясь противоположным духом этих двух языков, и потому перевод его большею частью, без подлинника Рашид ад-динской истории, непонятен, особенно темные места встречаются в переводе отрывков Чингиз-ханова уложения; а иногда целые фразы представляют забавное соединение персидских слов с тюркскими». Что касается самостоятельной части, то «язык здесь

¹⁰⁴ Э. А. Масанов. Очерки истории..., стр. 22; (подчеркнуто нами.— М. У.).

¹⁰⁵ О методе «цитирования» К. Жунисбаевым источников см. выше, примечание № 71.

¹⁰⁶ Там же, стр. 216. Жунисбаев, произвольно отождествляя собственное имя чингизида «Урус» с этнонимом «рус» делает вывод, что Казахское ханство (династия казахских ханов) было основано русским человеком и т. д. Подробно см. в нашей, названной выше, рецензии.

¹⁰⁷ Те места из «Сборника», которые цитирует Жунисбаев, представлены только в этом последнем списке.

у него уже чисто татарский, но все же неправильный местом»¹⁰⁸.

Эту особенность отметил и Ч. Ф. Валиханов, говоря, что имеются «несколько слов и оборотов не совершенно ясных»¹⁰⁹.

Али Рахим был полностью солидарен с И. Н. Березиным¹¹⁰. Следовательно, идея о непонятности отдельных слов в «Сборнике» принадлежит не ему, он лишь подкрепил ее новыми данными.

Обратимся к самому памятнику. Для иллюстративности дадим несколько текстов из «Сборника» Кадыр-Али-бека и персидские оригиналы этих текстов по Рашид ад-дину¹¹¹. (Тюркские отрывки представляются для более широкой доступности читателю и в транскрипции на основе русской графики; переводы персидских отрывков принадлежат И. Н. Березину).

Пример № 1

تقى ايتيب ترور هر سونيم	ديگر گفته است هر
كيم ايتسالار و كمان آلسه كيم	سخن كه گفتند و كمان
سوزقتق ترور آني اگر حد	افتد كه سخن سختست
يغه يتكورا ايتسالار و اگر	آزا اگر بحد گفته است
هزل بيلان سوز اوزاتماقلا	اگر بهزل باز نتواند
اينمكاي.	گردايند.

Транскрипция тюркской версии:

«Тәки әйтип турур һәр сүз ким әйтсәләр wә гуман алса ким сүз қаттық турур аны әгәр хәддиғә йеткүрә әйтсәләр wә әгәр һәзл билән сүз узатмақлық этмәгәй»¹¹².

Перевод персидского оригинала:

«Еще сказал: всякое слово, которое сказали, думают, что оно сильно, если его скажут серьезно; а если шутя — нельзя исполнить»¹¹³.

¹⁰⁸ И. Березин. Библиотека..., II, стр. VI.

¹⁰⁹ Ч. Ч. Валиханов. Извлечения..., стр. 158.

¹¹⁰ А. Рахим. О новом списке..., стр. 144.

¹¹¹ По березинскому изданию 1888 года.

¹¹² И. Березин. Библиотечка..., II, стр. 102 (рукопись В, л. 37, б).

¹¹³ Рашид ад-дин. Сборник..., 1888, текст; стр. 183, пер. стр. 123.

<p>تقی ایتمی ترور تومانی بیکی و مینک بیکی و یوز بیکی انداغ کراک کیم هر بری اوز لشکری نی انداغ یاشامیشی قیلغای لار ضبط انداغ بولغای کیم هر وقت دا کیم آئینک فرمانیغه و حکمی غه یتکای کیچه نی کوندوز قیلیب ایتمای و اطلاغای .</p>	<p>دیگر گفته است امرای تومان و هزاره و صده باید که هر یک لشکر خود را چنان یاسامیشی کرده باه شنند و معد داشته که هر وقت که فرمان و حکم رسد شب را روز ناکفته بر نشینند .</p>
--	---

Транскрипция:

«Тәки әйтип туруп туман беги wә миң беги wә йүз беги андағ керәк ким һәр бири үз ләшкәрини андағ йасамышн қыйлғайлар, забт андағ булғай ким һәрвақытта ким аның фәрманиға wә хукмиғә йеткәй кечәни күндүз қыйлип әйтмәй wә атланғай»¹¹⁴.

Перевод персидского оригинала:

«Еще сказал: численники, тысячники и сотники должны каждый содержать в порядке свое войско и в готовности, чтобы во всякую пору, как придет указ и приказание, сядились на коня, не ожидая ночи же»¹¹⁵.

Таких примеров можно было привести множество, но нет смысла переписывать одну десятую целой книги. Однако и приведенных примеров достаточно, чтобы получить представление о малопонятных местах в «Сборнике». Э. А. Масанов взял да объявил именно их «более понятными казахам». Только неизвестно, каких казахов он имел в виду, тех, которые сохранили то исконное по своей природной чистоте и правильности кыпчакское наречие, или других, не известных еще миру. Нам кажется, что здесь казахский язык не при чем. У И. Н. Березина, Ч. Валиханова и А. Рахима речь идет не о национальной преграде, а только о грамматической неправильности и стилистической неряшливости многих мест в языке «Сборника» вообще. Это подтверждается примерами из собственных творений самого Кадыр-Алибека:

¹¹⁴ И. Березин. Библиотека..., II, стр. 108 (В, л. 40 б).

¹¹⁵ Рашид эд-дин. Сборник..., 1888, текст. стр. 190; пер. стр. 128.

سبب اول ایردی کیم بو تواریخ قه اوراز محمد
خان حضرتلاری نینگ آنا آناسیدین قوللوق اییب قلا
کیلکان جلائر تراق تمغالی ایردی .

Транскрипция:

«Сәбәб ул эрди ким бу тәварихка Ураз-Мүхәммәд-хан хәзрәтлариниң ата-анасидин куллуқ этип қыла келгән жәлаир тарақ тамғалы эрди» (В, л. 68 б, А, л. 157 а).

Не надо быть тонким стилистом, чтобы увидеть здесь синтаксическую неправильность речи. А такие шероховатости, по корректному выражению А. Рахима, и в оригинальной части «Сборника» не единичны.

Короче говоря, язык Кадыр-Али-бска не блещет своими художественными достоинствами и грамматической стройностью. И это произошло не от особенностей родного наречия автора, а от того, что он просто не владел в достаточной степени навыками литературного стиля.

Достоин внимания и следующий вопрос. В публикациях указанных записей Ч. Валиханова есть один странный подзаголовок: «Словарь не употребляющимся теперь татарами слов, попадаю-

щимися в جامع التواريخ». Страшно то, что в этом обшир-

ном словаре ¹¹⁶ приводятся такие общетюркские и широко распространенные заимствованные слова, как *алтун* (золото), *асыл* (происхождение, основа), *артук* (лишний), *әгәрчә* (хотя), *эр* (муж, мужчина), *уруг* (род, племя), *утмак* (пройти), *эммак* (сосать), *илтифат* (внимание), *табунмак* (поклоняться божееству), *таби'* (подданный), *туй* (свадьба), *туган* (родственник; родившийся), *тәварих* (история), *түгәл* (целиком) и др. в начертаниях:

التون ، اصل ، ارتوق ، اگرچه . ایر ، اوروغ ، اوتمک ،
ایمک ، التفات ، تابونماق ، تابع ، توی ، توغان ، تواریخ ،
توکال .

Мы привели примеры лишь некоторых слов, начинающихся на буквы «алиф» и «т». Не только эти, но и все другие слова без исключения употреблялись или продолжают употребляться

¹¹⁶ Ч. Ч. Валиханов. Извлечения..., стр. 164—168.

в татарском языке как в письменном, так и в разговорном. К тому же большинство их входит в фонд так называемой общетюркской активной лексики. Поэтому напрашивается вывод, что вышеназванный подзаголовок прочитан составителем тома неправильно, ибо трудно ожидать от Ч. Валиханова, знавшего цену своим словам серьезного мыслителя, такого неграмотного утверждения.

Последний вывод подтверждается и следующим примером. Указывая, что автор «Сборника» вместо общетатарского «үзгә», «башка» (в смысле «другой», «иной»), активно употребляет синоним «унгин», Ч. Валиханов показал себя неплохим знатоком казанско-татарского литературного языка ¹¹⁷. Действительно, в татарском литературном языке нового времени оно почти не применяется. Однако в языке казанского поэта первой половины XVI века Мухаммедьяра ¹¹⁸ неоднократно встречается это слово «унгин»; в завещаниях касимовских татар, опубликованных В. В. Вельяминовым-Зерновым, оно применяется еще более активно. Так, в завещании Галикея-аталыка от 1639 г. слово стоит в таком контексте: «Иа бир унгин йат ким эрсэлэр» (или другой кто-либо чужой) ¹¹⁹. В другой раз оно трехкратно встречается в одном и том же документе, составленном несколько позднее, но в том же Касимове ¹²⁰.

Этот маленький опыт говорит о том, что при определении этнической принадлежности языка какого-либо тюркского памятника наравне с учетом силы традиции, происхождения автора, необходимо иметь в виду и языковую среду того региона, в котором он создан. В противном случае не избежать участи К. Жунисбаева, который из-за игнорирования языковой специфики памятника из татарской усилительно-ограничительной час-

тицы «ук» (**اوق**), во фразе «ул тәфрикәдә ук Урус-хан»

(во время этих же раздоров Урус-хан), сделал прилагательное «ак» (белый) и получил «белого русского хана...»

По такому ложному направлению пошел и А. Х. Маргулан. Он, например, исправляя и подлинник и Ч. Валиханова, взамен

¹¹⁷ Там же, стр. 160—161. В казахском языке это последнее слово применяется в варианте «өңге».

¹¹⁸ Мөхәммәдьяр. Төхфәи мәрдән..., 39, 42 бб. (Мухаммедьяр. Тухфаи Мардан..., стр. 39, 42) Составитель книги Ш. Ш. Абилов, однако, неправильно передает в данном конкретном случае сочетание только через «н», а слово читает весьма неудачно — унин.

¹¹⁹ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование..., III, стр. 238.

¹²⁰ Там же, стр. 449—451. Следует отметить, что усеченная как в казахском языке форма этого слова «үнгә» встречается и в современных диалектах татарского языка, как в сибирском, так и в мишарском. См.: Д. Г. Тумашева. Көнбатыш Себер... (Язык западно-сибирских татар), стр. 214; «Диалектологик сүзлек» (Диалектологический словарь), II, стр. 257, III, стр. 217.

подходящего смыслу и правильного чтения (уй тирлиги) — «домашняя живность» вообще) предлагает читать

اوى توليكي

(уй түлүги) — и для подкрепления

своего мнения ссылается на фразу из казахского языка:

تورت تولك مال

(төрт түлүк мал — четыре вида скота;

следовательно, «тулук» — вид). Но первую фразу переводит он по смыслу, как «все домашнее имущество»¹²¹, в то время как следовало перевести: «домашние виды», что уже искажает текст. В татарском же языке «тирлик» — животное, живность, и это слово в казахском языке отсутствует.

Серьезные искажения встречаются у Х. Хисматуллина, который не учитывая особенность родного наречия автора, в данном случае сибирского диалекта татарского языка (хотя он и подерживает казахское происхождение историка)¹²², из фразы:

قىردا چىركەس اويدا ايشتىك

то есть «қырда чиркэс, уйда иштэк» (где «қыр» — степь или нагорье, «чиркэс» — черкес, «уй» — низменность или равнина, а «иштэк» — остяк) получил «қырда Чиркас өйдө Иштан»¹²³. Х. Хисматуллина не выручило и объяснение, данное слову «иштан» — будто бы это столица царя Кучума. Подобной столицы никогда не было, был лишь город Искир или Қашлык. Но почему же все-таки это «столица» оказалась «дома» (так как татарское «өй» — дом) нет объяснения вообще. В конечном счете вместо «в степи — черкес, а на равнине — остяк»¹²⁴, получилось что-то вроде «в степи — черкес, а дома — штаны».

Несколько слов о национальной принадлежности языка «Сборника летописей» Кадыр-Али-бека. Раз вопрос этот был поднят некоторыми новейшими авторами заново и решен ими в абстрактном плане, он нуждается в конкретизации. Этот вопрос следует рассматривать в двух ракурсах: в чисто лингвистическом плане и в социально-культурном отношении. Возьмем второй аспект (лингвистическая сторона уже несколько освещена при анализе архаизмов памятника).

¹²¹ А. Х. Маргулан. [Комментарии...], стр. 168, примечание 118.

¹²² Древняя татарская литература, стр. 451.

¹²³ Там же, стр. 472.

¹²⁴ О значении «уй» см.: «Диалектологический словарь», I, стр. 201. Тумашева Д. Г. Язык западносибирских татар, стр. 212.

В казахском языке он имеет форму «ой» см.: Абай Кунанбаев. Шығармалар, 1945, стр. 114.

Если подходить к «Сборнику летописей» как к историческому сочинению, как к социально-культурному продукту, чем он является по своей социально-классовой сущности, то необходимо будет ответить на два принципиальных вопроса. Во-первых, в какой тюркоязычной среде жил этот тюркоязычный же автор и где сочинил свое произведение? Во-вторых, для какой тюркоязычной аудитории автор предназначал свое тюркоязычное же произведение?

Ответы не заставят себя ждать. Видимо, именно так подходили к вопросу И. Н. Березин, В. В. Вельяминов-Зернов и А. Н. Самойлович. Примыкали к такой позиции Ч. Валиханов и А. Рахим. Всем им в справедливости и историчности отказать невозможно. Когда «Сборник летописей» будет рассматриваться как памятник социально-духовной культуры, должен быть применен именно этот принцип. Кем был по происхождению этот автор, где родился и когда прибыл сюда — это частные и вторичные вопросы. Этим принципом исторической конкретности руководствуемся и мы, когда «Сборник летописей» джалаирца Кадыр-Али-бека, вслед за вышеназванными авторами, относим к памятникам татарской исторической литературы. Следовательно, и язык «Сборника» является в целом татарским.

Относительно популярности «Сборника летописей» и распространенности списков его хочется сделать следующие дополнения. А. Рахим, говоря, что он не был популярен среди татарской читающей массы, несколько неточен. Это свое утверждение он поправил тут же в «добавлениях» к статье, где сообщил об обнаружении им нового фрагмента из «Сборника»¹²⁵. Если добавить к хальфиновскому, барудинскому спискам, последнему фрагменту сообщение П. И. Рычкова о том, что у него был русский перевод татарского сочинения, посвященного Борису¹²⁶, то мы располагаем документальными данными о четырех списках одного и того же произведения, что сравнительно не мало. При известности места происхождения памятника такие данные приобретают существенную значимость и дополнительно уточняют А. Рахима¹²⁷. Таким образом, нет достаточного основания утверждать, что язык этого памятника в целом не был понятным для татарской читающей массы.

В связи с полемикой необходимо остановиться и на таком важном вопросе, как употребление в тюркологической литературе при определении языка памятников прошлого разных тер-

¹²⁵ А. Рахим. О новом списке..., стр. 147.

¹²⁶ «Ежемесячные сочинения», II, СПб, 1759, стр. 105.

¹²⁷ В одном из поздних писем Р. Фахрутдинова читаем следующие слова: «У нас была старинная рукопись одной исторической книги о касимовских и сибирских ханах. Название ее вышло из моей памяти...» Следовательно, общее количество известных науке списков «Сборника» можно было бы довести и до 5.

минов ¹²⁸, причем одни и те же термины употребляются применительно к памятникам различных эпох. Этим особенно грешат местные авторы. Например, вряд ли правомерно без каких-либо оговорок называть язык «Мухаббат-наме» Хорезми, «Хусрау и Ширин» Кутба памятниками только татарского или же только узбекского литературного языков. Безусловно, что здесь мы должны руководствоваться более четким и более конкретным принципом. И думается, что относительно письменных памятников XIII—XV вв. более применимо определение «золотоордынско-хорезмский тюркский язык», как это предложил Э. Н. Наджип ¹²⁹, т. к. в нем четко отражено социальное содержание эпохи, которому и обязан своим развитием этот конкретный литературный язык. Ибо он складывался в результате огромных социально-политических сдвигов, каковыми являются, во-первых, нашествие монголов, которое сильно перемешало и перемололо ряд тюркских племен от Алтая до Дуная; во-вторых, образование Золотой Орды, эволюция которой также неоднократно перетасовывала тюркские племенные объединения. При всей неприязни ряда авторов к золотоордынской эпохе истории вряд ли удастся зачеркнуть трехсотлетний период из прошлого многих народов СССР ¹³⁰, причем такой сложный в социально-политическом отношении период, когда были заложены или точнее перезаложены основы многих тюркских народностей. Это, например, прослеживается и в этногенезе казанских татар, в происхождении которых участвовали как домонгольские тюркские племена ¹³¹, причем с преобладанием небулгарского компонента ¹³², так и кыпчаки южных степей более поздних эпох. И первые из них безусловно сыграли роль субстрата, активно и быстро растворяя в себе пришлые элементы ¹³³. Однако этнический процесс одно, развитие же духовной культуры и литературного языка феодального общества — другое. Вот поэтому письменный язык предков современных татар в XIII—XV вв. развивался в едином русле с золотоордынско-хорезмийским литературным языком. Это вполне закономерно, так как письменный язык феодального общества соответственно положению и структуре господствующего класса, который он обслуживает, развивается более или менее самостоятельно от разговорной

¹²⁸ Например, тюрки, литературный тюркский язык; татарский язык, старотатарский, древнетатарский (или даже болгарский); чагатайский, древнеузбекский, узбекский; кыпчакский, огузо-кыпчакский и т. д.

¹²⁹ Э. Н. Наджип. Кыпчак-огузский литературный язык..., стр. 15—16.

¹³⁰ В сборнике докладов «Происхождение казанских татар...» проводилась именно такая тенденция (за исключением акад. М. Н. Тихомирова).

¹³¹ В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние Болгары...

¹³² История Татарской АССР, однотомник, стр. 39.

¹³³ С. А. Токарев. Этнография..., стр. 172—173; А. П. Смирнов. Роль болгарского государства..., стр. 72. Примечательно, что автор в этой работе отошел от своей позиции, изложенной в прежних выступлениях, см., Происхождение казанских татар..., стр. 5—26 и др.

простонародной речи, но в соответствии с феодальным обществом в целом, особенно же с его центральным органом диктатуры, т. е. государственно-административными институтами. Исходя из такой социальной сущности и специфики феодального литературного языка письменные памятники периода золотоордынской империи, в состав которой входили татары, узбеки, казахи, ногайцы, башкиры и др., — следует считать их общим достоянием¹³⁴. Следовательно, здесь нет достаточного основания для «дележа» литературного наследия по узко этническому принципу¹³⁵.

Однако такой принцип вряд ли приемлем для последующих эпох, например, для XV—XVII вв., когда в результате распада единой империи (которая и в эпоху «единства» была разношерстной, лоскутной из-за этнической разнородности входивших в ее состав тюрков) создавались условия для самостоятельного развития отдельных народностей. Теперь пределы общности, единства сузились, доходя во многих районах до рамок этнического единства. Соответственно этому и литературный язык начинает приобретать чисто местные качества, в результате чего в ряде тюркских регионов создаются литературные языки народностей, связанные уже со спецификой, судьбою «своего» феодального класса. В эту эпоху и «чужие» элементы, в лице пришлых авторов, должны были приспособляться к местным условиям и служить требованиям местной господствующей культуры. В противном случае они оставались бы инородным телом и их произведения также были бы «чужими».

Джалаирец Кадыр-Али-бек своим творчеством и языком своего труда отвечал этим же требованиям. Он был сначала «чужим» для касимовских татар конца XVI и начала XVII вв., но стал «своим» для них позднее¹³⁶. Поэтому в его языке представлен ряд специфических местных элементов, которые не смогли понять и осмыслить представители другой языковой среды.

Вместе с тем, соответственно природе и структуре касимовского феодального общества, литературный язык, духовная культура этого «ханства» надолго сохранили в себе элементы бывшей золотоордынской традиции. Вот поэтому язык «Сборника летописей» Кадыр-Али-бека, сильно отличаясь, согласно М. Ауэзову, от традиционного чагатайского¹³⁷, занимает в то же время несколько обособленное место и среди татарских письменных памятников XVII—XVIII вв. Иначе говоря, это

¹³⁴ Э. Н. Наджи п. Кыпчакско-огузский литературный язык..., стр. 39; Хорезми. Мухаббат-наме, стр. 20.

¹³⁵ При изучении истории языка народа, естественно, необходимо руководствоваться несколькими иными принципами, тщательно выискивая местные, чисто этнические элементы.

¹³⁶ Напомним, что до написания своего труда историк жил более 16 лет среди татар внутренней России.

¹³⁷ История Казахской ССР, I, стр. 217.

своеобразный языковой реликт (и не только языковой) бывшей золотоордынской письменной культуры соответствовало тому, как Касимов со своими «ханами» и татарскими родовитыми феодалами был историческим анахронизмом для второй половины XVI и XVII столетий. Исходя из всего этого «Сборник» Кадыр-Али-бека вполне можно квалифицировать как один из наиболее поздних золотоордынских письменных памятников. В таком плане его должны изучать в филологическом, историко-источниковедческом аспектах и ученые из Казахстана, нет никакой падобности искусственно оказывать язык этого сочинения.

Необходимо осветить, наконец, следующий момент. В определениях Ч. Валиханова и А. Рахима есть слово «чагатайское». Это, конечно, дань традиции, когда все тюркоязычные произведения определяли этим, очень растяжимым понятием. Но и Ч. Валиханов, и А. Рахим правы по-своему, обнаруживая в языке «Сборника» много близкого к их родным наречиям. Вместе с тем, указывая на синкретичный характер старотатарского литературного языка, однако не XIII—XVII вв., а XVIII—XIX столетий, А. Рахим более близок к истине, чем, например, Э. Н. Наджиб, когда он пишет, что золотоордынско-хорезмийский язык в Поволжье продолжал существовать вплоть до начала XX в.». Не вносит ясности и уточнение автора: «как язык мистико-повествовательных произведений»¹³⁸. Дело, как нам кажется, в том, что с XVIII века, вследствие зарождения элементов капиталистических отношений среди татар, в особенности с появлением довольно энергичного купечества, а также с развитием культурно-экономических связей Поволжья с Крымом, а через последний — с Турцией, усиливается влияние османско-турецкого литературного языка. Такому влиянию способствовало не только распространение в XVIII в. среди татар таких светских произведений, как «Джихан-нема» или героико-мифических сочинений, вроде поэмы о Баттале и др., но также чисто мистических книг как «Мухаммадия». Эту тенденцию можно наблюдать и в языке татарских историко-литературных произведений, даже двух редакций одного и того же памятника (например, одна редакция известных дастанов о Чингиз-хане и Тамерлане, переработанная в конце XVIII или начале XIX в., в отличие от первоначальной редакции, османизирована по стилю). Большому влиянию османско-турецкого литературного языка подверглась также «История Булгар» Хисамутдина Муслими. Почти таков язык и «Путешествия» Исмаила Бекмухаммедова (памятник конца XVIII в.).

В то же время продолжает развиваться и старая золотоордынская традиция, однако, переплетаясь с новой. Это особенно ярко выразилось в языке поэта первой половины XIX в. Абдулджаббара Кандалий, который активно привлекал и элемен-

¹³⁸ Э. Н. Наджиб. Кыпчакско-огузский литературный язык..., стр. 16.

ты разговорной речи. Таких примеров в татарской письменной литературе нового времени можно найти очень много. Но ни одна из этих тенденций не смогла победить окончательно. У одних авторов сильно влияние первой, у другой — второй. Постоянно просачивалось через разные каналы и влияние староузбекского книжного языка. Одновременно все больше и больше пробивали себе путь локальные, национальные элементы, что было связано уже с процессом формирования нации. Поэтому, если заменить неточное «чагатайское» в рахимовском определении на «старотатарское» и оставить в силе поволжско-татарские, османско-турецкие и среднеазиатские влияния, то обобщение ученого, что такое переплетение компонентов «является характерным для старотатарского литературного языка вообще», не теряет научной значимости и сегодня.

Надо подчеркнуть, что в этих словах А. Рахима нет ничего эклектичного, они вполне соответствовали социально-политическому развитию татарского феодального общества со второй половины XVI до начала XX в., когда литературный язык, лишенный постоянно унифицирующей форму, стимулирующего развитие центра, каким является феодальное государство¹³⁹, развивался слишком анархично, поддаваясь каждому дуновению внешнего ветра. Следовательно, и стиле-языковая пестрота старотатарского литературного языка есть исторический продукт конкретных социальных условий.

Эта пестрота, смешанность является основным атрибутом только татарского письменного языка в XVII—XIX вв., который из-за этой разнородности невозможно спутать ни с османско-турецким, ни со староузбекским, ни с другим. Ибо в этих последних невозможно найти «чужие» элементы в такой степени, в какой они имеются в старотатарском. Поэтому принципиально нельзя согласиться с теми авторами, которые, исходя из этой внешней пестроты старотатарского языка, механически отождествляют составные части его с другими языками, но не учитывают конкретные условия, дававшие плодородную почву для такой гибридизации, и приходят к выводу, что у татар до 1905 года не было своего литературного языка, а был какой-то безродный «общий» тюркский язык.

Такую, примерно, концепцию относительно старотатарского языка развил филолог А. И. Харисов в своей книге «Литературное наследие башкирского народа»¹⁴⁰. В книге много раздумий и мыслей о развитии литературных языков вообще, имеются экскурсы даже в вопросы филологии бывших испанских колоний, однако, почти нет конкретного анализа социально-политических условий, в которых жили татары и башкиры, нет

¹³⁹ Говоря о государстве, необходимо иметь в виду комплекс административно-управленческих, идеолого-просветительских институтов, каковыми располагало в той или иной степени каждое государство.

¹⁴⁰ Ә х н а ф Харисов. Башкорт халкының әзәби мирасы, 32—50 бб.

выявления отличия специфики их жизни от жизни узбеков и турок, например. Автор без критики принял некоторые схематичные положения филолога Дж. Валиди и др., которые, не вникая в суть, лишь объективистски констатировали факты. В результате понятие литературного языка у А. Харисова превратилось в нечто схематичное, вневещное, данное кем-то раз и навсегда. Беспочвенность таких рассуждений слишком уж очевидна. Например, примут ли узбеки, турки и уйгуры за свой литературный язык язык татарских поэтов Шамсутдина Заки и Абдулджаббара Каидальи? Насколько общ язык этих поэтов с языком узбека Фурката, турка Хамид-паши или уйгура Биляла Назима? В стиле последних мы не наблюдаем той специфически татарской пестроты, «тюркской» пестроты. Следовательно, говорить о каком-то абстрактном «тюрки» нет основания. Есть конкретный пестрый старотатарский литературный язык, который мог возникнуть и развиваться лишь в условиях Поволжья в XVII—XVIII вв.

В то же время было бы ошибочным определить характер старотатарского языка, исходя из данных лишь отдельных памятников полуфольклорного жанра, зафиксированных в XVIII—XIX вв. О господствующем литературном языке как социальном явлении можно говорить, исходя из суммы всех данных, то есть «необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения»¹⁴¹.

Имея в виду принципиальные аспекты данного вопроса, которые касались и будут касаться татарских исторических сочинений XVII—XVIII столетий, мы сочли необходимым уделить им должное внимание. Естественно, что здесь затрагивались лишь некоторые вопросы развития литературного языка в феодальном обществе. Что касается конкретных особенностей речи Кадыр-Али-бека, то лингвистическое исследование их дело филологов, которые, к сожалению, до сих пор вежливо обходили этот интересный памятник.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОРИГИНАЛЬНЫХ РАЗДЕЛОВ СОЧИНЕНИЯ КАДЫР-АЛИ-БЕКА

ПОСВЯЩЕНИЕ БОРИСУ ГОДУНОВУ (текст представлен лишь в списке А, лл. 1—5). Посвящение книги «Хвала Борису» (та'риф-и Барис) имеет большое значение для понимания цели и назначения «Сборника летописей». Оно представляет первостепенный интерес и для получения правильного представления о социально-классовых воззрениях автора и окружающей его среды — татарской придворной элиты в Москве и Касимове в XVII—XVIII вв.

¹⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 351.

«Хвала Борису» — замечательное по форме и художественным достоинствам произведение, в котором автор в типично восточном стиле славословит Бориса Годунова, рисуя его идеальным государем. Исключительное место панегирика в истории татарской изящной словесности было отмечено в свое время И. Н. Березиным¹⁴². Соответствующую действительности характеристику дал ему Али Рахим: «В своем панегирике в честь Бориса, написанном рифмованной прозой, его слог поднимается до кульминационной точки красочности и торжественности, являясь, таким образом, высшим образцом тогдашнего высокого художественного стиля»¹⁴³. До А. Рахима такую высокую оценку памятнику дал Ч. Валиханов, говоря, что это «замечательный памятник татарской панегирики»¹⁴⁴. Не останавливаясь более на художественно-эстетических качествах «хвалы» (текст которой в оригинале опубликован дважды¹⁴⁵, неплохой русский перевод напечатан в журнале «Москвитянин»)¹⁴⁶, которые действительно замечательны и достойны пристального внимания филологов, отметим ее особенности в историографо-мировоззренческом аспекте.

В изображении панегириста царь Борис Федорович представлен не только мудрым, но и могущественным, мировым правителем, под властью которого, кроме всех русских земель, находились «престолы» Казани, Астрахани, Тары, Сарайчика и др. Такая интерпретация вполне соответствует официальным титулам русских царей, которые называли себя царями, князьями, ханами всех входивших в состав России государств. Правда, перечисление бывших удельных русских княжеств Кадыр-Алибеком опущено.

Борис не просто могущественный падишах, но и грозный покоритель, перед которым, как листья, трепетали Крым и Турция и которому покорно служило «бесчисленное [количество] султанов-ханычей». Не удовлетворяясь таким односторонним изображением, где преобладают слишком суровые качества падишаха, автор рекомендует его и как самого правого судьи, справедливого царя, «милующего сирот, насыщающего бедных»¹⁴⁷.

Интересными в этом отношении являются следующие слова джалаирца, где в поэтических выражениях дается хвала-характеристика Борису: «Престол твой горе подобен; народ твой подобен тени государя; личность твоя луне подобна; правосудие твое подобно облаку; действия милости подобны; благодеяния

¹⁴² И. Березин. Библиотека..., II, стр. II—III.

¹⁴³ А. Рахим. О новом списке..., стр. 144.

¹⁴⁴ Ч. Валиханов. Извлечения..., стр. 159.

¹⁴⁵ И. Березин. Библиотека..., II, текст, стр. 3—7; Древняя татарская литература, стр. 472—475.

¹⁴⁶ И. Березин. Татарский летописец..., стр. 544—548.

¹⁴⁷ Цитируем и переводим панегирик по рукописи А, лл. 1—5, учитывая русский перевод (И. Березин. Татарский летописец...)

твои подобны морю,— да вкушает мир, да здравствует сотни лет, [о] доброименный Борис-хан!»

Такие заявления, если бы они оставались только в декларативном виде, представляли бы лишь художественно-филологический интерес. Но автор подвергает эти и другие краткие тезисы расшифровке, иллюстрирует их примерами и подкрепляет их развернутыми логическими конструкциями суждений. Например, о службе ханычей говорит следующее: «От востока до запада [царь] завоевал все страны; рубя поражающим мечом, одерживая победу над своими врагами, он пленил бесчисленное [количество] султанов-ханычей, превращая их в слуг».

Конкретизируя положение о том, что «народ — тень государя», Кадыр-Али пишет: «весь народ является твоим достойным, царство царя — с народом, а государство народа — с царем». Словом, автор четко выражает свое отношение к монарху, изображая народ лишь тенью его ¹⁴⁸.

Уподобление правосудия Бориса облаку обосновывается тем, что если облака, посылая дождь, напавают животворительной влагой все живое и растительное, то и справедливость царская, подобно дождю, является достойным всего народа. Личность его луны подобна потому, что если луна освещает весь мир, то и царь своей персоной озаряет весь народ и т. д. и т. п.

Когда же автор переходит к стремлениям царского правительства завоевать побольше стран, он, хотя и гиперболически, все же точно отражает настроение царизма. Например, через свои пожелания-утверждения он рисует Бориса счастливым завоевателем и очень отдаленных стран: «пусть с минуты на минуту приближается взятие Рума, Китая, обладанье странами семи климатов. Да пьет он вина из [руки] Кравчия Вечности, и в этом бренном мире пусть достигнет он богатства и счастья!»

После этого щедрого пожелания панегирист в общих и весьма пышных фразах восхваляет доблестных военачальников и приближенных царя. Хотя эта часть оды именуется «Хвалой великим военачальникам», в ней не назван кто-либо конкретно. В результате получается характерный общий, расплывчатый серый фон, где опять-таки блещет своим величием единственный Борис-хан. Остальные же лишь готовы ему служить и каждый час ждут приказа, чтобы тут же сесть на коней.

Далее, опять возвеличивая государя, автор дедуктивно заключает: «Твое озарение народам подобно луне и подобно солнцу. А у всех — русских, татар, немцев и поляков ¹⁴⁹ есть один

¹⁴⁸ Поэтому вряд ли прав Х. Хисматуллин (Древняя татарская литература, стр. 470—471), когда он в этих словах ищет что-либо прогрессивное, новое. Эти мысли так же стары и избиты, как само монархическое правление вообще.

¹⁴⁹ В оригинале

хан с именем Борис!» Тенденция автора ясна: он хочет изобразить русского царя общим отцом и главой для всех разноязычных народов, даже не входивших в состав русского государства.

Вот этот момент сочинения Кадыр-Али-бека и был подхвачен и раздут в 1913 году, в связи с празднованием юбилея дома Романовых, Ахмед-Закием Валиди в брошюре под громким названием «Смутное время и участие мусульман в избрании на царство Михаила Федоровича Романова», где он нарисовал те времена периодом райской жизни для татар и других инородцев на «общей родине».¹⁵⁰ По мнению А. З. Валиди, в избрании царя Михаила татары участвовали на равных правах с русскими феодалами. И это равноправие якобы доказывается наличием двух-трех татарских фамилий в официальных документах об избрании царя. Далее, утверждает А. З. Валиди, татары постоянно пользовались благосклонностью царей и имели свободный доступ ко двору — как до Михаила, так и после него. Мало того, и Борис из-под пера Валиди выходит чистопородным татариним и преподносится кровным братом хана Ураз-Мухаммеда¹⁵¹. Причем эту идею А. З. Валиди навязывает Кадыр-Али-беку, который якобы свою историю писал только для того, чтобы «задевать струны их национальных чувств»¹⁵².

Спрашивается, для чего понадобилась Валиди такая постановка вопроса? Ларчик открывается довольно легко: раз тюрко-татарские феодалы когда-то принимали участие в государственном строительстве России и ей верно служили, то, значит, и ныне имущие классы татар должны участвовать в управлении Российской империи¹⁵³. Все было хорошо в добрые старые времена, пытается убедить автор, да вот позднейшие русские цари забыли оказанные им услуги шах-алиев, ураз-мухаммедов и др. И народ татарский оказался в бесправном, жалком положении¹⁵⁴. Так рассуждая и оплакивая прошлое, А. З. Валиди искаженно изображал историю народа. Впрочем, народа ли? Нет, конечно, — имущих классов, которыми он и подменял народные

150

احمد زكى وليدى . قتنه وقتنده ... ۱۰-۹ بىتلر

¹⁵¹ Согласно преданиям, какой-то золотоордынский мирза Чет, приняв в 1330 г. христианство, положил начало роду Годуновых (А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная..., стр. 145—150). А Борис как известно, родился около 1552 года. Некоторые историки вообще сомневаются в историчности указанного предания, см.: С. Б. Веселовский. Исследования по истории..., стр. 162 и сл.

¹⁵² А. З. Валиди. Смутное время..., стр. 18.

¹⁵³ Татарская ориентация Валиди в эти годы, когда татарская буржуазия была еще сильна, очень примечательна, ибо позднее, как общезвестно, он стал идеологом узко башкирского националистического сепаратизма.

¹⁵⁴ А. З. Валиди. Смутное время..., стр. 28.

массы, стонавшие в действительности под двойным гнетом. Поэтому клеветой на истину являются его слова: «Россия была общей родиной. Это хорошо понимали как стоящие у власти люди, так и подданные татары-мусульмане»¹⁵⁵. А действия русских царей, «которые не проводили различия между народами и признавали государство общим, безусловно удовлетворяли татар-мусульман»¹⁵⁶. И во время избрания Михаила Романова «татары были свободными, полноправными гражданами общего государства и с русскими стояли в одном строю» и т. д.¹⁵⁷.

Классовая направленность этих лишь внешне патриотичных заявлений раскрывается сравнительно просто, ибо А. З. Валиди, как выразитель национальных и политических устремлений крупной татарской буржуазии, говорит не о былом благополучии народным масс, а льет слезы о том этапе сотрудничества между русскими государями и небольшой группой татарских феодалов, когда последние пользовались определенными социальными привилегиями.

Характерно в этом плане следующее: Валиди, рассуждая лишь о былом «национальном» благополучии в допетровской России, ни слова не говорит о кровавом подавлении национальных движений на окраинах, о совместных выступлениях русских, татарских, башкирских крестьян против общего врага — феодального царизма, о развитии дружественных связей между разными народностями.

Если сравнить рассуждения Валиди с известным стихотворением поэта Г. Тукая «Надежды народа в связи с великим юбилеем», где поэт-демократ, нисколько не идеализируя прошлое, нисколько не смазывая следов старых ран, выдвигает на первый план совместную трудовую жизнь широких масс, «обмен языком, словарем, обычаями и нравами», и ставит вопрос о равенстве наций в общедемократическом плане¹⁵⁸, то еще более рельефно вырисовывается классовый характер высокопарных утверждений А. З. Валиди. Между прочим, это хорошо иллюстрируется и позднейшим поведением самого автора — его нетерпимостью к татарскому народу и его разрывом с башкирским народом, когда он встал на социалистический путь развития. Словом, как говорил В. И. Ленин, «буржуазия предаёт интересы свободы, родины, языка и нации, когда встает перед ней революционный пролетариат»¹⁵⁹.

Что касается тех вышецитированных слов Кадыр-Али-бека,

¹⁵⁵ А. З. Валиди. Смутное время..., стр. 22:

¹⁵⁶ Там же, стр. 10.

¹⁵⁷ Там же, стр. 24.

¹⁵⁸ Г. Тукай. Әсәрләр (Сочинения), II, 243—244.

¹⁵⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 241. Здесь необходимо заметить, что А. З. Валиди (Тоган), ныне известный в ориенталистике своими некоторыми источниковедческими исследованиями, посвященными конкретному анализу выявленных им ценных материалов, и до своей эмиграции в Турцию выпустил две книги по истории тюрко-татарских ханств и империй:

где он называет Бориса общим царем, то здесь невозможно найти понятия «общей родины». Понятие же общего монарха имеется. Путать эти вещи абсурдно.

В данном конкретном случае Кадыр-Али-бек просто льстил Борису, от которого зависело его благополучие. Этот практицизм автора «Хвалы» был отмечен еще И. Н. Березиным¹⁶⁰. Впрочем, и сам Кадыр-Али-бек довольно ясно намекает на то, что привело его в восторг в действиях Бориса Годунова: «Много стран в мире прошел я, много книг я читал и усвоил. Видел также справедливость и результатов правосудия, но ни разу не видел [подобного тебе] великолепного и щедрого падишаха. Твои благодеяния не иссякнут, в казне твоей сокровища никогда не истощаются, и при раздаче на все четыре стороны они не убавятся. Кто встретится с твоей милостью, тот никогда не опечалится. Хвала Борису окончена» (лл. 4 б, 5 а).

Итак, перед нами гимн, пропетый касимовским историком в адрес царя. И он представляет большой историографический интерес, так как в нем автор смог четко, рельефно и программно выразить тенденции и идеалы касимовских мирз и царевичей.

Замечателен панегирик также тем, что он рисует классовый мир между русским царизмом и татарской феодальной элитой и свидетельствует о социально-политических сдвигах, происшедших внутри определенных кругов татарского общества в XVI—XVII вв.

Тенденциозность документа, следовательно, должна оцениваться в данном случае не как отрицательное, а как весьма положительное качество, позволяющее получить более ясное и обобщенное представление о положении и стремлении той части татарских феодалов, которая из-за близости к царскому двору несомненно играла большую роль в определении политики царизма по отношению к татарскому народу (противопоставление татар самим татарам и т. д.).

«Хвала Борису» ценна и в культурно-историческом плане, она показывает особенности развития татарской изящной словес-

حمد زكى وليدى. تورك و تاتار تاريخى؛ اول اوق. تورك-تاتار تاريخى.

В этих первых работах, носящих обобщающий характер, он в сущности занимался «национализированием», выпрямляя, искривляя готовые концепции некоторых русских и западноевропейских авторов вроде Л. Каена, Г. Ховарса и др. компилятивные вещи которых не имели «серьезного научного значения», зато отличались крайней идеализацией кочевников (В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 109, 111). Названные книги Валиди, отличаясь стилистической особенностью, стройной и целенаправленной композицией, по своим сугубо научным качествам почти не отличаются от критикуемой брошюры, т. к. он в них оказался связанным путями буржуазно-националистической ограниченности, узости и косности, выразившихся в безмерной идеализации ханских времен. Именно такие идейные предпосылки привели Валиди и его последователей (А. Баттал и др.) в лагерь воинственной контрреволюции.

¹⁶⁰ И. Березин. Татарский летописец..., стр. 548.

ности в XVI—XVII вв. Традиционные корни этого панегирика уходят в глубь веков. Отдельные поэтические фигуры его можно найти в орхоно-енисейских рунических надгробиях. Сильное влияние на Кадыр-Али-бека оказала и «Кысасу-л-анбия» (История пророков) Рабгузи, из посвящения которой в «хвалу» перекочевала без изменения поэтически очень экспрессивная фраза: «да вкушает мир, да здравствует сотни лет» (*эл ашасун, йуз йашасун*)¹⁶¹. В ней сильны и следы золотоордынской письменной поэзии, в чем можно убедиться, сравнивая ее с одами-посвящениями Хорезми и других¹⁶². Но еще больше чувствуется в панегирике Кадыр-Али-бека фольклорное начало. Даже представляется, что перед нами не профессиональный писатель, отшлифовавший свое перо, а скорее всего мастер устного словесного искусства у тюрков — красноречивый чичен. Конечно, не в последнюю очередь надо учитывать влияние на творчество Кадыр-Али-бека и традиций касимовско-татарской дворцовой поэзии: автор умело избегает мусульманских религиозных поэтических мотивов и фигур, ибо касимовцы, находившиеся долгое время под христианским владычеством, научились не выпячивать свое мусульманство там, где такой поступок мог дать отрицательные результаты.

Повести о ханах Золотой Орды и государств, возникших при ее распаде

Самостоятельная часть «Сборника» Кадыр-Али начинается с «ДАСТАН-И УРУС-ХАН» (В, лл. 60 а—61 а; в списке А, на лл. 142 а—142 б повесть представлена отрывочно).

Сообщается о разделе государства Чингиз-ханом между четырьмя сыновьями, когда каждому из них досталось по 4000 человек. Джучи со своим войском жил в Поволжье; владения его перешли второму сыну Бату (Саин-хану), который завоевал и покорил много стран. Улус Бату остался Токте (Токтай), который воевал с Нукаем; а последний, сломленный, бежал в страну башкир, но в пути его пленил Урус.

Токта после себя не оставил наследника. В то время «башкир (بأچقرا) Гук-Буга был великим военачальником;

этим улусом правил он». Кыйат Истай и чичут (چيچوت ?)

Алатай из иранских земель привезли Узбека, сына Тогрылча и

¹⁶¹ ربغوزی. قصص الانبياء، ۵ - بیت.

¹⁶² Хорезми. Мухаббат-наме. —

посадили его на престол, а Тук-Бугу убили. Узбек царствовал долго. За ним царствовал Джанибек. Оба они ханствовали, как говорится, 50 лет.

После того, как умер Джанибек-хан «все разошлись в разные стороны. Фетка Науакрат, пришедши, разрушил владения Джанибек-хана. И во [время] этого же раздора Урус-хан с войском пошел на Алатау. В то время, после Джанибек-хана, всем улусом

правил Чиракталу или Чуркутлу (چرقتلو), сын

кыйята Истая. Урус-хан убил Чиракталу. Все возвеличивали Урус-хана, его посадили на царство. Затем Урус-хан обосновался в пределах Алатау». (В, л. 60 а, 60 б). Представлены краткие географо-топографические сведения, о районе алатауских гор, с перечислением городов: Талаш, Отрар, Сайрам, Алма-

лык, Текалик (تكاليك), Каратал и др. Отмечается

прекрасное телосложение, богатырство жителей этих сторон.

Урус-хан умер на севере в местности Киштим (كشتم).

После него воцарил его сын Койричак (Койручук

قەيروچوق),

воевавший в стороне Кашгара. Затем улусом владел его сын

Барак — براق¹⁶³, отличившийся отвагой, богатырством

и победами. Он погиб на Джаике (Яик) во время войны с Қазы-Наврузом. Сына Барака звали «малым» (кичи) Джанибеком, и он правил улусом своего отца. У него было много сыновей, но известные из них следующие: Қасым-хан и Қанбар-султан, единоутробные, Усак-хан и Йадик-хан, также единоутробные, затем единоутробные Баууш, Буйдаш; а Куджаш-хан был один у матери.

Таково содержание «дастана». Оно, как видим, очень отрывочно и непоследовательно. Выпадают из поля зрения автора целые эпохи и ханы — например, после Бату совсем ничего не говорится о Берке (1257—1266), Менгу-Темире (1266—1280), Тудамену (1280—1287) и Тулабуги (1287—1290)¹⁶⁴.

Но тем не менее здесь имеются некоторые детали, которые

¹⁶³ Чтение этого имени как Борак не соответствует казахскому произношению; между прочим, это имя было очень распространено у казахов.

¹⁶⁴ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда..., стр. 70—84.

представляют несомненный интерес как для изучения истории распада Золотой Орды, так и для освещения отдельных моментов предыстории Казахского ханства. Речь идет о передвижениях Урус-хана, о жизни которого очень мало сведений, а имеющиеся известия противоречивы¹⁶⁵. На наш взгляд, дали бы интересные результаты подробные сравнения-сопоставления сведений «Сборника» Кадыр-Али-бека с данными «Анонима Искандера» и «Книги побед» Шараф ад-дина Йезди¹⁶⁶, хотя в нашем источнике о жизни и деятельности Урус-хана есть некоторые анохронизмы. Например, он, как активный деятель, выступает еще при жизни Токтая и Ногая, то есть в самом конце XIII века¹⁶⁷. Как показывают другие источники, период активной деятельности Урус-хана падает на 50—70 годы XIV столетия, и умер он, согласно М. Г. Сафаргалиеву, в 1378 году¹⁶⁸. Далее «Аноним Искандера» и Йезди наследником Урус-хана называют Токтая¹⁶⁹, а «Сборник» — Койричака, который, согласно ирано-язычным источникам, был вассалом Тимура даже в 90-е годы¹⁷⁰. Барак действительно был сыном Койричака, но среди сыновей Барака в анонимной «Муиззе» имя Джанибека-младшего отсутствует, вместе него назван Абу-Саид, которого, согласно Абу-л-Газы, прозвали Джанибек-ханом¹⁷¹.

Весьма интересно сообщение Кадыр-Али-бека о разрушении улуса Джанибека, то есть Золотой Орды кем-то под именем Фетка Науакрат. О родоплеменном или социально-политическом происхождении его ничего не сообщается. Если собственное имя представлено правильно, то оно больше тяготеет

к русской ономастике. Например, из Фетки (فتكه) можно было бы получить Федьку-Федора, а из Науакрата, или Науакрата (نواقرات), с некоторой натяжкой слово Новгород. Предположение это в определенной степени подтверждается данными татарской орфографии XVII века. Так, в татарских текстах царских грамот Новгород пишется как

نغرا ط ، نواقرات

¹⁶⁵ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда..., стр. 310—312; М. Г. Сафаргалиев. Распад..., стр. 129—130.

¹⁶⁶ В. Г. Тизенгаузен. Сборник..., II, стр. 131—137, 148—151.

¹⁶⁷ Ногай умер в 1300 году. (Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда..., стр. 266).

¹⁶⁸ М. Г. Сафаргалиев. Распад..., стр. 129.

¹⁶⁹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник..., II, стр. 131, 149.

¹⁷⁰ Там же, стр. 178; Б. А. Ахметов. Государство..., стр. 38—39.

¹⁷¹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник..., II, стр. 63. Абу-л-Газы. Родословное..., стр. 157.

что в принципе не очень отличается от вышеуказанного¹⁷². Разница в одном алифе и в двух начертаниях одного и того же звука «т» (ط، ت) . Но последняя разница почти не

имеет принципиального значения, так как в тюркоязычных памятниках дипломатической переписки имеется и «мягкое» на-

писание последнего «т» — **نوقرات**¹⁷³. Отсюда

можно было бы сделать вывод, что речь идет о каком-то Федоре с прозвищем «Новгород». Такая реконструкция, однако, не дает еще определенных результатов, так как среди государственных деятелей русских земель 50—70-х годов XIV века (Джанибек золотоордынский умер в 1357 году)¹⁷⁴ не встречаем кого-либо с подобными именами.

Но, говоря о «разрушении» улуса Джанибека, при котором действительно появились первые признаки упадка Золотой Орды¹⁷⁵, автор мог сообщить о каком-либо интересном факте. Если он не допускает грубого анахронизма, то можно было бы связать это сообщение со сведениями русских летописей. Например, согласно Никоновской летописи, в 1366 году новгородские ушкуйники спустились вниз по Волге, разорили Булгары и другие города, чем вызвали гнев великого князя Дмитрия Ивановича¹⁷⁶. А в 1375 году «новгороцкиа разбойници в семидесят ушкух, а воевода бе у них Прокофей, а другой Смолянин», с дружиной в количестве более двух тысяч человек, жестоко разоряя и грабя Булгары и другие города по пути, дошли до самого Сарая. В Астрахани, где они торговали рабами, их постигла неудача: хитрый астраханский князь Салчи (Салчей), напоив их, всех перебил до единого¹⁷⁷. Не об этих ли разбойничьих акциях ведет речь Кадыр-Али-бек? Не говорит ли слово Нуакрат, Науакрат о новгородском происхождении пришельцев?¹⁷⁸ Возможно, что составитель «Сборника» использовал какую-либо золотоордынско-татарскую запись, где пострадавший от ушкуйников какой-то неизвестный автор писал об этих событиях, как о разрушении целой империи. Время действия ушкуйников вполне

¹⁷² Русско-индийские отношения..., док. № 114, стр. 20; № 254, стр. 363.

¹⁷³ Там же, док. № 255, стр. 365, 367.

¹⁷⁴ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда..., стр. 269—270.

¹⁷⁵ Там же, стр. 263.

¹⁷⁶ ПСРЛ, XI, стр. 6.

¹⁷⁷ Там же, стр. 23—24.

¹⁷⁸ Связывать это прозвище, через арабское «нукрат» (серебро) с фамилией «Серебряный» (русские князья) мало оснований, так как начертание

арабского «серебра» — **نقرة** — сильно отличается от нашего **نواقرات**

совпадает с годами активной деятельности Урус-хана... Пока этот вопрос остается открытым.

Таким образом, «Дастан» Урус-хана, несмотря на краткость и отрывочность известий, содержит в себе интересные детали. Следует указать, что к этому дастану автор относился более серьезно, чем к последующим. Причина такого дифференцированного подхода Кадыр-Али-бека к отдельным сюжетам выяснится ниже, при разборе самого последнего дастана.

«ДАСТАН-И ТОКТАМЫШ-ХАН» (список В, лл. 61 а—61 б; в А, л. 145 а—146 представлен фрагментарно: конец, начало и заголовок отсутствуют и стоит после повести Абу-л-Хайр-хана).

Содержание дастана таково. Токтамыш, сын Туй-Ходжи-улана, правил в Поволжье. Идигэ (Едигей), сын Кутлу-Кыйя, был его вассалом (чура). Однажды они не поладили, и хан хотел убить Идигэ. Но последний убежал к Тимуру (Тимир-бек) и привел его с войском на Токтамыша. Хан бежал на север, где скитался долго. Токтамыш не дремал, он неоднократно отправлял разведку (караул), во главе которой стояли Иатим-бахадур, аргын Кара-Ходжа. Все же Токтамыша настигает и убивает сын Идигэ Нурадин. Известные и знаменитые дети Токтамыша: сыновья — Джалал ад-дин-султан, Кучук-султан, Джаффар-Берди-султан, Калим-Берди-султан и Кадыр-Берди-хан; дочь — Джаникэ, которая будучи замужем за Идигэ, спасла своего трехлетнего брата Кадыр-Берди, тайно отправив его в Крым. И последний, когда ему было одиннадцать лет, с войском пришел на Идигэ, ранил его. Некто с именем Хасан сын Ичкили выдал бежавшего Идигэ его противнику. От ран скончался и Кадыр-Берди.

Как видим, генеалогия Токтамыша и его детей представлено в сильно сокращенном виде. Если по анонимной «Муиззе» детей у Токтамыша была 13 человек, то в «Сборнике» джалаирдца их всего 6, но с оговоркой: «известные и знаменитые»; Карим-Берди изменен на Калим-Берди¹⁷⁹. «Сборник» почему-то ничего не говорит о Джалал ад-дине, долгие все продержавшемся на политической арене, и о котором много сведений у арабского историка Ибн Арабшаха¹⁸⁰. Джалал ад-дин в русских летописях известен под именем Зелени-солтан¹⁸¹.

Дочь Токтамыша Джаникэ также фигурирует в вышеуказанной «Муиззе», но о ее роли в спасении брата нет сведений¹⁸². М. Г. Сафаргалиев склонен принять это сообщение «Сборника» за действительность¹⁸³. Что касается сведений нашего автора

¹⁷⁹ Ср. с данными «Муиззы»: В. Г. Тизенгаузен. Сборник..., II, стр. 62, X.

¹⁸⁰ Его же, Сборник..., I, стр. 472—473.

¹⁸¹ ПСРЛ, XI, стр. 215, 218, 219; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда..., стр. 398—401.

¹⁸² Возможно, это результат фольклорных наслоений.

¹⁸³ М. Г. Сафаргалиев. Распад..., стр. 193—194.

о борьбе Кадыр-Берди с Идигэ, то они, кажется, вполне достоверны. Например, они почти до деталей совпадают с данными арабского историка ал-Айни¹⁸⁴. Может быть, сообщая об изменившем Идигэ военачальнике Хасане, сыне Ичкили, автор «Сборника» вносит определенную лепту для выяснения подробностей о последних днях знаменитого временщика Золотой Орды¹⁸⁵.

Сведения о Токтамыше заслуживают внимания в том отношении, что местом смерти его называется север, это скорее всего Тюмень, а среди его посланников действительно был сановник с именем Кара-Ходжа¹⁸⁶.

Надо полагать, что в распоряжении Кадыр-Али-бека были более подробные сведения о тех бурных столкновениях хана и мирзы, которые стоили не только их жизнью, но и судьб целых народов, всей страны. Автор пользовался и данными эпоса, может быть, более раннего, следовательно, более первичного варианта. В дастане приводится поэтическая цитата, названная на восточный лад «тюркскими строками»:

Идил тунса ким кечмэс,
Идигэ үлсэ ким бармас;
Идил тунмасдин бурун,
Идигэ үлмэсдин бурун¹⁸⁷.

Кто не перейдет Волгу, если она замерзнет,
Кто не пойдет [войной], если умрет Идигэ;
[Перейдем же] Волгу, пока она не замерзла,
[Пойдем же в поход], пока Идигэ не умер.

Это четверостишие в несколько ином варианте представлено в весьма обширной татарской редакции эпоса об Идигэ, рукопись которой под названием «вариант Рахматуллина» хранится в архиве КИЯЛИ¹⁸⁸. Первая же половина его в качестве татарской пословицы приведена в труде Ш. Марджани: «Идил тунса ким кечмэс, Идигэ үлсэ ким кетмэс»¹⁸⁹. В доступных нам казахском, крымском и сибирско-татарском вариантах¹⁹⁰ не удалось обнаружить эти строки. Следовательно, можно допустить, что

¹⁸⁴ В. Г. Тизенгаузен. Сборник..., I, стр. 532—533.

¹⁸⁵ О Хасане и Ичкили у Абу-л-Газы-хана имеются следующие сведения: Чингиз, его сын Джучи, его сын Тукай-Тимур, его сын Уз-Тимур, его сын Сарича, его сын Кюнджек, со (второй) сын Тулюк-Тимур, его сын Хине «его сын Хасан-углан, которого зовут также Ичкили Хасан». И, судя по генеалогии, Хасан был троюродным братом Токтамыша (см. Абу-л-Газы. Родословное..., стр. 156—157), так как дед последнего был родным братом Тулюк-Тимура

¹⁸⁶ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда..., стр. 383.

¹⁸⁷ Список В, л. 61 б.

¹⁸⁸ Архив КИЯЛИ, ф. 52, оп. 1, ед. хр. 167, лл. 43 а, 43 б.

¹⁸⁹ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 119.

¹⁹⁰ П. М. Мелиоранский. Сказание..., И. Березин. Турецкая хрестоматия, II, стр. 60—76; В. В. Радлов. Образцы..., IV, стр. 27—45, 127—136, 195—204; VII, стр. 99—122, 146—149, 154—165, 198—201 и др.

Кадыр-Али-бек пользовался ранним вариантом эпоса, который еще в конце XVI века имел распространение среди казанско-касимовских феодалов. Это подтверждается и тем, что в вышеназванном рахматуллиновском варианте, если отбросить фольклорно-поэтические наслоения, описание гибели Идигэ почти аналогично версии Кадыр-Али-бека: его ранение, засада в камышах, измена «одного бека» и т. д.¹⁹¹

Однако свести все знания Кадыр-Али-бека лишь к материалам эпоса было бы ошибочно. В его распоряжении были и другие источники, о которых, к сожалению, мы еще не располагаем достаточными данными.

«ДАСТАН-И ТИМУР-КУТЛУ-ХАН, СЫН ТИМИРИК-УЛАН» (В, лл. 61 б — 62 а; А, лл. 146 а — 147 а — повесть в обоих списках представлена полностью). Тимир-Кутлу правил в Астрахани, он был ханом, а Идигэ — «его беком». Сыном Тимир-Кутлу был Тимир-хан, его сын — Булат-хан, его сын — Кичик-Мухаммед-хан, его сын — Ахмад-хан. Последний от трех жен имел девять сыновей. От Бикэй-бикем, сестры Хусаина-мирзы¹⁹², родились: Муртаза-хан, Идигэ-султан, Хусаин-хан и Давлет-султан; от Бу-бикем родились: Шайх-Ахмад-хан, Коджан-султан, Джанай-султан и от Уйшун-бикем — Сайид-Махмуд-хан, Сайид-Ахмад-хан, Бахадур-султан¹⁹³. Повесть заканчивается следующим сообщением: «Сын Улу-Мухаммеда Махмутек-хан пришел в область Казани. Его сын — Ибрагим-хан, его сын Мухаммед-Амин-хан, Абдул-Латиф-хан, Гаухар-Шад-ханым¹⁹⁴. А сыновья Кичик-Мухаммеда следующие: Махмуд-хан, Ахмад-хан, Якуб-султан, Бахтибар-султан».

Эти данные о сыновьях Тимур-Кутлука частично совпадают со сведениями «Муиззы»¹⁹⁵, но в последней они немного полнее, чем в «Сборнике». Богатый материал по генеалогии астраханских ханов представлен у Ш. Марджани¹⁹⁶, по которому можно дополнить, уточнить известия этих источников.

О казанских ханах джалаирец сообщает очень мало; видимо, он руководствовался при этом политическими соображениями, в противном случае мог бы добыть более подробные известия. Заслуживает внимания то, что в качестве основателя династии казанских ханов у Кадыр-Али-бека назван не сам Улу-Мухаммед, а его сын Махмутек. По этому вопросу имеются разные толкования и существует значительная литература¹⁹⁷.

¹⁹¹ Архив КИЯЛИ, ф. 52, оп. 1, ед. хр. 67, лл. 44—48.

¹⁹² Ш. Марджани уточняет: «сестра Хоросанского правителя Хусанна-мирзы бин Байкара» (Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 136).

¹⁹³ Следовательно, не девять, а десять наследников.

¹⁹⁴ В списке В описка — Гаухар-Шам.

¹⁹⁵ В. Г. Тизенгаузен. Сборник..., II, стр. 63, XV.

¹⁹⁶ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 135—137.

¹⁹⁷ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование..., I, стр. 5 и сл.; Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 126—127; М. Г. Худяков. Очерки..., стр. 15—25; История ТАССР, I, стр. 125; А. П. Смирнов. Роль Булгарского государства..., стр. 66—67, История ТАССР, одностомник, стр. 69.

«ДАСТАН-И ХАДЖИ-ГИРЕЙ-ХАН» (текст полностью представлен в обоих списках: В, лл. 62а—62 б; А, лл. 147 а—147 б). Надо сразу отметить, что это самый запутанный дастан в «Сборнике» Кадыр-Али-бека. Сначала представлена довольно длинная генеалогия предков Хаджи-Гирея (его отец — Дилюк-Кыйас-улан, его отец Давлат-Ходжа-улан, его отец Таш-Тимир-улан, его отец Тимир-Ходжа-улан, его отец Кара-Куйас-Кубаджак-улан). Потом сообщается о скитаниях Хаджи-Гирея и приглашении его на ханство. Причем интерес представляет состав делегации с названиями родов и местожительств. Примечательной здесь является дата избрания Хаджи-Гирея — месяц джумади ал-ахир 954 г. по хиджре (А — 956 г!), что соответствует июлю—августу 1547 (или июню—июлю 1549) года. Эта дата — одна из редких дат и то ошибочная, ибо хан с именем Хаджи-Гирей, как уже установлено, сел на престол в Крыму в 30—40 годы XV века¹⁹⁸.

Шаджара (родословная) Хаджи-Гирея также перепутана. Если Кыйас-улана отождествлять с Гыйас ад-дином, который был отцом Хаджи-Гирея, то дедом его был не Давлат-Ходжа, а Таш-Тимир (по «Муиззе» Гыйас ад-дин и Давлат-Ходжа, вернее Давлат-Берди, были братьями). Согласно Абу-л-Газы, отцом Таш-Тимира был Мухаммед, а дедом — вышеназванный Ичкили-Хасан. В «Муиззе» Хасан — брат Таш-Тимира¹⁹⁹. Таким образом, источники не сходятся. Более близкая к истине генеалогия представлена, видимо, у Ш. Марджани, который использовал сведения крымских историков: Хаджи-Гирей, его отец Гыйас ад-дин, его отец Таш-Тимир, его отец Мухаммед-хан, его отец Хасан, его отец Хине, его отец Туляк-Тимир и т. д.²⁰⁰.

Однако самым путанным местом в этом дастане является ряд топонимов, которые встречаются на территории бывшего Казанского ханства. Впервые на это обратил внимание А. Рахим. В своем интересном исследовании, оставшемся неопубликованным, он провел довольно подробные наблюдения. Например, он в Татариин нашел три селения с названием «Сарда», два — «Упмас», два — «Дурт-Уйли» и несколько названий селений, встречающиеся по одному разу и представленных в этом дастане²⁰¹. Отмечая эту особенность памятника, А. Рахим отнесся к вопросу серьезно и оставил его открытым²⁰². Но Х. Хисматуллин, при публикации текста этого дастана, заявил категорично, что описанное в повести событие, «конечно, происходило в Казани»²⁰³.

¹⁹⁸ В. Д. Смирнов. Крымское ханство..., стр. 205 и сл., М. Г. Сафаргалеев. Распад..., стр: 238—241.

¹⁹⁹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник..., II, стр. 61, IV; Абу-л-Газы. Родословное..., стр. 157.

²⁰⁰ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 150.

²⁰¹ Архив КИЯЛИ, ф. 18, ед. хр. 6, лл. 70—71.

²⁰² Там же, л. 72.

²⁰³ Древняя татарская литература, стр. 477.

Правомерность такого утверждения сомнительна. Во-первых, генеалогические данные не дают возможность объявлять Хаджи-Гирея казанским ханом. Во-вторых, наличие некоторых топонимических совпадений еще не дает достаточных сведений делать категоричные выводы. В-третьих, Х. Хисматуллин представляет весьма сомнительные чтения отдельных слов; им не учитываются разночтения топонимов и других терминов в трех списках²⁰⁴. В-четвертых, вряд ли следует фетишизировать сведения одного нарративного источника, автор которого вполне мог ошибиться.

Таким образом, ненадежность сведений этого дастана очевидна. Этот факт, однако, интересен в другом плане: раз ханский историограф Кадыр-Али-бек не располагал более или менее достоверными сведениями о крымской династии джучидов, то, выходит, связи касимовских татар с Крымом в XVI и XVII вв. были довольно слабы.

«ДАСТАН-И ИДИГЭ-БЕК» (В, лл. 62 б—64 а; в списке А представлена лишь часть из середины, лл. 149 а, 149 б, 143 а). Родоначальником Идигэ (Едигея) был будто бы Абу-Бакир-праведный — один из первых четырех халифов, сподвижников пророка Мухаммеда. Дети его из поколения в поколение царствовали якобы в разных городах разных стран — в Мекке, Шаме, Сарсаре, Анатолии, Медине, Константинополе, Каабе (!) и т. д. И лишь пятнадцатый потомок Абу-Бакира, именно Терме, сын Баба-Тугласа оказался на Волге-Яике. Сыном Терме был Карачи, его сын — Ислам-Кыйа, его сын — Кадыр-Кыйа, его сын — Куглу-Кыйа, его сын — Идигэ-бек («да пошлет на него Аллах милосердие!»). Оказывается, что отпрыски этого «святого» рода на Волгу попали не случайно: «когда Узбек-хан стал мусульманином, он, послав в Каабу — высокочтимую Узак-чуру, привез оттуда троих мужей, в том числе Баба-Тугласа и под их благословением принял ислам». Первая часть шаджара Идигэ-бека кончается этим сообщением. Следует отметить, что ей автор уделяет особое внимание, излагая ее не только так подробно (больше половины всего текста), но и украшая ее изречениями из религиозных писаний.

Далее автор кратко повторяет некоторые сведения из «Дастан-и Токтамыш-хан» о роли Идигэ в Золотой Орде, сообщая попутно лишь одну деталь, что Идигэ погиб во время войны с Кадыр-Берди, тяжело раненый им, в возрасте 63 лет и принял мученическую смерть от рук Барына, переходит к изложению жизни и деятельности его потомков. Перечисляет следую-

²⁰⁴ Один пример: социальный термин «улан» (оглан — принц) Х. Хисматуллиным читается и объясняется как огузская форма глагола «булган» — «улан», то есть «бывший». В результате из генеалогической цепи «Хаджи-Гирей сын Дилюк-Кыйаса-улана и т. д.» получилось что-то вроде: «...сын Дилюк-Кыйаса-бывшего, сын Давлат-Ходжи-бывшего... и т. п. (Там же, прим. № 1).

ших сыновей, называя их матерей: Нур ад-дин-мирза (Нура-дын), мирза Касыйм, Сайид-Али-мирза, Кикват (سكوات) ²⁰⁵,

Мансур-бек Казый, Навруз. После Идигэ его место занял Мансур; его убил Барак-хан. А Нур ад-дин умер при жизни отца от болезни в животе. После Мансура беком стал Казый. Затем улусом правили сыновья Нур ад-дина: Афас и Укас

(اوقاص، افاص) Первый из них умер 80 лет от роду, второй — в 49 лет. После Укаса беком стал его сын Муса, затем — его брат Йамгурчи, потом сын последнего Агиш-бек, после него — его сын Хасан-бек. После Хасана же во главе улуса встал сын Мансура Шайдакбек (شيداق); потом улусом правил Шайх-Мамай-мирза, «но сам беком не стал». Затем беком был Йусуф, сын Мусы, за Йусуфом — его брат Исмаил. «И до нынешних дней бекство осталось у потомков Исмаила».

Таково содержание этого интересного по своей историографической направленности дастана. Нетрудно заметить, что в его основе лежит попытка доказать «святое» происхождение рода Идигэ и его потомков, долгие годы претендовавших на место вершителей судеб в Золотой Орде и ее части — Ногайском улусе. И такая освященная «святым» именем генеалогия, видимо, была создана еще при жизни самого Идигэ, происхождение которого для науки остается довольно темным ²⁰⁶. Надо отметить, что и «Сборник» Кадыр-Али-бека не вносит ясность в этот вопрос, что вполне объяснимо, так как здесь наш автор добросовестно излагает фальсифицированные в ставке ногайских беков версии о их «святом» роде. Создатели такой генеалогии преследовали одну цель: доказать законность претензий Идигэ и его потомков на место верховного правителя Золотой Орды и ее улусов. Надо признать, что они пошли наиболее верными путями: «доказать» происхождение рода от святого халифа было намного легче и безопаснее, чем претендовать на кровное родство Идигэ с домом чингизидов. (В Монгольской империи и ее улусах, как известно, на должность главы государства право имели лишь отпрыски чингизидов. Даже всемогущий Тамерлан в Чагатаевском улусе не посмел объявить себя ханом, а удовлетворился лишь званием «корган»а — зятя ханского дома.)

Идигэ и его последователи, видимо, решили действовать несколько иначе, нажимая на религиозно-идеологический аспект.

²⁰⁵ У Ибн Арабшаха — Кубал. Тизенгаузен (Сборник..., 1, стр. 427) исправляет его на «Куйак».

²⁰⁶ Этому вопросу посвящена специальная статья: В. В. Бартольд. Отец Едигея.

Это было сделано с учетом условий: в сильно мусульманизированной к тем временам Золотой Орде арабско-халифское происхождение было также вполне авторитетным. Немаловажный интерес представляет сообщение, где говорится, что предки Идигэ в Поволжье попали при Узбеке, который сильно способствовал распространению ислама в Золотой Орде²⁰⁷. По этому случаю интересная ногайская пословица приведена у Ш. Марджани: «Религия досталась от Узбека» (дин Узбэктэн калды)²⁰⁸. Следовательно, историографы дома Идигэ одной палкой пытались убить двух зайцев: «доказали» правомерность приезда потомков Абу-Бакира в Поволжье, с одной стороны, и «обосновывали» августейшее происхождение Идигэ, с другой.

Думается, что авторы такой версии идигеевской генеалогии строили свои сооружения не на совершенно голом месте. Вполне возможно, что при царствовании Узбека, когда дипломатические и культурные связи Золотой Орды с Арабским востоком усилились²⁰⁹, в Дешт-и Кыпчак приехали арабы-миссионеры, которые, претендуя на святое происхождение, в свою очередь, стали выдавать себя за потомков «праведных халифов»; может быть, кто-либо из них был в родстве с предками Идигэ.

Историографический интерес представляет личность Баба-Тугласа. Некоторые исследователи на основе казахской версии эпоса склонны были отождествлять его с известным среднеазиатским мистиком Ахмадом Яссави²¹⁰. В караногайской версии дастана об Идигэ, по свидетельству М. Сафаргалиева, его генеалогия начинается прямо с самого Ахмада Яссави²¹¹. Однако в вышеназванной рахматуллиновской редакции эпоса генеалогия представлена в принципе так же, как в «Сборнике» Кадыр-Алибека, правда, в сильно сокращенном и несколько поэтизированном виде²¹². Эта деталь еще раз подкрепляет наше предположение, что Кадыр-Алибек пользовался сведениями идигеевского эпоса в татарской редакции, в которой провиденциализм выразился сильно. Авторитет Ахмада Яссави был более силен среди казахов и ногайцев, чем у татар, расположенных на самой северо-западной окраине тюрко-мусульманского мира.

Привлекают внимание возрастные данные об Идигэ. Согласно Кадыр-Алибеку во время гибели ему было 63 года, что, как сообщает ал-Айни, произошло в 1419 году²¹³. Следовательно, по нашему источнику, Идигэ родился в 1356 году. Маргулан же называет 1340 год²¹⁴. Какая из этих дат правильна, покажут следующие уточнения.

²⁰⁷ В. Г. Тизенгаузен. Сборник..., I, стр. 306, 406.

²⁰⁸ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 104.

²⁰⁹ С. Закиров. Дипломатические отношения...

²¹⁰ П. М. Мелиоранский. Сказание..., стр. 9—10.

²¹¹ М. Г. Сафаргалиев. Распад..., стр. 228—229.

²¹² Архив КИЯЛИ, ф. 52, оп. 1, ед. хр., 67, л. 4.

²¹³ В. Г. Тизенгаузен. Сборник..., I, стр. 523—533.

²¹⁴ А. Х. Маргулан. [Комментарии...], стр. 632.

При описании гибели Идигэ в этом дастане наш автор сообщает еще одну деталь — он принял мученическую смерть из рук Барына Сарая. Согласно крымской версии эпоса Идигэ, записанной В. В. Радловым, в убийстве раненого Идигэ участвуют известные татарские мирзы Барын и Ширин²¹⁵. Отсюда можно допустить, что слово «сарай» в «Сборнике» является опiskой от

«Ширин», (сравни: *سرائى — شيرين*). Следует особо

отметить, что и версия Кадыр-Али-бека и трактовка татарских вариантов эпоса о гибели Идигэ (если удалить фольклорные наслоения) вполне тождественны с документальными данными об этом факте, зафиксированным в аутентичных событиям письменных источниках, например, в сочинении ал-Айни, жившего в 1361—1451 годах.

Такие особенности эпоса об Идигэ ясно говорят о его источниковедческих достоинствах, что было отмечено и в советской научной литературе²¹⁶. Естественно, из этого не следует делать вывод о том, что будто бы в лице эпоса «Идигэ» мы имеем дело с летописью в полном смысле этого слова. Речь идет лишь о том, что в наиболее ранних татарских вариантах эпоса, которыми располагал Кадыр-Али-бек, отражение отдельных фактов исторической действительности было сравнительно больше, чем в поздних версиях²¹⁷.

«ДАСТАН-И ХАДЖИ-МУХАММЕД-ХАН» (В, лл. 64 а, 65 б; в А представлено лишь начало, лл. 143 а — 144 а). Отцом Хаджи-Мухаммеда назван Биккунду-улай. Во время войны Идигэ с Кадыр-Берди он перешел на сторону первого, за что Идигэ ему обещал ханство. Союз был заключен на реке Илек, притоке Джайка. Отмечается богатырское телосложение и удалство Хаджи-Мухаммеда. Вскользь сообщается, что Кадыр-Берди добил Нукас-Алтан-бахадур. После гибели Идигэ его сын Мансур представляет Хаджи-Мухаммеду престол и сам становится его беком. Ссылаясь на предания, распространенные среди узбеков (узбекийа), автор сообщает, что их обоих убил Баракхан. Потомки Хаджи-Мухаммеда — Мухаммедтек-хан, его сын Кулук-хан, его сын Ибак-хан, его сын Муртаза-хан, его сыновья — Джан-Гирей-султан, Акмат-Гирей-султан и Кучум-хан.

По мнению М. Г. Сафаргалиева, сведения Кадыр-Али-бека о сибирских ханах отличаются большей достоверностью, чем их

²¹⁵ В. В. Радлов. Образцы..., VII, стр. 121—122.

²¹⁶ [Ш. Ф. Мухаммедьяров]. «Едигей». — СИЭ, 5, стр. 474; М. Г. Сафаргалиев. Распад..., стр. 12.

²¹⁷ В эпосе представлен поэтизированный фольклорный образ «благородного» Идигэ, отличающегося от конкретно-исторической личности золотоордынского государственного деятеля. Поэтому допущенные отдельными учеными ошибки, выразившиеся в перенесении характеристики личности Идигэ из эпоса в историю, были осуждены ЦК ВКП(б) в известном постановлении от 9 августа 1944 года.

генеалогия в русских летописях²¹⁸. Однако в этой версии шаджара имеются пробелы. Например, в «Муиззе» отцом Хаджи-Мухаммеда называется Али-улан, его отцом — Бикконду-улан, его отцом — Мин-Тимир, его отцом — Бадакул, его отцом — Джучи²¹⁹. Ш. Марджани, располагавший более обширными сведениями, после Хаджи-Мухаммеда перечисляет следующих правителей Сибири: Махмутек, его сын Ибрагим (известный под именем Бабак), его сын Тулук-Ходжа-хан, его сын Шамай-хан, его сын Ураз-хан, его сын Бахадур-хан; потом — сын дяди Ибрагима Муртаза-хан, затем Кучум-хан²²⁰.

Дастан, как видим, отрывочен. Но думается, что автор знал о сибирских ханах больше, чем написал. Об этом свидетельствует уверенность тона повествования и наличие некоторых подробных деталей, когда он сообщает о союзе между Идигэ и Хаджи-Мухаммедом. Но политические соображения, видимо, заставили автора быть лаконичным; ведь речь шла о вчерашних врагах Московского государства. К тому же возможно, что излишние подробности задела бы личность самого автора.

«ДАСТАН-И БУЛГАИР-ХАН» (В, лл. 64 б, 65 а, в списке А — лишь фрагмент, лл. 144 а, 144 б). В этом весьма кратком дастане об Абу-л-Хайр-хане сначала говорится о большой дружбе его с сыном Нур ад-дина — Укас-беком; один был ханом, другой — его беком. Затем перечисляются имена потомков Абу-л-Хайра. Есть отдельные неточности: например, отцом Абу-л-Хайр-хана назван Тулушик-улан. Это, безусловно, искаженное имя Давлат-Шайх²²¹. Кадыр-Али-бек, видимо, сильно зависел от источника, подобного «Шайбани-наме». Но в отличие от последнего у нашего автора все сведено лишь к голому перечислению собственных имен, поэтому их трудно сравнивать²²².

«ДАСТАН-И ЙАДКАР-ХАН» (В, лл. 65 а, 65 б, в А — лишь фрагмент). Отцом Йадкара назван Иби Араб-улан. Это, видимо, шайбанид Араб-шах, который скорее всего был прадедом Йадкара²²³. Генеалогия у Ш. Марджани представлена в более стройном виде: «Фулад-хан, затем его сын Араб-хан, [затем его сын] Хаджи-Тули-хан, затем его сын Тимир-Шайх-хан, затем его сын Йадкар-хан»²²⁴. Интерес представляют строки, где говорится о родственных связях между потомками Араба и наследниками Хаджи-Мухаммеда, с одной стороны, и погайскими мирза-

²¹⁸ М. Г. Сафаргалиев. Распад..., стр. 222—223.

²¹⁹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник..., II, стр. 54. У Абу-л-Газы (Родословное..., стр. 156) отцом Бадакула назван Джучи-Буга, сын Бахадур, сына Шибана, сына, Джучи-хана.

²²⁰ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 158.

²²¹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник..., II, 55; Б. А. Ахметов. Государство..., стр. 42, прим. 56.

²²² См. текст Шайбани-наме; И. Березин. Библиотека..., I, стр. 93—97 (тюрк. оригинал).

²²³ В. Г. Тизенгаузен. Сборник..., II, стр. 55.

²²⁴ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 159.

ми, с другой. Говорится также о раздорах между потомками Араба и погайцами; Йомгурчи убивает Ахмад-хана. В конце без комментариев перечисляются потомки Йадкара.

Этим дастаном кончается та часть оригинального раздела «Сборника» Кадыр-Али-бека, где речь идет о прошлых событиях, о которых автор писал на основе других письменных источников, распространенных в то время в Касимове и Поволжье. Наличие тех фактов, что часть ономастики сильно тюркизирована (Укас, Акмат, Булгарир, Тулу-Шик и др.)²²⁵ говорит о том, что источники его были на тюркских языках. К ним следует отнести и фольклорные материалы, которыми наш автор, к его чести, владел очень неплохо²²⁶. Но относительная правильность и сравнительная полнота некоторых генеалогий-шаджара не позволяет делать выводов, что Кадыр-Али-бек оперировал исключительно фольклорными материалами.

Заключительная и основная повесть «Сборника летописей»

«ДАСТАН-И УРАЗ-МУХАММЕД-ХАН» по своему объему является самым большим среди оригинальных рассказов «Сборника летописей» (В, лл. 65 б—69 б, в списке А он представлен также почти полностью, лл. 148 а, 150 а—157 б, лишь с небольшими купюрами).

Сразу оговоримся, что наличие нескольких публикаций текста этого дастана²²⁷ плюс исследования В. В. Вельяминова-Зернова, который предоставил переводы отрывков его на русский язык²²⁸, позволяют нам быть предельно кратким. Кроме этого отдельные моменты из этой «повести» были рассмотрены нами в предыдущем параграфе, когда речь шла о происхождении и мировоззрении Кадыр-Али-бека.

В самом начале текста приводится шаджара рода Ураз-Мухаммеда в следующем порядке: Урус-хан — Койричак-хан — Барак-хан — Джанибек-хан (Абу-Саид) — Йадик-хан — Шигай-хан, — Ундан-султан — Ураз-Мухаммед-хан.

Первым на эту генеалогию обратил внимание Ч. Валиханов, который в своем письме к И. Н. Березину, привлекая данные других источников, отмечал, что эта генеалогия «чрезвычайно верна»²²⁹. Следует заметить, что мнение Ч. Валиханова заслу-

²²⁵ Например:

Эхмэд — Акмат, Дәүләт-Шәйх — Тулу-Шик,
'Әбд-л-Хәйр — Булғайр, Ваккас — Укас.

²²⁶ Это, как видели выше, ярко выразилось в дастане об Идигэ.

²²⁷ И. Березин. Библиотека..., II, стр. 162—167 и другие.

²²⁸ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование..., II, стр. 274—278, 263—267, 384, 404—408 и др.

²²⁹ Ч. Валиханов. Письмо..., стр. 122.

живает особого внимания, так как он, будучи отпрыском одной ветви казахских ханов, располагал, видимо, более обширными сведениями. К такому же мнению в дальнейшем пришел и В. В. Вельяминов-Зернов²³⁰. А Ш. Марджани, полностью повторяя эту генеалогию, нашел нужным отметить следующее: ханы, начиная с Джанибека, являются казахскими, и прежние царствовали как в Сарае, так и в Булгаре²³¹. Думается, что в шаджаре автор «Сборника» не мог допустить вольности или явные искажения, так как дело здесь касалось непосредственно его патрона. (Если в будущем обнаружатся какие-либо «неточности», то их следует рассматривать не только как оплошность автора сочинения, но и как результат воли самого Ураз-Мухаммеда.)

Забегая несколько вперед, необходимо отметить следующее. Родословное Ураз-Мухаммеда несет большую социально-политическую нагрузку, им автор хочет показать, что Ураз-Мухаммед, как подлинный чингизид, имеет все права занять престол в Касимове. Неслучайна и композиционная особенность всей оригинальной части «Сборника летописей». Она начинается с дастана об Урус-хане и кончается «повестью» о его потомке Ураз-Мухаммеде. Что касается других дастанов, посвященных ханам побочных линий, то они в «Сборнике» играют роль общего фона, рельефно показывающего место дома урусидов среди других чингизидов. Соотношения объемов данных «повестей» также говорят об этом: лапидарным, прерывистым рассказом о других чингизидах и их беках противопоставляются сравнительно развернутые повествования об Ураз-Мухаммеде и его предках. Следовательно, в вопросах композиционной стройности и целенаправленности произведения Кадыр-Али-бек показал себя довольно расчетливым и политически зорким автором.

После генеалогии-заглавия автор «Сборника» сравнительно подробно говорит о славных предках Ураза, и не только прямых прадедах, но также о представителях побочных линий. Среди последних Кадыр-Али-бек особо выделяет Касым-хана²³², который, согласно сведениям Гаффари, был сыном Сайдак-хана, внуком Джанибека (Абу-Саида) и умер в 1524 году. Ему наследовал Хак-Назар-хан, который в 1564 году, по словам того же автора, еще находился у власти²³³. Согласно Кадыр-Али-беку, могила Касым-хана «до сегодняшнего дня находится в Сарайчике».

Среди особо выдающихся лиц этого времени отмечается военачальник Касым-хана Канбар-султан, потомкам которого ханство не досталось, погибший во время войны с ногайцами. Далее

²³⁰ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование..., II, стр. 111—119.

²³¹ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 149.

²³² О нем и др. ханах, о которых речь будет ниже, см.: История Казахской ССР, I.

²³³ В. Г. Тизенгаузен. Сборник..., II, стр. 212.

перечисляются другие ханы и царевичи из рода Уруса, про которых называются места их смерти или гибели.

Из сыновей Шига́й-хана интерес представляют разноутробные братья: Ундан-султан, от жены по имени Алтын-ханым, и Тевеккель-хан, мать которого звали Яхшим-бикэм. Верность этих сведений подтверждается данными актовых источников. Например, в документах русско-казахской переписки Ураз-Мухаммед называется «племянником» Тевекке́ля, а последний — «дядей» его²³⁴.

Автор подробно говорит о жизни и деятельности Ундан-султана, отмечая благородные качества покойного, погибшего в 30 лет от рук калмыков. От его жены по имени Алтын-ханым родился герой данного дастана — «падишах ислама Ураз-Мухаммед-хан, да сохранит Аллах его царство и владения». Затем идут уже известные нам сведения, где говорится о «невольнической» жизни Ураз-Мухаммеда (лишившегося отца в 13 лет²³⁵) у князя Сейдяка и «приезд» его на службу к падишаху Борису, который представил ему «ханство» в Касимове.

«Невольнический» характер жизни Ураз-Мухаммеда в Сибири вызывает сомнения. В этой связи можно предполагать следующее. Если Ундан-султан (предводитель войска своего отца Шига́й-хана) погиб при малолетстве Ураза, то не проявил ли его дядя Тевеккель по отношению к нему враждебные отношения, например, узурпировав ханскую власть, которая должна была достаться Ураз-Мухаммеду? Не эти ли столкновения племянника с дядей были причиной тому, что молодой султан откочевал со своей семьей и ставкой в Сибирь, а потом оказался в Москве и Касимове? Это вполне возможно, ибо в противном случае Ураз-Мухаммед в Сибири не мог бы представлять из себя достойную внимания силу. Искренность Тевекке́ля, когда он справлялся у московских властей о судьбе своего племянника, вызывает сомнения: несмотря ни на обещания царя Федора, ни на просьбы самого племянника, Тевеккель, как известно, не предпринял каких-либо реальных шагов для освобождения Ураз-Мухаммеда. Отношения между ними, видимо, были напряженными. Это косвенно доказывается и материалами «Сборника», автор которого не нашел ни одного теплого словечка в адрес ханствующего дяди Ураз-Мухаммеда. Кадыр-Али-бек просто игнорировал августейшее существование Тевекке́ля.

Предоставление Борисом Ураз-Мухаммеду «ханства» в городе Кирмане (Касимове) описано у Кадыр-Али-бека довольно живо и красочно. Грамота о пожаловании была вручена султану в Москве; на торжестве присутствовал и сын Бориса Годунова, который сидел рядом со своим отцом. Специально для этого слу-

²³⁴ Казахско-русские отношения..., док. № 1, стр. 4, 8.

²³⁵ Здесь в списке В имеются небольшие пробелы и текстуральные искажения, которые могут быть восстановлены по списку А.

чая из Касимова прибыла делегация в составе двухсот человек из беков, мирз и из простолюдин (кара халык). Затем Ураз-Мухаммед в сопровождении переводчика-боярина (алпагут-тылмач) и приближенных выехали в Касимов. После их прибытия были организованы пиршества. Коронация состоялась десятого дня месяца зульхиджи в пятнице²³⁶. Торжество было организовано в каменной мечети, построенной еще Шайх-Али-ханом²³⁷, присутствовало много народа, в том числе русские. Внутри мечети находились муллы, данишменды, хафизы, беки, мирзы²³⁸. И боярин (алпагут), как акцентирует автор, присутствовал в мечети. «Память старого юрта Буляк-сайид начал хутбу»²³⁹ и четыре человека (карачи-беки) с четырех сторон подняли «его высочество хана на золотой трон». Представлена схема трона с четырьмя беками. Хана осыпали монетами, начались поздравления и пиршества, которые продлились долго. Выпито было бесчисленное количество меда и водки, зарезано было много скота. Как и ожидалось при таких случаях, последовала раздача новоназначенным «ханом» милостей, причем не забыты были сироты и вдовы, нищие и заключенные.

Само собою разумеется, что Ураз-Мухаммед был очень доволен, «днем и ночью молился за падишаха Бориса Федоровича-хана; не пил ни одной чарки вина, не вспомнив его имени и не пожелав от Аллаха ему благополучия». Автор тут же находит нужным специально отметить мусульманскую благочестивость Ураз-Мухаммеда, его милосердие, справедливость. Эта весьма примечательная деталь: мусульманская правоверность и обильное употребление спиртного для Кадыр-Али-бека кажутся вполне совместимыми, что, как было отмечено еще А. Рахимом, ярко иллюстрирует нравы касимовско-татарских феодалов²⁴⁰.

Новый хан не только в вопросах совести совмещал явно взаимоисключающие противоположности, но и в правлении своим уделом старался удовлетворить разные требования: «правой рукой действовал по шариату, а левой рукой, согласно высочайшему указу (ярлыку) государя Бориса Федоровича-хана, бил кнутом воров, разбойников и неблагочестивых. Поэтому под сенью Бориса Федоровича-хана в городе Кирмане установилось благополучие». Пожелав далее счастья и успехов своему патро-

²³⁶ Как было отмечено выше, годы названы неточно, поэтому трудно оперировать и этими календарными данными.

²³⁷ Частично обновленное здание этой мечети сохранилось до наших дней; в нем находится краеведческий музей города Касимова.

²³⁸ Эти и другие термины подробно проанализированы В. В. Вельяминовым-Зерновым (Исследование..., II, стр. 411—445).

²³⁹ «Сайид»ами звали потомков пророка Мухаммеда, которые в разных мусульманских государствах занимали должность религиозной главы. Касимовские сайиды позднее носили фамилию «Шакуловы» (Там же, стр. 442—444).

²⁴⁰ А. Рахим, Г. Газиз. История..., стр. 120.

ну, Кадыр-Али-бек дает сведения о своем сочинении и себе, которые были проанализированы выше.

Исходя из всего изложенного, можно сказать, что последняя, завершающая повесть является наиболее ценной частью «Сборника летописей». Ее источниковедческая база была безусловно богаче, чем у других дастанов. Сведениями для первой половины, где сообщается о предках Ураз-Мухаммеда, автора снабдили, несомненно, сам Ураз, его бабушка и мать, которые были здоровы в 1595 году и жили вместе с пленным султаном²⁴¹. Это же относится к повести об Урус-хане. Что касается второй части последнего дастана, то описанные в нем события происходили непосредственно при участии самого Кадыр-Али-бека — одного из четырех верховных советников нового «хана». Поэтому вторая половина последней повести для истории имеет исключительное значение, она ценна благодаря «многим подробностям, касающимся внутреннего быта касимовцев и отношения их владельца к государю русскому. Об этих предметах знаем мы так мало, что всякое указание знает цену»²⁴².

Вместе с тем эти страницы «Сборника летописей» выходят за пределы узкой истории Касимовского «государства», помогая ретроспективному выяснению некоторых вопросов социально-политического устройства Казанского ханства. Об этом вполне убедительно свидетельствует вышеуказанный опыт В. В. Вельяминова-Зернова, когда он, анализируя отдельные социально-политические термины из «Сборника» Кадыр-Али, проследил общие моменты в политическом устройстве этих двух государств. Здесь нет чего-либо экстравагантного, ибо Касимовское «ханство» было результатом не только политики одного царизма, но и компрадорской деятельности нескольких поколений целой группы высших тюркско-татарских феодалов, которые из-за своей консервативной сущности старались придерживаться родовской традиций.

Учитывая эти особенности «Сборника летописей», хотелось бы обратить внимание на некоторые социально-политические термины, которые представляют определенный интерес: «Алтын-ханым», «бек», «мирза» и «кул», «чура».

Алтын-ханым. На первый взгляд здесь, кажется, все ясно: собственное имя ханши и все. Однако поразительно частое употребление его в «Сборнике» требует более внимательного отношения к нему. Как выше видели, мать Ундан-султана звали Алтын-ханым; это же имя носила и жена Ундана, то есть мать Ураз-Мухаммеда, которая была жива-здорова в 1595 году и находилась при сыне под Москвою. Мало того, жену самого

²⁴¹ Казахоко-русские отношения..., док. № 6, стр. 9.

²⁴² В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование..., II, стр. 408.

Ураза также звали Алтын-ханым²⁴³. Поэтому, если имена не перепутаны Кадыр-Али-беком (также и русскими дьяками XVI века, но это уже сомнительно), можно было бы предположить, что словосочетание «алтын-ханым» было титулом главной (старшей) жены казахских ханов и царевичей. Разумеется, для подкрепления этого предположения требуются еще дополнительные данные.

Бек и мирза. В литературе эти два термина «бек (бег и бий)» и «мирза (мурза)» очень часто применяются как равнозначные, чуть ли не синонимы. Сверх этого каждый из терминов в разные эпохи, в конкретной стране применялся с различными смысловыми оттенками — от должностного звания до наследственного титула. Такие особенности их правильно отражены в справочных изданиях²⁴⁴. Немало способствовало многозначности терминов превращение их в составные части собственных имен. Для терминологической ясности при их применении, естественно, необходимо учитывать все эти особенности и установить конкретные значения их для отдельного региона и определенной эпохи; в этом отношении, то есть для выявления подлинных значений слов «бек» (бий, бег) и «мирза» в XIV—XVI столетиях на территории бывшей Золотой Орды большой интерес представляют их применения в «Сборнике летописей», автор которого, как опытный государственный деятель, был вполне компетентен в трактовке их значений. Он очень четко различает смысл каждого термина и дифференцированно применяет «бек» (бий) и «мирза». Например, говоря о сотрудничестве Тимир-Кутлука и Идигэ, сообщает, что «один был ханом, другой — бием»²⁴⁵. Точно также говорится о взаимоотношениях Абу-л-Хайра и Укас-бека, сына Нур ад-дина²⁴⁶. В другом месте, сообщая о Мамае, конкретизирует: «Потом улусом правил Шайх-Мамай-мирза, но сам он беком не стал»²⁴⁷. Если, сверх всего этого учитывать, что слово «править» в оригинале передано через тюркский глагол «билэмэк», то получаем четко определенное значение термина «бек» — должностное звание со значением правитель (как современное «канцлер, премьер министр, министр»). А

²⁴³ Казахско-русские отношения..., № 8, 9, стр. 12. В списке А о матери Ундан-султана сказано следующее:

اوندان سلطان الطون خانيم بايم بيكم دين توغان ايردى

— «Ундан-султан родился от Алтын-ханым Байым-бикэм» (л. 151 а; И. Безин. Библиотека..., II, стр. 164) — очень похоже, что «Байым-бикэм» есть девичье и собственное имя бабушки Ураз-Мухаммеда.

²⁴⁴ СИЭ, 2, стр. 198, 205; 9, стр. 481.

²⁴⁵ Список В, л. 61 б.

²⁴⁶ Там же, л. 64 б.

²⁴⁷ Там же, л. 64 а.

мирза таковым не был, это, видимо, — наследственный титул с приблизительным значением «князь». Разумеется, такое узкое значение имел он в Золотой Орде и отколовшихся от нее государственных объединениях²⁴⁸.

В татарском языке позднейших времен слово «мирза» (мурза) означало дворянина и аристократа вообще. Аналогичной трансформации, в сторону деградации содержания слова, подвергся и «бек» (бий), когда он позднее стал означать не государственного правителя (канцлера, министра), а главу общины, рода, мирового судью вообще (особенно в форме «бий»). Тенденция превращения его (в варианте «бек») в компонент собственного имени относится к позднейшим временам.

Таким образом, материалы «Сборника летописей» могут способствовать выявлению локально-исторических значений отдельных социально-политических терминов.

Чура. В новейшей литературе по истории татар делались попытки закрепить за этим термином значение слова «раб». Впервые такую интерпретацию «чуре» дал Г. Губайдуллин (Г. Газиз), который, легко принимая на веру одно толкование смысла слова в записках К. Насырова, объяснившего, согласно устному преданию, что «чурой» называли рабов²⁴⁹, стал внешне исторически отождествлять эти два термина²⁵⁰. Он даже создал новое понятие «чуровладельцы» применительно к эпохе Казанского ханства²⁵¹. Без проверки достоверности источника (записки Насырова являются лишь воспоминаниями об одном старце) такое безапелляционное толкование было принято и в некоторых позднейших работах²⁵². Правда, в окончательном варианте двухтомной «Истории Татарии» вместо словосочетания «рабы-чура» стали применять просто «рабы (куллар)»²⁵³. Однако историки из Чувашии до сих пор продолжают употреблять применительно к эпохе казанского ханства слово «чура»²⁵⁴. Их интерпретация, между прочим, почти тождественна толкованиям Г. Губайдуллина.

²⁴⁸ В XVI—XVII вв. эти два термина четко различали и в Крымском государстве, в ханских грамотах (битиках), которого при перечислении титулованных особ сначала ставили «беков», а за ними «мирз». Причем некоторые беки-правители одновременно были и карачи

قراچیلریمز بی لار و میرزالار؛ تقی قراچیمز شیرین بیک؛

قراچیلاردین و بکلاردین و میرزالاردین ...

См.: Материалы для истории Крымского ханства..., стр. 22, 75, 87, 106, 377 и др.

²⁴⁹ К. Насыри. Избранные..., стр. 144.

²⁵⁰ Г. Губайдуллин. Материалы по истории..., стр. 12, 47.

²⁵¹ Его же. Из прошлого татар..., стр. 78.

²⁵² Материалы по истории Татарии, стр. 10.

²⁵³ История Татарской АССР, I, стр. 116—117.

²⁵⁴ Истории Чувашской АССР, I, стр. 54.

Разумеется, «чура», как всякий социально-экономический термин, в разные эпохи имел разное содержание. Но относительно истории народов Поволжья периода Золотой Орды, Казанского ханства вышеуказанное толкование неприемлемо. Как показывают данные ярлыка Ибрагим-хана, где с освобождением тархана от повинностей привилегию получает и «его чура», в этом слове трудно найти значение «невольника»²⁵⁵. Возражение по этому поводу А. Булатова, по которому «чура есть раб»²⁵⁶, осталось ничем не подкрепленным. А наше предположение, что в Золотой Орде и Казанском ханстве термин «чура» еще не имел значения «раба» доказывается и материалами «Сборника летописей». Например, начиная дастан о Токтамыше, автор писал так: «Идигэ-кучук, сын Кутлу-Кыйа, был его ч у р о й»²⁵⁷. Естественно, по отношению к Идигэ-беку, родословное которого производится от «праведного халифа» Абу-Бакира, наш автор не позволил бы себе применять оскорбительный для аристократа термин. Здесь речь может идти лишь о политической зависимости, о вассальной зависимости.

Позднее, в XVII—XVIII веках, претерпев ряд трансформаций, термин «чура» стал означать не только политически, но и экономически зависимого человека: слугу, крепостного. Об этом свидетельствуют данные актовых материалов — завещаний касимовских феодалов, где термин «чура» активно применялся по отношению к крепостным. И характерно то, что В. В. Вельяминов-Зернов это слово переводит не как «раб», а как «человек», «люди»²⁵⁸. Такая осторожность ученого вполне оправдана, ибо речь идет не о каких-то безликих рабах, а о людях, имевших свою семью и определенную собственность. Вместе с тем, как показывает другой документ, и термин «кул (раб)» у татар в XVIII веке применялся для означения крепостного²⁵⁹. Следовательно, эти термины требуют конкретно исторического подхода к ним, с учетом как общей обстановки той или иной эпохи, так и подробностей контекстов каждого памятника²⁶⁰.

На анализе других социально-политических терминов «Сборника летописей» останавливаться не будем, ибо это увело бы нас в область конкретно терминологического исследования. Но из

²⁵⁵ М. Усманов и др. Новый ярлык, стр. 149.

²⁵⁶ Э. Булатов. Ибрагим хан ярлыгын укуга карата... (А. Булатов. К чтению ярлыка Ибрагим-хана), стр. 135. См. также наш ответ на выступление Булатова: М. Госманов. Тагын Ибрагим-хан ярлыгы турында. (М. Усманов. Опять о ярлыке Ибрагим-хана.)

²⁵⁷ Список В, л. 61 а, А, л. 145 а.

²⁵⁸ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование..., III, стр. 233 и сл.

²⁵⁹ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 24.

²⁶⁰ Интересный опыт в уточнении значения «чура» проделан в монографии «Татары Среднего Поволжья...» (стр. 180—195). Вместе с тем в этом анализе автор (Г. М. Хисамутдинов) не уделил достаточного внимания данным письменных источников, а делал акцент в основном на этнографо-фольклорные материалы.

вышеприведенных кратких иллюстраций ясно, что терминологические материалы сочинения Кадыр-Али-бека, несмотря на их малочисленность, представляют научный интерес.

* * *

Итак, в источниковедческом плане определенную ценность представляют оригинальные части «Сборника летописей» Кадыр-Али-бека. В силу того, что автором его был высший феодальный сановник (бек) в Касимовском «ханстве», сочинение имеет яркий отпечаток типичной чиновничье-апологической, официальной историографии, где все содержание сведено к краткому или развернутому описанию жизни и деятельности отдельных государей и военно-политических событий в Поволжье и Дашт-и Кыпчаке в XIV—XVI столетиях. Не все дастаны равнозначны по содержанию. В источниковедческом аспекте ценны прежде всего повести, посвященные Урус-хану, Идигэ и Ураз-Мухаммеду. Последняя повесть является абсолютно оригинальной и имеет большое значение для истории касимовских татар. Но как историк-профессионал Кадыр-Али-бек, в целом, оставляет желать много лучшего.

В историографическом отношении «Сборник летописей» представляет больше интереса. Во-первых, это единственный пока дошедший до нас памятник татарской государственно-официальной исторической литературы, где ярко и выпукло отражено не только мировоззрение и тенденция известной части татарской высшей аристократии конца XVI и начала XVII вв., но и зафиксировано состояние и особенности исторического знания у татар того времени. Это даже своего рода реликт татарской официальной государственной историографии периодов Золотой Орды и Казанского ханства. Содержание книги и многочисленные глупые ссылки автора говорят о том, что «Сборник» в своей оригинальной части создан, в основном, на местном тюркоязычном материале. Однако в этой плоскости значительную ценность представляет и переводная часть «Сборника», свидетельствующая о распространенности официальной историографии чингизидов среди татар еще до XVII века. И Кадыр-Али-бек, продолжавший официальные традиции своих золотоордынско-казанских предшественников, показал себя довольно способным историком-политиком.

Во-вторых, создание такого тенденциозного произведения по истории в Касимове, пользовавшемся весьма ограниченным суверенитетом, еще раз подкрепляет наше положение о том, что слабая развитость исторической литературы у казанских татар в XVII и XVIII столетиях в первую очередь обусловлена отсутствием суверенитета.

Немаловажное значение имеют и культурно-литературные аспекты «Сборника летописей». Наличие такого памятника свидетельствует о продолжении письменной и литературной традиции

эпохи золотоордынского владычества среди татарских феодалов позднейшего периода. Не только историографическая тенденция, но также и язык, литературный стиль произведения свидетельствуют о преемственном характере развития татарской феодальной письменной культуры XVII века. И в этом отношении «Сборник» Кадыр-Али-бека не является единственным документом татарской письменности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

АНОНИМНЫЙ СБОРНИК «ДАФТАР-И ЧИНГИЗ-НАМЕ» (конец XVII в.)

СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ И СОДЕРЖАНИЕ «ДАФТАР-И ЧИНГИЗ-НАМЕ»

О судьбе памятника и его названии

Подобно «Сборнику летописей» Кадыр-Али-бека и этому сочинению — «Дафтар-и Чингиз-наме» — суждено было первоначально войти в литературу не под своим названием. Если первое сочинение так и продолжает оставаться под чужим именем, то второму, наконец, удалось восстановить собственное¹.

Сравнение и сопоставление содержания печатных и рукописных текстов произведения позволяют выявить не только составные компоненты этого анонимного сочинения, но и установить принадлежность всех его частей перу одного и того же автора.

«Дафтар-и Чингиз-наме» состоит из шести глав-дастанов и небольшого введения. Правда, заглавия отдельных дастанов не во всех списках тождественны, иногда даже отличаются друг от друга, что, безусловно, является результатом продолжительной деятельности множества переписчиков. Но наиболее качественные списки все-таки позволяют восстановить названия дастанов:

Введение.

I. Глава, рассказывающая дастан о роде Чингиз-хана (Фасл фи бэйани дастани нэсли Чынғыз хан).

II. Глава, рассказывающая дастан о Хромом Тимуре (Фасл фи бэйани дастани Аксақ Тимир).

III. Глава, рассказывающая дастан об Амате, сыне Айсы (Фасл фи бэйани дастани Гайса уғлы Амэт).

IV. Глава, рассказывающая дастан об Идигз-беке (Фасл фи дастани Идигэ бэк).

V. Глава, рассказывающая дастан о местопребываниях и местожительствах (Фасл фи бэйани дастани эл-мөжалис вә эл-мөкан).

¹ О том, что отдельные главы «Дафтар-и Чингиз-наме» (дафтар — тетрадь, книга) назывались то «летописью», то «дастанами», и они принимались исследователями за самостоятельные сочинения, что не соответствует действительности, речь пойдет ниже, см. стр. 104 и сл.

IV. Глава, рассказывающая дастан по истории (Фасл фи дастаны фи-т-тарих) ².

Эти заглавия здесь представлены в несколько реконструированном виде; во многих списках имеются отклонения: в одних «дастан» и «бэйани» стоят рядом, в других представлен лишь один из терминов. Есть рукописи, где названия дастанов сильно сокращены или вообще опущены.

* * *

Пионером в области публикации и предварительного изучения текстов «Даftar-и Чингиз-наме» был адъюнкт Казанского университета Ибрагим Хальфин, который в 1822 году ³ опубликовал известную в литературе хрестоматию под названием «Эхвали Чингиз-хан ва Аксак-Тимир ва...», то есть «Жизнь Чингиз-хана и Аксак-Тимура с присовокуплением разных отрывков, до истории касающихся...» Это было первое учебное пособие по татарскому литературному языку, которое получило широкую известность не только в России, но также и за рубежом. Издатель ставил перед собою одновременно и археографическую цель: этим изданием он хотел возбудить интерес у широкой публики к сбору исторических рукописей ⁴.

Правда, отдельные отрывки из дастана о Тимуре были использованы Х. М. Френем еще в 1816 году при издании им в Вене статьи о Булгарском государстве ⁵. Как показывают текстуальные сравнения, эти отрывки были взяты Х. М. Френем из тех же рукописей, с которыми работал И. Хальфин. Характерно то, что именно отрывки из второй главы «Даftar» отсутствуют в хрестоматии. Х. М. Френ, видимо, учитывая их частичную опубликованность, считал нужным не включать их в пособие, которое вышло под его редакцией. С этим Хальфин, естественно, не был согласен, о чем он специально писал академику в конце 1819 года ⁶.

Кроме этих небольших купюр, хальфиновское издание имеет еще ряд особенностей. Во-первых, в нем целиком отсутствует третий дастан — повесть об Амате, хотя И. Хальфину, судя по его же словам в начале книги, был известен его текст. Во-вторых, изменены названия глав. Например, «О шаджара Чингиз-хана» ⁷, «Кыссаи Чингиз-хан», «Кыссаи Аксак-Тимир» и т. д. Да и общее название книги у И. Хальфина совершенно иное. В-третьих, исходя из характера учебного пособия, публикатор

² При исследовании для удобства будем применять сокращенные заглавия: дастан или глава о Чингиз-хане, дастан о Тимуре; или же по порядковому номеру: первый дастан и т. д.

³ На первом татарском титульном листе стоит 1819 год, что, видимо, указывает на дату, когда рукопись была уже готова к печати.

⁴ И. Хальфин. Жизнь..., стр. 7—8.

⁵ С. М. Фгаеһп. Вӱлагӱе..., pp. 206—209.

⁶ ЛОА АН СССР, ф. 778, оп. 2, ед. хр. 339, л. 1.

⁷ Это не самостоятельная глава, а введение ко всей книге, поэтому его и не следует выделять в самостоятельную главу.

подверг унификации орфографию и язык памятника, в некоторой степени обновил их. В-четвертых, в основу текста книги легла не ранняя, а вторичная редакция произведения, выполненная в середине XVIII столетия⁸. Все это существенно влияет на научное значение публикации И. Хальфина, но как справочное пособие она еще может быть полезна.

Издание И. Хальфина привлекло внимание и некоторых русских авторов. Например, в 1835 году В. Луганский перевел из него и издал в журнале «Сын Отечества» первый дастан. К историческому памятнику он подходил как к фольклорному произведению, поэтому снабдил его подзаглавием «Татарская сказка»⁹.

«Дафтар-и Чингиз-наме» полностью и без литературной обработки языка было опубликовано лишь в 1882 году на средства некоего Рахимджана Джиганшина, жителя аула Мандиш Казанского уезда. Издание имело довольно витиеватое название: *«Һәҙә китабы ҫаһлы дастан нәсли Чыңғыз хан вә һәм Ақсақ Тимир нәслиндән байан идәр»* — «Эта книга изъясняет главу повести о роде Чингиз-хана, а также о роде Аксак Тимира». Об издателе рукописи нет каких-либо сведений. Судя по названию и массе орфографических ошибок в тексте, можно сказать уверенно, что он был или торговцем книгами, или сельским любителем древностей, располагавшим средствами. Во всяком случае, Рахимджан Джиганшин как первый издатель полного текста «Дафтар», прочно вошел в литературу, это издание так и называется «джиганшинским»¹⁰. Следует подчеркнуть, что при тщательном выправлении орфографии на основе рукописных списков и при восстановлении мелких типографских лакун, данное издание вполне может составить основу критического текста памятника, так как оно местами по своему качеству отличается от самых лучших рукописных списков «Дафтар», что свидетельствует о том, что Р. Джиганшин располагал одним из наиболее ранних и лучших списков сочинения.

В следующий раз тексты первых трех, то есть основных глав «Дафтар» были опубликованы на русском языке в «Трудах Оренбургской архивной комиссии» за 1907 год¹¹. Перевод был сделан по неполной и дефектной татарской рукописи, подаренной музеем комиссии М. С. Рамеевым. Перевод выполнили чиновники А. В. Васильев и Г. Г. Балгимбаев. Публикация сопровождалась специальным отзывом В. В. Бартольда, который по просьбе

⁸ Рукопись, по которой работал И. Хальфин, и которая была у Х. М. Френа, сохранилась. Поэтому, сравнивая тексты этой рукописи и публикации, филологи могут проследить метод работы ученого над пособиями по татарскому языку.

⁹ «Жизнь Джингиз-хана». Как выясняется из комментариев, перевод был выполнен при помощи некоего муллы Абдуллы и учителя татарского языка при Неплюевском военном училище Г. Иванова (стр. 227).

¹⁰ Далее: Р. Джиганшин. Дафтар..

¹¹ «История Чингиз-хана и Тамерлана», стр. 117—157.

редколлегии «Трудов» ознакомился с присланной ему рукописью¹².

Судя по описанию В. В. Бартольда, в рукописи не был представлен самый последний дастан¹³, а четвертая и пятая главы были опущены редакцией при публикации.

В деле публикации и изучения больше повезло отдельным, мелким главам «Дафтар». Например, еще К. Фукс в своей «Истории Казани» дал извлечения из последнего, шестого дастана, сопровождая их примечаниями¹⁴. Эта же глава по хальфиновскому изданию была полностью опубликована на русском языке с предисловием И. Березина¹⁵.

В качестве литературного материала привлекла внимание филологов повесть об Амате, которую в 1859 году включил в свою хрестоматию С. Кукляшев¹⁶, откуда она была заимствована другими позднейшими исследователями¹⁷.

Среди таких публикаций особое место занимают работы Н. Ф. Катанова, посвященные переводу и анализу шестой главы из «Дафтар». Впервые с такой работой он выступил в 1899 году, на страницах журнала «Деятель»¹⁸. Именно здесь «Глава повести по истории» анонимного «Дафтар» была названа «татарской летописью», что потом прочно вошло в литературу. Перевод и краткое исследование было выполнено Н. Ф. Катановым на основе хальфиновского и джиганшиновского изданий. Позднее, в 1905 году, ученый повторно опубликовал текст «летописи», но уже по четырем спискам (кроме названных он привлек еще две рукописи, которые ему подарили Н. Н. Пантусов и Г. Н. Ахмаров)¹⁹, углубив и расширив свое исследование, не потерявшего в отдельных местах своего значения до последнего времени, хотя после него был сделан ряд публикаций «летописи» из «Дафтар»²⁰.

¹² В первом томе «Истории Казахской ССР» (стр. 217) по этому случаю даны неточные сведения: будто бы рукопись была обнаружена В. В. Бартольдом, а перевод выполнил лишь один Балгимбаев. Следует отметить, что в переводе много неточностей и модернизаций специальных терминов, которые допущены переводчиками из-за незнания специфики татарского языка.

¹³ В. В. Бартольд. [Отзыв...], стр. 117—118.

¹⁴ К. Ф. Фукс. Краткая история... (Катановское издание).

¹⁵ Н. Пашино. Татарские сказания.

¹⁶ С. Кукляшев. Татарская хрестоматия, стр. 45—50.

¹⁷ م. وليدوف. تاتار ادبياتىنىڭ بارىشى ... (Дж. Валидов.

Развитие..., стр. 67—72); Древняя татарская литература, стр. 176—180.

¹⁸ Н. Ф. Катанов. Краткая история..., стр. 176—180.

¹⁹ Н. Ф. Катанов, И. М. Покровский. Отрывок... Доля последнего автора заключается лишь в добавлениях, в которых он пытался оправдать русификаторскую политику царизма.

²⁰ Обнаруженный среди бумаг Ш. Марджани текст «летописи» был в 1913 году опубликован Г. Губайдуллиним (Марджани. Юбилейный сборник, стр. 340—341). Ему принадлежит публикация и других списков

(... غ. عزيز. ايكى قوليازما ...). — Г. Газиз. Две рукописи...).

Труд Н. Ф. Катанова по полноте и качеству мог превзойти лишь исследование А. Рахима «Новые списки татарских летописей», но оно, несмотря на окончательное завершение работы к началу 1930 года, осталось неопубликованным и ныне хранится в личном фонде ученого²¹. В этой работе А. Рахим подверг тщательному анализу не только разные редакции и варианты «летописей», но и подвел своего рода итог всем предшествующим исследованиям по «Дафтар». Следовательно, оно может считаться до сегодняшнего дня последним словом науки по данному вопросу²².

Большая работа была выполнена В. А. Пановым, когда он в 1934 году перевел и издал (по списку Британского музея) тексты первых двух дастанов «Дафтар-и Чингиз-наме», снабдив их обширной вводной статьей и текстологическими комментариями²³. Вместе с тем издание носит сугубо фольклороведческий характер, поэтому автор уделил внимание лишь художественным достоинствам памятника, о которых В. А. Панов был весьма высокого мнения. Что касается историко-источниковедческих качеств его, то они затрагиваются исследователем мимоходом и довольно поверхностно²⁴.

Если к этому обзору публикаций присовокупить сведения о других исследовательских работах²⁵, то становится очевидным, что «Дафтар-и Чингиз-наме» давно стало достоянием науки, и памятник этот имел широкое распространение среди татарского населения. Если учесть, что последняя часть «Дафтар», «летопись», была известна еще Татищеву в 30-х годах XVIII столетия²⁶, то история изучения этого сочинения приобретает довольно почтенный возраст.

Количество сохранившихся рукописных списков «Дафтар-и Чингиз-наме» внушительно. Например, автором этой работы просмотрены и учтены следующие полные, неполные и фрагмен-

²¹ Архив КИЯЛИ, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 6, на 73 листах большого формата.

²² Правда, равное значение имеют и предшествующие общие исследования А. Рахима, ряд положений которых в указанной рукописи не повторяется:

ع. رحيم، ع. عزيز، تاتار ادبياتي تاريخي ...

(далее — А. Рахим. Г. Газиз. История...).

²³ В. А. Панов. Богатырские сказания о Чингиз-хане...

²⁴ Небольшие отрывки из первой части «Дафтара» опубликовал турецкий

ученый А. Инан — ح. اينان، تورک روايتلر نده ...

(А. Инан. Серый волк...).

²⁵ А. Кавелин. Древние Болгары..., стр. 57; С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 36; В. В. Григорьев. Волжские Булгары, стр. 105 и др.

²⁶ ЦГАДА, ф. «Правительствующий сенат», д. 1164, год. 1737, лл. 900—905.

тарные рукописи (сгруппированы по полноте, согласно местонахождению).

Полные списки, содержащие все шесть дастанов (без дефектов или с незначительными изъянами и купюрами):

В 2640 (35 лл., составлен в 1796 г.); В 744 (28 лл., 1779 г.); В 743 (46 лл., сер. XVIII в.); В 3205 (31 лл.); В 344 (51 лл.); А 121 (38 лл.) — хранятся в фондах ЛО ИВАНа; последние три списка составлены в XIX в.

Дорн № 527 (24 лл., XIX в.) — ГПБ.

Т. 762 (55 лл., XIX в.) — ВОНБ КГУ.

Неполные списки (со всеми начальными или одним — двумя основными дастанами):

В 2587 (36 лл., I—III дастаны, XVIII в., с реставрацией в XIX в.); В 742 (44 лл., I—III, XIX в.); В 343 (1—37 лл., I, нач. XVIII в.); В 345 (15 лл., II, XIX в.) — хранятся в фондах ЛО ИВАНа.

Т. 40 (70—77 лл., I, неполностью, 1732 г.); Т. 2230 (9 лл., II, дефектный, конец XVIII в.); Т 581 (60 лл., I, III, VI; XIX в.); Т. 135 (20 лл., II, III; XIX в.) — хранятся в ВОНБ КГУ.

Фрагментарные (обычно последняя глава — «летопись»):

ЦГАДА, ф. «Правительствующий Сенат», д. 1164, лл. 686а и 902—905 (с оборотами). Оба списка составлены в начале XVIII века.

В 2672 (4 лл., I часть и VI); В 2675 (лл. 99—100, VI) — хранятся в фондах ЛО ИВАНа, XIX век.

Т. 587 (лл. 17—19, VI); Т. 1388 (2 лл., VI); Т. 1589 (л. 26, VI); Т. 1658 (I л., VI, вариант); Т. 591 (I л., VI, вариант) — находятся в ВОНБ КГУ; все они относятся к XIX в.

№ 1254 (л. 203а, б, VI, отрывок) — Касимовский музей.

Таким образом, нами просмотрены 9 полных, 7 неполных и 10 фрагментарных списков. К ним следует добавить полный список XVIII века из личной коллекции литератора Н. Исанбета и дефектную рукопись, находящуюся в домашней библиотеке педагога З. Максutowой. О существовании еще трех полных списков «Даftar» известно по описаниям тюркоязычных манускриптов из коллекций Бриганского музея в Лондоне²⁷, Королевской библиотеки в Берлине²⁸ и Национальной библиотеки в Париже²⁹, также из библиотеки АН Казахской ССР³⁰. Следовательно, количество зафиксированных в литературе и дошед-

²⁷ Ch. Rieu. Catalogue..., pp. 281—282 (N Add. 11, 725).

²⁸ W. Pertsch. Verzeichniss..., S. 269 (№ 246).

²⁹ А. Инан. Серый волк..

³⁰ По устному сообщению Н. Исанбета.

ших до нас публикаций³¹ и рукописных списков «Дафтар-и Чингиз-наме» насчитывает более 40.

Из вышеперечисленных рукописей списки В 2640, В 2587, В 2672, В 2675, Т. 581, Т. 587, Т. 1388 — из коллекции С. Вахиди, подаренной археографом в научные учреждения. Из них большую ценность представляет рукопись В 2640, которая, несмотря на свою незначительную дефектность (имеющиеся отдельные купюры можно легко восстановить), является наиболее полным и одним из наиболее качественных ранних списков «Дафтар». По своим текстуральным качествам этот список очень близок к изданию Джиганшина; эти два списка удачно восполняют и исправляют друг друга. К ним примыкают и другая рукопись — В 2587, из коллекции С. Вахиди. Именно эти списки и служили основой при исследовании мною текста «Дафтар». Заглавия составных частей памятника реконструированы были также благодаря данным этих списков.

Из фондов ЛО ИВАНА достоин внимания список В 743, на полях лл. 33б—34б которого содержится интересная татарская запись о взятии Казани Е. И. Пугачевым, сделанная, видимо, в конце XVIII века. Следовательно, этот список «Дафтар» относится к середине указанного столетия, если не составлен еще ранее. На эту запись впервые обратил внимание С. Волин³², который готовил ее к печати.

В истории изучения анонимного «Дафтар» интерес представляет список В 344. Как удалось установить, именно он или его непосредственный прототип служил основой для публикации И. Хальфина. Текст полный, составлен в начале XIX столетия, но редакция относится к середине XVIII века. На полях его имеются пометки русского востоковеда, который на основе другой рукописи провел сравнительную текстологию отдельных частей «Дафтар». Примечательен ясный, четкий, но еще не установившийся вполне почерк. Учитывая, что он составлен в начале прошлого века³³, и в нем специально оставлены большие поля для исследования, которые частично заполнены, можно предполагать, что список был составлен по заказу одного из казанских востоковедов, возможно, через И. Хальфина. Исправность орфографии может оказать услугу будущим публикаторам текстов «Дафтар».

Определенный археографический интерес представляет рукопись из ГПБ (Дорн № 527); она перешла из коллекции И. Н. Березина. Примечательно оформление ее. Устойчивый, довольно

³¹ В виду имеются те списки, которые сохранились в публикациях (издания Джиганшина, рукописи Г. Н. Ахмарова, Н. Н. Пантусова, Г. Газиза и др.), или те, о которых имеются прямые сведения в литературе. Например, списки имелись у К. Фукса, Х. Амирхана, Кафтанникова (сведения А. Кавелина), И. Яковкина (сведения С. М. Шпилевского), Ш. Марджани, А. Рахима и др.

³² АВ ЛО ИВАНА, ф. 91, оп. I, ед. хр. 9.

³³ На бумаге имеются филигранные даты: 1811—1815 годы.

правильный почерк, унван, колофон и аккуратность работы, наконец, сравнительно богатый переплет говорят о том, что список этот был составлен также по специальному заказу. А татарские рукописные книги, как было отмечено выше, такими особенностями обладают редко. Примечателен язык данного списка, он в известной степени обновлен.

Самыми ранними из выявленных текстов «Дафтар» являются следующие: фрагменты из ЦГАДА и неполные рукописи — Т. 40, В 343. Фрагменты принадлежали спискам, составленным в 20-х годах XVIII столетия. А первая из двух неполных рукописей датирована 1732 годом. Это уже известный нам барудинский список «Сборника летописей» Кадыр-Али-бека. Вторая (из ЛО ИВАН) датируется началом XVIII века ориентировочно.

Итак, мы располагаем значительным количеством печатных и рукописных списков «Дафтар-и Чингиз-наме», которые, свидетельствуя о большой популярности памятника среди татар, дают достаточный материал для более тщательного исследования формы и содержания источника.

Одним из важных вопросов при изучении письменного памятника, несомненно, является правильное определение его названия. А данный памятник носил и до сих пор носит разные заглавия. Надо сказать, что кроме уже указанных «названий», данных И. Хальфиным, Р. Джиганшиным, Н. Катановым (с которыми соглашались и другие авторы³⁴), распространение имело и другое заглавие — «дастан»³⁵. Из этих заглавий лишь последний частично отражает действительность.

В этом вопросе ближе к истине М. Ауэзов и Н. Исанбет. Первый из них назвал сочинение историческим очерком «Чингиз-наме»³⁶, Н. Исанбет также говорит о «сборнике, куда включен «Чингиз-наме» и другие дастаны»³⁷. Эти два ученые-литераторы, применяя название «Чингиз-наме», исходили не из единичного факта. В некоторых рукописных списках «Дафтар» действительно встречается заглавие «Чингиз-наме». Например, в берлинской рукописи представлено следующее название:

هذا چنگيز نامه بودرکی،

то есть «Это есть Чингиз-наме»³⁸. Словом, заглавие «Чингиз-наме» подкрепляется документально.

³⁴ А. Рахим, Г. Газиз. История..., стр. 104, и сл.; История Татарии в документах, стр. 95 и др.

³⁵ С. М. Фгаен. *Völgariae...*, р. 206, и сл.; С. М. Шлилевский. Древние города..., стр. 34 и др.

³⁶ История Казахской ССР, I, стр. 127. (Разрядка наша.— М. У.).

³⁷ Н. Исанбет. Бу шигърынец шагъйрәсе кем, 148 бит (Н. Исанбет. Кто автор..., стр. 148. У него речь идет о списке В 344, где имеется текст одного весьма интересного татарского байта конца XVIII в.).

³⁸ W. Pertsch. Verzeichniss..., S. 269.

Но это лишь одна половина полного названия. Например, в списке Р. Джиганшина текст введения начинается со слов:

دفتر چنگز خان فصل داستان نسل چنگز خان،

то есть «Дафтар-и Чингиз-хан, глава дастана о роде Чингиз-хана». После введения опять читаем:

ایمدی چنگز خان دفتری. اول باشند سویلا یالنک،

то есть «Теперь дафтар Чингиз-хана. Начнем рассказ сначала»³⁹. Точно такие же фразы стоят в других полных, причем ранних списках из собрания ЛО ИВАН (В 2587, л. 2а; В. 3205, л. 2а). Слово «дафтар» — тетрадь представлено в рукописи Т. 581 (ВОНБ КГУ, л. 56). Следовательно, мы располагаем и другим вариантом названия «Дафтар-и Чингиз-хан». Но это название также является неполным; с первым его объединяет рукопись

В 2640 (л. 2а), где текст начинается со слов: دفتر چنگز نامه

в котором **نامه** безусловно является опiskой от **نامه**.

После «введения» в этом списке представлена та же форма: «Теперь дафтар Чингиз-хана».

Окончательную ясность вносят самые старшие по возрасту списки. Например, в барудинской рукописи (1732 г.) стоит четко написанное заглавие

دفتر چنگز نامه -

— «Дафтар-и Чингиз-наме» (первая глава в ней также начинается со слов: «Теперь дафтар Чингиз-хана») ⁴⁰.

А фрагмент в документе из ЦГАДА, где представлено лишь «введение» памятника, еще более определен:

دفتر چنگز نامه فصل داستان نسل چنگز خان -

— «Дафтар-и Чингиз-наме, глава повести о роде Чингиз-хана» (л. 686а), где вторая часть относится к «введению».

³⁹ Р. Джиганшин. Дафтар..., стр. 2, 3.

⁴⁰ В начертаниях **چنگز**, **چنگز** нет особого расхождения, ибо

как «чг» так и «нг» в слове «Чингиз» допустимы.

Таким образом, мы располагаем достаточным материалом, чтобы восстановить полное название сборника: «**Дафтар-и Чингиз-наме**».

Правда, применение рядом близких по смыслу слов «дафтар» (тетрадь), и «наме» (книга, сочинение вообще) создает некоторую тавтологичность. Наверное, исходя из этого отдельные переписчики опускали одно из них в заглавии книги. Думать, что «дафтар» или «наме» добавлено кем-либо позднее, мало оснований, так как лишние слова переписчиками вводятся обычно только в том случае, когда какое-либо слово непонятно или чересчур архаично. А указанные слова слишком обыденны, они сохранились рядом в самых старших списках.

Но откуда появилось слово «дафтар» у анонима? Возможно, что автор заимствовал его из названия бывшей у ханов-чингизидов официальной истории их рода «**Алтан дафтар**» («Золотая тетрадь» или «Золотая книга»), не дошедшей до нас⁴¹. Пользоваться им непосредственно он, естественно, не мог, но он вполне мог знать о нем понаслышке. Существование списков «Алтан дафтар» в библиотеках золотоордынских, возможно, даже казанских ханов не должно вызывать сомнений. Впрочем, в пользу такого предположения говорят данные самого памятника.

Источниковедческое значение отдельных глав «Дафтар».

С подробным содержанием первых трех основных глав «Дафтар» интересующийся может познакомиться по оригиналу и вышеназванным русским переводам. Поэтому ниже, при аннотировании содержания памятника, отмечаются лишь основные и узловые моменты известий анонима.

I. ГЛАВА ПОВЕСТИ О РОДЕ ЧИНГИЗ-ХАНА⁴². Краткая генеалогия предков по отцовской линии и потомков «великого мирозавоевателя» представлена во «введении». Она, если не учитывать пробела и неточности, соответствует широко распространенным родословным толкованиям происхождения Чингиза, род которого производится от Яфаса (Яфета) — четвертого сына пророка Нуха (Ноя), которого звали также Абдулджаханом. Шестнадцатым потомком его был Турумтай-чичен, его сын — Тумаул, его сын — Дуйын-Байан, его сын — Чингизхан⁴³. Затем перечисляются имена потомков Чингиза. Эта

⁴¹ Рашид ад-дин. Сборник летописей, I, кн. I, стр. 27 и кн. 2, стр. 21; В. В. Бартольд. Туркестан..., стр. 92; Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 7 и сл.

⁴² Р. Джиганшин. Дафтар..., стр. 2—23; И. Хальфин. Жизнь..., стр. 9—61; русск. перевод: В. А. Панов. Богатырские сказания о Чингисхане..., стр. 243—273.

⁴³ Срав.: Рашид ад-дин. Сборник летописей, I, кн. 2, стр. 7 и сл.; С. А. Козин. Сокровенное сказание, стр. 78—87. В этой версии генеалогии Чингиза следует запомнить следующее имя: Турумтай-чичен, что будет необходимо при анализе сочинения Муслими.

шаджара, сокращенное и путаное, завершается именем Бурхан-султана. «Введение» кончается очень интересным в историческом отношении заключением: «Но Бурхан-султан, будучи заключенным у русских, стал вероотступником».

Действительно, касимовский царевич Сайид-Бурхан, но не внук, а правнук хана Кучума, около 1653 года⁴⁴ принял христианство и под именем Василий продолжал номинально править Касимовым до смерти, последовавшей около 1678—1679 годов⁴⁵. Примечательная деталь: автор «Дафтар» не находит нужным назвать имя последней правительницы Касимова — Фатимы-султан (матери Бурхана), суверенность которой при жизни ее (она умерла около 1681 года) была сведена к нулю⁴⁶.

После такого краткого, но многозначительного по идейной направленности «введения» с фразой «Теперь дафтар Чингиз-хана, начнем рассказ сначала» автор переходит к более развернутому и в литературном отношении высокохудожественному повествованию о происхождении и жизни Чингиза. Изложение начинается по материнской линии.

...В Белом море в городе Мальте жил Алтын-хан, жену которого звали Курлавуч. У них росла дочь — красавица Гуламалик-Куркли, которую родители берегли как зеницу ока и держали за закрытыми дверями и окнами. Но однажды, открыв окно, она увидела солнечный луч и... забеременела от него. Родители, чтобы избежать позора, посадили ее на специально снаряженный корабль и пустили по морю.

Однако беременная царевна попадает в руки Тумаула, «деда» Чингиза, который женится на ней и радуется тому, что она и беременна и девственница. Вскоре у них родился сын, которому дали имя Дуйын-Байан. От Тумаула царевна-изгнанница рождает еще двух сыновей (Буданатай и Белгутай). Их, чтобы они не были соперниками Дуйын-Байану, отец отправляет в страну калмыков (!), а последнего женит на Алангу, происходившей также из рода Алтын-хана. Алангу родила трех сыновей: Буданджар, Кагынджар, Салджу.

После смерти Дуйын-Байана вдова Алангу опять забеременела, но также от божественного луча. Претендовавшие на престол старшие сыновья обвинили ее в разврате. Алангу требует выяснения; чтобы убедиться в ее беспорочности специальная «комиссия» должна была нести дежурство у ее дома. Под утро с неба спускается яркий луч, который входит в дом Алангу, а через некоторое время выходит оттуда в образе серого волка и, крикнув: «Чингиз!», уходит в лес. Народ убеждается в невин-

⁴⁴ П. Долгоруков. Российская родословная..., III, стр. 53—54; В. В. Бартольд. [Отзыв...], стр. 118.

⁴⁵ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование..., III, стр. 61, 317, 413.

⁴⁶ Там же, стр. 461 и сл.

ности Алангу. Родившемуся сыну дают имя Чингиз. Он с малолетства стал справедливо править страной и завоевал всеобщую любовь. Но из-за происков старших братьев, которые хотели уничтожить его, он вынужден был уйти в горы Курлан

(کورلان) в верховьях реки Тикалик (تيکايک).

сообщив матери место своего пребывания. Братья, оставшись одни, начинают беспощадно тиранить народ.

Эта фантастичная легенда аннотируется здесь так подробно специально, ибо в ней имеются детали, которые позволяют судить о предполагаемых источниках «Дафтар». Следует подчеркнуть, что эта легенда напоминает содержание официальной генеалогии рода Чингиз-хана. Например, в известном «Сокровенном сказании монголов», написанном в 40-е годы XIII века, вместо «Дуйын-Байан» стоит Добун-Мерган, вместо «Алангу» — Алан-гоа, «Буданатай» — Бугунотай, «Белгутаи» — Бельгунотай; они находятся в тех же родственных отношениях, лишь со следующей разницей: в сказании рождения первых трех сыновей Алан-гоа (Бугу-Хадачи, Бухачу-Салчжи и Бодончар-простаки) происходит также после смерти ее мужа⁴⁷.

Такое большое сходство в личных именах не случайно. Оно, безусловно, говорит в пользу нашего предположения, что и в Поволжье было известно содержание и название «Алтан дафтар» — официальной истории чингизидов.

Вместе с тем, есть и отклонения: если по сказанию Дуйын-Байан (Добун) является десятым предком Чингиза, то в нашем «Дафтар» он представлен вместо Иасукая — подлинного отца Чингиза. Это, однако, не опровергает нашу гипотезу, а лишь уточняет ее: анонимному автору содержание «Алтан дафтар» было известно в сильно фольклоризированном и, возможно, сокращенном виде.

Большой интерес представляет и другая особенность трактовки нашего автора: если в официальном родословии по «Сокровенному сказанию» и «Алтан дафтар», в сокращенном изложении Рашид ад-дина, к сверхъестественному началу восходит лишь десятый предок Чингиза⁴⁸, то в татарской версии он дважды подвергается обожествлению — и Чингиз, и его мифический «отец» Дуйын были зачаты неземным источником. Думается, что это произошло не случайно, а продиктовано тенденциозностью автора, который сконцентрировал все свое внимание лишь вокруг одной личности, именно Чингиза. Если создателю основной редакции «Алтан дафтар» понадобилось освятить весь

⁴⁷ С. А. Козин. Сокровенное сказание, стр. 79—80.

⁴⁸ Рашид ад-дин. Сборник летописей, I, кн. 2, раздел I. Чингиз действительно имел трех братьев, но с другими именами: Хасар, Хачинун, Темуге (С. А. Козин. Сокровенное сказание, стр. 85—86).

род и всех предков великого кагана, то для анонимного автора интерес представлял прежде всего сам Чингиз. Следует указать, что ни предки, ни потомки кагана у нашего автора особых чувств не вызывают, мало того, он Чингизу противопоставляет его же братьев-тиранов. Такая интерпретация была продиктована историко-политическими воззрениями неизвестного автора.

Вернемся к содержанию дастана. Чингиз живет в уединении, а его братья-угнетатели свирепствуют. И «сын народа», как обобщающе назван анонимом весь народ, решает вернуть справедливого царевича. Главы родов — беки приходят к Алангу, которая сообщает им о местопребывании сына и, в качестве пароля, дает свое кольцо. Беки находят и возвращают Чингиза. Он становится ханом, жалует званием и богатством своих беков, с которыми живет в мире и согласии, дорожа ими «как бровью над глазом».

В этой части дастана характерно то, что, в отличие от предыдущего раздела, анонимный автор из мифического, легендарного мира опускается в реальную среду тюркских народов. Например, среди беков — родоначальников племен он перечисляет имена следующих: Уйшин-Майкы-бек, Калдар-бек, Урдач-бек, Кыпчак-бек, Тамйан-бек, Кераит-бек, Буртак-бек, Тимур-Кутлу-бек, Муйтан-бек, Тулангут-бек (или Тангут-бек), Кунгырат-бек, Кайтай-бек, Салчут-бек, Кыйат, Туркмен и др.

В этих личных именах нетрудно угадать этнонимы отдельных племен, родов, входивших в состав ряда тюркских народов: казахов, башкир, туркмен и др.⁴⁹ Однако, преобладают башкирские родоплеменные названия. Мало того, в трактовке некоторых сюжетов, например, в рассказе о взаимоотношениях Майкы-бека с Чингиз-ханом имеется много общего с данными башкирских шаджара, в которых Майкы-бек также представлен самым близким человеком Чингиз-хана и праотцом одного башкирского рода⁵⁰.

Любопытен вышеизложенный рассказ и в другом отношении. Автор «Дафтар» приписывает Чингизу роль легендарного Огуз-хана, дарившего своим сыновьям «тамги», «онгоны» и «части мяса». Но в «Дафтар» места сыновей Огуза заняли предводители родов и племен. Также архаичные термины заменены общедоступными понятиями. Привлекает внимание поразительное сходство тамг (гербов-знаков) в списках «Дафтар» и «Сборнике летописей» Рашид ад-дина⁵¹. Следовательно, анонимный автор был знаком с каким-то источником, содержащим эти древние предания, но под его пером объекты и субъекты

⁴⁹ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе...

⁵⁰ Подроб. см.: Р. Г. Кузеев. Башкирские шаджере, стр. 155 и сл.

⁵¹ Срав.: Рашид ад-дин. Сборник летописей, I, кн. I, стр. 89—90. И. Хальфин. Жизнь..., 51—56.

несколько изменились⁵². Похоже на то, что он когда-то видел летопись Рашид ад-дина и передал ее версии по памяти, подвергнув своей редакции.

Кроме того, в этой части дастана автор пользовался сведениями башкирских исторических традиций, ибо он пристально наблюдал за событиями, происходившими среди башкир. Именно такое заостренное внимание могло способствовать «башкиризации» определенной части жизни Чингиз-хана (выйти в более широкий мир тюркских племен-этнонимов ему не давала возможности изолированность татарского общества в XVII в.).

В последней части дастана о Чингиз-хане перечисляются боевые одежды-кольчуги (صاوت) кагана, его сыновей

и главных беков. Подчеркивается мирная и роскошная жизнь Чингиза. Почти ни слова не говорится о его многочисленных походах, кровавых завоеваниях; автор ограничивается лишь одной-единственной глухой фразой: «Со своим войском воюя, покорил себе много ханов и орд. И его имя стало известно всему миру»⁵³.

Перед смертью каган назначил своим сыновьям владения: старшему сыну Ючию (Джучи) досталась орда с центром в

Термизе (ترمیز), второму сыну Джадаю, искаженное

от Чагатая (جدای - جغداى) Индия, третьему Гараю,

т. е. Угудаю (کرای - کدای) — орда королей

(کورال اورداسى) и последнему Тулюю (تولای) —

⁵² Сомнительно, чтобы наш историк знал историю Абу-л-Газы, так как последняя была закончена в 1665 году, и к 80-м годам того же столетия вряд ли смогла распространиться в Среднем Поволжье, изолированном в XVII в. от восточного мира. Сильно отличается «Дафтар» и от анонимного «Таварих-и гузида...» (стр. 62—66), сокращенный вариант которого известен под названием «Шайбани-наме» (И. Н. Березин, Библиотека..., I). Заимствовал ли аноним что-либо из одноименного «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи, творившего в XVI веке в Хивинском ханстве (В. В. Бартольд. Отчет о командировке..., стр. 219) установить пока трудно, т. к. мы не располагали текстом этого сочинения.

⁵³ Р. Джиганшин. Дафтар..., стр. 19. В рукописи Т. 40 места, где рассказывается о разделе между беками боевого оружия, подвержены изменениям: имена глав родов заменены именами золотоордынских и казанских ханов, что, видимо, является поздним добавлением переписчика.

Московская орда (!). Ошибочность и фантастичность этих сведений очевидны.

Однако тут же автор проявляет знание в основном верных исторических сведений из жизни Чингиз-хана. Например, читаем: «После этого да будет известно вам то, что Чингиз-хан родился в 549 году по летоисчислению нашего пророка Мухаммеда, в год свиньи, в месяце зу-л-каада. Затем Чингиз-хан прожил 72 года. В 13 лет он сел на царство; ханствовал 59 лет. Юртом рождения, жизни и правления Чингиз-хана является Китай. Далее, прожив 72 года, скончался он в год свиньи, 14-го числа благословенного месяца рамазана 624 года. На свете осталось [лишь] слово о нем».

Даты, представленные здесь, весьма примечательны: 549 г. хиджры соответствует 1155 году, а 624—1227 году, и оба эти года были годом свиньи по животнов-циклическому календарю, а Чингиз, как известно, прожил 72 года по солнечному летоисчислению⁵⁴.

Есть все основания полагать, что человек, располагавший такими данными, имел в своем багаже и другие исторически достоверные сведения о жизни основного героя книги. Но почему же тогда преобладает фольклорно-легендарное начало в жизнеописании Чингиза? Причиной, видимо, являются социально-политические воззрения и историографическая тенденция анонимного автора.

II. ГЛАВА ПОВЕСТИ ОБ АКСАК-ТИМИРЕ⁵⁵. Владелец Индии Джадай-хан (Чагатай) видит страшный сон, на основе которого гадатели снов предсказывают, что его смерть произойдет от рук еще не родившегося сына некоего Тарагая, жителя местности Алмалык. Напуганный хан велит умертвить ребенка в утробе матери. «Так этот глупец хотел избежать предписанную богом судьбу». Но погибает лишь мать. Мальчику, родившемуся с хромой ногой, дали имя Аксак-Тимир, что означает «железный хромоногий». Он рос сиротой, пас овец и телят у богатых людей.

Однажды, когда он лежал у стены, ему пришлось наблюдать следующую картину. Слепой на один глаз и хромой на одну ногу муравей, несмотря на то, что он несколько раз упал, все же взобрался на верх стены. Тимур-пастушок пришел к выводу и сказал себе: и ты хромой, если будешь упорным, достигнешь счастья и станешь ханом! Поэтому во время игр со сверстниками он всегда пытался быть «ханом» — предводителем. А когда повзрослел, Тимур организовал настоящую дружину, в которую собрал обиженных и рабов. Грабил и убивал он только богатых;

⁵⁴ Срав.: С. А. Козин. Сокровенное сказание, стр. 91. Рашидаддин. Сборник летописей, I, кн. 2, стр. 233—234. Анонимный автор даже «точнее» этих источников, в которых назван месяц смерти, но не указано число.

⁵⁵ Р. Джиганшин. Дафтар..., стр. 23—27; И. Хальфин. Жизнь..., стр. 61—82 рус. перевод: В. А. Панов. Богатырские сказания о Чингизхане..., стр. 219—240.

от рук Тимура погибает и хан Джадай. Вчерашний пастушок становится правителем Индии и владетелем еще ряда стран. Завоевывает он и Стамбул, правителем которого был «шах-султан». На этом кончается первая часть дастана о Тимуре.

Фантастичность, легендарность этих рассказов бесспорна. Если сын Чингиза Чагатай-хан не правил Индией, то и Тимур не был его современником. Фальсифицированность биографии и происхождения Тимура в средневековой мусульманской историографии общезвестна⁵⁶. Даже существует и специальная «автобиография», приписываемая самому Тимур. Кроме имени отца (Тарагай) наш «Дафтар» с этой мистификацией не имеет ничего общего. Но в изображении Тимура борцом за ислам «Дафтар» и «автобиография» несколько перекликаются⁵⁷. Что касается места рождения Тимура, которым назван Алмалык, то это также неточно, ибо Тимур родился в селении Ходжа-Ильгар⁵⁸.

Однако в отличие от традиционных толкований, в которых будущий завоеватель изображался выходцем из знатного рода, почему и умалчивалось о начале его деятельности, наш анонимный автор рисует его типичным предводителем бунтовщиков, тем самым подтверждая предположение В. В. Бартольда, что, вероятно, «Тимур начал свою деятельность в качестве атамана шайки разбойников»⁵⁹. Трудно установить — влияние ли это какого-нибудь источника или результат тенденциозности концепции самого автора, всячески подчеркивающего плебейское происхождение грозного мирозавоевателя.

Завоевание Тимуром Анатолии⁶⁰ преподнесено также в легендарном духе. Плененный Тимуром Баезид I назван не своим именем, а просто — «шах-султан». Столицей турок ошибочно назван Стамбул.

Все это говорит о том, что автор «Дафтар» при составлении начальной части дастана пользовался не исторически документированным источником, а оперировал произведением литературным или фольклорным⁶¹.

Вторая часть главы рассказывает о завоевании Тимуром Астрахани, Булгара, Биляра и других северных стран. К этому походу Тимур готовился долго и тщательно. Ответные меры

⁵⁶ В. В. Бартольд. История Туркестана..., стр. 153; А. А. Семенов. Надписи на надгробиях... и др.

⁵⁷ Автобиография Тамерлана, стр. 24, 34 и др.

⁵⁸ В. В. Бартольд. Улугбек и его время, стр. 39.

⁵⁹ Там же, стр. 38.

⁶⁰ Подроб. см.: История народов Узбекистана, I, стр. 358—359.

⁶¹ Имеет ли «Дафтар» какую-либо общность с недатированным «Дастаном» о Тимуре некоего Сайида Мухаммед-ходжи бин Джафар-ходжи («Собрание восточных рукописей АН Уз. ССР», I, № 206, V, № 3503), сказать что-либо определенное пока не могу, так как не было возможности ознакомиться с рукописями последнего «дастана». О какой-то «Легендарной истории Тимура» без каких-либо подробностей сообщает и В. В. Бартольд (Отчет о командировке..., стр. 216).

предпринимал и владетель Булгара Абдулла-хан. Предварительное столкновение кончилось полным поражением последнего. Булгарцы заперлись в городе. После семилетней осады 20-го дня зу-л-хиджи 700-го года (27. VIII. 1301 года!) Булгар был взят штурмом. 124 великих бека были казнены, а их жены взяты в плен. Среди беков самыми старшими были четверо: Икбал-бек, Кули-Али-бек, Хаши-бек и Маркаш-бек. От погибшего Абдуллы-хана осталось двое малолетних сыновей: Алтын-бек и Алим-бек. Затем Тимур осадил город Булар, то есть Биляр

(بولار, بلغار), правитель которого Самат был ха-

ном племени барадж⁶³. По совету одного мудреца Самат сдал город без боя.

После ограбления жителей и казни беков Тимур по ночам стал ходить среди населения, чтобы узнать их мнение о случившейся беде. Того, кто обвинял Тимура, на следующий же день он казнил, а кто к судьбе относился покорно, завоеватель щедро награждал. Такую благосклонность грозного карателя получает и вдова одного бека: ей с ее детьми Тимур дарит полную свободу. Ее один сын, по имени Инсан-бек переселяется в Горную сторону и обосновывается на реке Кубня, приток реки Свияги, а второй, Ихсан-бек, возвращается на устье реки Зай, на землю своих предков⁶³. Далее перечисляются потомки Инсана и Ихсана.

После Биляра Тимур направляется в сторону Москвы, достигает пограничного города Владимира. Царем «неверных» в то время, оказывается, был Михайла, который также готовился к сражению. Во Владимире во сне Илья-пророк велит Тимуру вернуться в свою страну. Тимур подчиняется, но перед отступлением показывает чудо: бросает в сторону «неверных» трехлетнюю лошадку, которая своим телом разрушает башню монастыря и, пролетев три версты расстояния, падает на землю, где образуется озеро.

По пути на родину Тимур приводит в ислам кочевых ханов Амата и Самата, покоряет Бухару, Ташкент, Яркенд и др. В завоеванном им Самарканде приходит его последний час; на могиле его возводят покрытый золотым куполом мавзолей⁶⁴.

⁶² Исконным местопребыванием этих бараджцев, согласно анониму, было устье реки Зай. Их оттуда выгеснил дракон اژدها по имени «Барадж»

باراج. Они, поселившись на реке Биляр, около Булгара, стали называться бараджом; а их новый город — Биляром.

⁶³ Эти места дастана проанализированы Х. Френом (С. М. Fraehn. *Bulgariae...*, pp. 206—209).

⁶⁴ О Гур-и эмире см.: В. В. Бартольд. О погребении Тимура...; А. А. Семенов. Надписи на надгробиях...

Повесть заканчивается словами: «И, чтобы память о нем осталась до конца мира, и передавалась она из уст в уста и дабы людям было в назидание, мы сочинили сей дастан. Надеемся, что читатель и слушатель вспомнят [нас] с молитвой и не возгордятся в этом брэнном мире, не забудут приказания Господа Бога...»

И эта часть дастана «Дафтар-и Чингиз-наме», в основном, носит легендарный, фольклорный характер. Сообщение о завоевании Тимуром Булгара, которое вызвало целую полемику в литературе, будет рассматриваться ниже, при анализе последней части «Дафтар», с которой обычно связывают это известие. Что касается рассказов о взятии Тимуром Биляра, о посещении им Владимира, то они не поддаются непосредственной перекрестной проверке на основе других источников. Легенду же о сновидении Тимура на границе Руси знали и русские летописцы, однако, они ей дали несколько иную окраску, ибо у них речь идет о страшном сне⁶⁵.

Наличие шаджара — генеалогии в этой части повести говорит о том, что в основу этих рассказов книги легли малоизвестные нам татарские предания.

В историографическом отношении весьма интересно то, что здесь мы встречаемся с болгарской тематикой. Это, несомненно, свидетельствует о преемственности традиций исторической мысли и болгарского периода казанскими татарами.

III. ГЛАВА ПОВЕСТИ ОБ АМАТЕ СЫНЕ 'АЙСЫ⁶⁶. Этот небольшой по объему дастан среди повестей «Дафтар» занимает особое место по своим художественным достоинствам. В нем довольно красочно рассказывается полуприключенческая и полулюбовная история, героями которой являются золотоордынский хан Джанибек, его жена Тайдулы, их сын Бердибек, ханская дочь (имя ее не названо) и Аमत.

Хан Джанибек велел умертвить свою новорожденную дочь, но жена не послушалась приказа и отправила ее к сыну Бердибеку. По поручению Джанибека Аमत возвращает Бердибека и спасенную им сестру. Однако хан, нарушив свое обещание, собирается выдать царевну за другого человека, и Аमत вынужден украсть ее. Происходят военные столкновения. Аमत живет с царевной у Волги на горе Зуя, которую люди называли «Девичьей горой». Здесь жена Амата рождает сына. Но во время боев ребенок попадает в руки лесосплавщиков, которые увозят его в Астрахань, из-за чего ему дают имя Салчи, что означает «плотовод». Между тем, после смерти Джанибека, Аमत служит Бердибеку. А Салчи, выросший в царской семье и получивший военное воспитание, стал заниматься разбоем. На упреки, что он

⁶⁵ ПСРЛ, XI, стр. 159, 252.

⁶⁶ Р. Джиганин. Дафтар..., стр. 37—40, рус. перевод: История Чингиз-хана, стр. 152—157.

угнетатель и безродный, Салчи отвечал: почему от безродного требовать благородства?

Дастан кончается словами: «Салчи родился от дочери Джанибек-хана и является племянником ханскому дому; он — сын Амата».

Судя по стилю дастана, в его основе лежит эпос, который в свою очередь также основан на подлинном историческом событии, но сильно фольклоризированном. Между прочим, имеются образцы других, но очень отдаленных и поздних (например, ногайских) версий этого эпоса, которые записали В. В. Радлов и др.⁶⁷. Если принять во внимание, что во всех золотоордынско-тюркских эпических произведениях (об Идигэ, Мамае, Чуре и др.)⁶⁸ фигурируют исторические лица, то не вызывает сомнения историчность и Амата, сына 'Айсы (Иса). Что касается общей канвы событий, изображенных в рассказе, то они не очень далеки от реальности: напряженные отношения между Джанибеком и его сыном общеизвестны⁶⁹. В «Дафтар» они, естественно, фольклоризированы. Одну из жен Джанибека действительно звали Тайдулы⁷⁰. Хотя А. Ю. Якубовский считает ее женой Навруза⁷¹, «Московский летописец» прямо называет ее женой Джанибека⁷².

Историческим лицом является и отец Амата — Иса ('Айса). Согласно сведениям Ибн Баттуты и Вассафа, он был зятем хана Узбека (Иса-бек, Иса-гурган)⁷³. В идентичности этих двух лиц сомневаться не следует, ибо и сын Амата — Салчи фигурирует в исторических источниках. Например, Никоновская летопись, говоря о походе новгородских ушкуйников в 1375 году в Астрахань, сообщает, что этих разбойников перехитрил астраханский князь Салчей⁷⁴.

Получается поразительное совпадение возрастов и дат: Иса был зятем Узбека; Амаат начал действовать при Джанибеке, который умер в 1357 г., но он был значительно моложе хана. А его сын Салчи, согласно «Дафтар» разбойничавший в Астрахани, вполне мог жить и быть взрослым в 70-е годы XIV в., когда русская летопись, говоря об Астрахани, упоминает его.

Достойны внимания и слова анонимного автора, когда он говорит, что Амаат некоторое время жил у Волги на горе Зуя (гора у реки Свяги) и что эта гора стала называться «Девичьей». Как писал филолог Дж. Валидов, в Тетюшевском уезде (ныне Тетюшский р-н ТАССР) одна гора до сих пор

⁶⁷ В. В. Радлов. Образцы..., VII, стр. 184—185, 211—214; Ногайские народные песни, стр. 27—33 и др.

⁶⁸ Там же, IV, VII.

⁶⁹ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда..., стр. 269—270.

⁷⁰ В. Г. Тизенгаузен. Сборник..., II, стр. 129.

⁷¹ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда..., стр. 120.

⁷² ПСРЛ, XXV, стр. 180.

⁷³ В. Г. Тизенгаузен. Сборник..., I, стр. 295—296; II, стр. 83, 89.

⁷⁴ ПСРЛ, XI, стр. 24. См. выше стр. 76—77.

называется «Девичьей горой», и этот топоним у народа связан с именем какой-то царевны⁷⁵.

Таким образом, сведения дастана об Амате, несмотря на преобладание в них литературного начала, вполне достойны пристального внимания историков. Требуется лишь одно: умело снять литературно-фольклорные наслоения с действительно исторических известий.

IV. ГЛАВА ПОВЕСТИ ОБ ИДИГЭ-БЕКЕ⁷⁶. Об этой главе «Дафтар-и Чингиз-наме» нет надобности подробно говорить, так как здесь представлена краткая версия уже известного нам по «Сборнику» Кадыр-Али-бека шаджара (родословного) Идигэ. Генеалогия начинается от Абу-Бакира и кончается самим Идигэ-беком. Отклонения незначительны, в основном, в орфографии отдельных слов. Включение же шаджара в состав «Дафтар» еще раз говорит о том, что сочинение Кадыр-Али-бека было распространенным среди татар. Влияние «Сборника» на «Дафтар», однако, не ограничивается лишь одним этим фактом.

V. ГЛАВА ПОВЕСТИ О МЕСТОПРЕБЫВАНИЯХ И ВЛАДЕНИЯХ⁷⁷. Небольшая по объему, но очень путаная по содержанию глава, в которой, кроме раздробления территории Золотой Орды на мелкие и несуществовавшие «ханства», перенесены в Поволжье и Приуралье «царствования» таких древнетюркских легендарных правителей, как Кара-хан, Бугра-хан и др.

Имя Абу-л-Хайира, юртом которого якобы была Бухара, подобно Кадыр-Али-беку, дано в форме «Булгаир-хан» (в некоторых списках просто «Булгар-хан»). Достойна внимания, однако, лишь одна очень лапидарная фраза, в которой говорится, что «Ак-Туба была юртом Бачман-хана». Здесь имеется в виду, несомненно, тот Бачман, который был предводителем антимоңгольского движения кыпчаков Поволжья, и который был схвачен монголами между Волгой и ее рукавом Ахтубой⁷⁸. Следовательно, в XVI—XVII веках татарская литература еще помнила об этой весьма замечательной исторической личности.

VI. ГЛАВА ПОВЕСТИ ПО ИСТОРИИ⁷⁹, или так называемая «татарская летопись» («отрывок татарской летописи»). Она начинается со знаменитой в своем роде фразы, которая стала объектом споров в течение более ста лет: «Был 700-ый год [хиджры, то-есть 1300—1301 год], когда Аксак-Тимир взял город

⁷⁵ Дж. Валидов. Развитие..., стр. 70, примечание.

⁷⁶ Р. Джиганшин. Дафтар..., стр. 41—42; И. Хальфин. Жизнь..., стр. 83—85.

⁷⁷ Р. Джиганшин. Дафтар..., стр. 42; И. Хальфин. Жизнь..., стр. 86.

⁷⁸ Рашид ад-дин. Сборник летописей, II, стр. 38; В. Г. Тизенгаузен. Сборник..., II, стр. 24 (Джувейни).

⁷⁹ Р. Джиганшин. Дафтар..., стр. 43—45; И. Хальфин. Жизнь..., стр. 87—91; русск. перевод: Н. Ф. Катанов, М. И. Покровский. Отрывок...

Булгар у Абдуллы-хана». Затем следует рассказ о скитаниях болгарских царевичей. Эти предания в более развернутом виде представлены были в специальной главе «Дафтар» о Тимуре. Однако большинство исследователей это известие рассматривали либо в связи с изучением «летописей», либо тогда, когда касались «Таварих-и Булгария» Муслими. Как увидим в следующей главе, известия Муслими об «уничтожении» Тимуром Булгара целиком основываются на сведениях анонимного «Дафтар» и собственном вымысле.

Известие о походе Тимура в Булгар по-настоящему стало привлекать внимание историков с середины XIX в. Впервые подробно анализу его подверг С. М. Шпилевский, который, критикуя апохронизмы татарских преданий как данной «летописи», так и «Таварих-и Булгарии» Муслими⁸⁰, сделал вывод, что Булгар разрушил не Тимур (Тамерлан), а золотоордынский хан Менгу-Тимур, умерший в 1282-году⁸¹.

Позднее этот вывод, не менее апохроничный, чем известия татарских преданий, был подвергнут сомнению Г. Н. Ахмаровым. Он отрицал разгром Булгара как Менгу-Тимуром, так и Тамерланом и гипотетично допускал, что город мог разрушить золотоордынский князь Булат-Тимур. Свое предположение Г. Н. Ахмаров повторил несколько раз⁸².

Действительно, в русских летописях имеются сведения о походе этого князя на Булгар, например, в Московской летописи под 1361 годом говорится следующее: «Булак Темер князь Ордынскы Болгарь взял и все города по Волзе и улусы и отня весь Волжский путь»⁸³. Больше ничего не сказано. Поэтому Н. Ф. Катанов так же, как Г. Н. Ахмаров, осторожно подходил к этому вопросу, оговариваясь, что «за неимением достаточных данных вопрос о годе разрушения Булгара должен остаться невыясненным»⁸⁴. Но Х. Г. Гимади, однако, уже безапелляционно заявил, что Булгар разрушил Булат-Тимур, а его «нашествие... несомненно явилось карательным мероприятием Золотой Орды против народа, который шел по пути обособления от ордынского владычества»⁸⁵; данное известие он почему-то приписывал лишь Муслими. В первом томе истории Татарии этому «разорению» Булгара Булат-Тимуром посвящен уже целый подпараграф⁸⁶.

Видимо, такая тенденция оказала влияние на А. П. Смирнова, который, например, в 1951 году был склонен считать, что

⁸⁰ С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 83—86.

⁸¹ Там же, стр. 87.

⁸² Г. Ахмаров. Разбор татарских сказаний [протокол]..., стр. 159. Его же. История Булгара, стр. 103; Его же. История Казани, стр. 36.

⁸³ ПСРЛ, XXV, стр. 181.

⁸⁴ Н. Ф. Катанов, И. М. Покровский. Отрывок..., стр. 325.

⁸⁵ Х. Г. Гимади. Народы Поволжья..., стр. 219.

⁸⁶ История ТАССР, I, стр. 94—96. В новом пособии по истории республики о завоевании Булат-Тимуром Булгара говорится более обтекаемо (см. История ТАССР, однотомник, стр. 66).

Булгар вполне могли ограбить отдельные отряды из армии Тимура (Тамерлана)⁸⁷, однако, в 60-е годы пересмотрел свое мнение в пользу сомнительного Булат-Тимура⁸⁸.

М. Г. Сафаргалиев считает, что Булгар и другие города «были несомненно разграблены и опустошены Тимуром во время второго похода 1395 года»⁸⁹. Правда, в этом утверждении вместо слова «Тимуром» более подходила бы первоначальная фраза А. П. Смирнова — «отдельными отрядами» из армии Тимура.

Что касается интерпретаций, в которых виновником падения Булгара считается Булат-Тимур, то они весьма уязвимы. Во-первых, вряд ли мог этот эмир в им же «до основания» разрушенном городе править, чеканить монеты, и совершать оттуда набеги в другие области⁹⁰. Во-вторых, довольно не равнозначны по смыслу слова русской летописи «взял» и «отнял», выражения Муслими и Гимади «разрушил», «сравнил с землей».

Сообщение «Дафтар» о взятии Тимуром Булгара также вызывает сомнения. Как говорили Н. Ф. Катанов и другие историки, о непосредственном посещении самим Тимуром Булгара нет прямых данных. Если в 700 (1300—1301) г. Тимур еще не родился, то в 800 (1397—1398) г.⁹¹ он был в Индии.

Правда, позднее, когда Тимур в 1391 и 1395 годах совершал свои опустошительные походы на Золотую Орду, при которых сравнивались с землей многие города Нижнего Поволжья, по словам Шараф ад-дина Йезди, его армия была на территории Булгарии, например, на реке Иик (Ик)⁹². А разгром войска Токтамыша произошел на р. Кундурча (Кундузча)⁹³, что течет несколько южнее современных границ ТАССР. Это было в 1391 г.

Во время второго похода Тимура в 1395 году, согласно тому же Йезди, Токтамыш-хан «бежал», ушел в сторону Булара⁹⁴, хотя издатели тизенгаузеновского «Сборника» слово Булар (Бүләр) объяснили в сноске как «Польша». С таким объяснением можно и не согласиться, так как Йезди тут же пишет следующие слова: «Победоносное войско с этой стороны реки (то есть с восточной стороны Волги, так как войско Токтамыша перешло «на ту» — западную сторону реки! — М. У.) дошло до того же места, до которого оно в первый поход на Дешт добралось

⁸⁷ А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 71.

⁸⁸ А. П. Смирнов. Роль Болгарского государства..., стр. 67.

⁸⁹ М. Г. Сафаргалиев. Распад..., стр. 164.

⁹⁰ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 93; П. С. Савельев. Монеты джучидские..., стр. 198; М. Г. Сафаргалиев. Распад..., стр. 118—119 и др.

⁹¹ В хрестоматии Хальфина (Жизнь..., стр. 87) после 700-го года стоит фраза: «по истинным словам был 800-ый год». Это «исправление» внесено Хальфиным.

⁹² В. Г. Тизенгаузен. Сборник..., II, стр. 164.

⁹³ Там же, стр. 167; Очерки истории СССР, IX—XV, стр. 438; История Узбекской ССР, I, кн. I, стр. 322.

⁹⁴ В. Г. Тизенгаузен. Сборник, II, стр. 178.

с той стороны реки и ограбило [все это]. Место же это недалеко от «страны мрака». Победоносная армия и в этот раз ограбила большую часть Дешт-и Кыпчака»⁹⁵.

Во-первых, как видим, армия Тимура действовала в обширном районе Нижнего и Среднего Поволжья, как на западной, так и на восточной сторонах Волги. Во-вторых, фраза «страна мрака» в устах персидского автора (но не арабского!), хорошо знавшего географию, вероятнее относится к северу, Болгарии, чем к Польше — западу. В-третьих, графика «Булара» Йезди и «Булар-Биляра» нашего «Дафтар-и Чингиз-наме» довольно близки

по начертанию (بولر، بولار). В-четвертых, как совместить

сведения русских летописей о посещении Тимуром Рязанской земли⁹⁶ с «обходом» богатого Булгарского улуса Золотой Орды?

Конечно, эти предположения еще не решают спорного вопроса до конца, но они, на наш взгляд, звучат более убедительными, чем версия о разрушении Булгара Булак-Тимуром.

Впрочем, сохранилось еще одно интересное татарское толкование деятельности Тимура. Речь идет об одном стихотворении, которое, по словам историка Х. Амирхана, принадлежало казанскому хану Мухаммед-Амину⁹⁷. Цитируем его полностью:

Чыкты нижрәтдин жеди йүз әллидә,—
Түшди галәмгә хәраблык зилзилә,
Үзи аксак гәклы ахмак, фитнәдар,
Зулмыны изһар кыйлды һәр йәрә.
Күп гулама вә мәшаихлар шәһид
Булдылар һәм дини илсам нурилә.
Дари ислам фитнәсиьдин, бил Гәйан,
Булды вәйран, акгы йәшләр хәүф илә.
Нә жәваб берүр худа кашидә ул,
Сурса алла шиддәт-о-фикаб илә?!
Иа илаһи, әйлә ул бәндәнин сән
Ахирәтдә залым-о-жаһил илән.

«Явился [Тимур] в 750 году, и мир исполнился гибельных землетрясений; сам он будучи хром, а умом глуп, распространил всюду мрак смятений. Много ученых и старцев мучениками стали, освященные верою ислама. Страна ислама от смятений, знай верно, опустела, и полились слезы. Что же ответит он перед Богом, если господь будет допрашивать строго? О Боже мой, сего раба своего ты на том свете суди как жестокого язычника!»⁹⁸

⁹⁵ В. Г. Тизенгаузен. Сборник..., II, стр. 178.

⁹⁶ ПСРЛ, XI, стр. 159, 252.

⁹⁷ Х. Амирхан. История Булгарии..., стр. 60.

⁹⁸ Перевод дается по Н. Ф. Катанову (Исторические песни..., стр. 304). Представляет интерес дата 750 (1349—1350) год, ибо в это время Тимур был юношей, возможно уже начавшим свою грозную деятельность.

Несомненно, что в этом стихотворении речь идет о Хромом Тимуре. Но вопреки утверждению Н. Ф. Катанова, будто бы казанский хан проклинает его за разрушение Булгара⁹⁹, должен заметить, что в нем нет ни слова о последнем городе. Вряд ли правы были А. Рахим и Г. Губайдуллин, когда они писали, что это стихотворение могло быть создано позднее¹⁰⁰. Если же язык произведения относительно нов, то он скорее всего был обновлен кем-то позднее. Антитимуровский тон его не дает полного основания считать, что стихотворение могло создаваться в новые времена, когда вследствие усиления фанатизма, Тимур был превращен в защитника религии и в татарской исторической литературе. Автором произведения вполне мог быть просвещенный джучид или сторонник его, который не прощал Тимуру побед последнего в Поволжье.

Наконец, следует вспомнить тот факт, что город Булгар существовал в XV веке, и окончательно погиб лишь в 1431 году, в результате похода князя Федора Пестрого¹⁰¹.

После сообщения о гибели Булгара аноним рассказывает об основании детьми Абдуллы-хана — Алтын-беком и Алим-беком Старой, а через 104 года — Новой Казани, где ханство существовало еще 158 лет. Ш. Марджани к этим сведениям относился скептически¹⁰². Попытки Г. Н. Ахмарова¹⁰³ отождествлять Алим-бека с прещественником Улу-Мухаммеда и Махмутека неким Али-беком (Ли-бей)¹⁰⁴ или с Али-баба¹⁰⁵ заслуживают внимания. Между прочим, М. Г. Сафаргалиев также пришел к такому выводу¹⁰⁶.

Дату — именно, «104 лет», Н. Ф. Катанов присовокупил к 158 (срок существования ханства) и сумму отнял от 1552 (год падения Казани)¹⁰⁷, что не удачно. Если же вычесть из 1552 второе число — 158, то получится 1394 год — период тимуровских кампаний в Поволжье. Вполне возможно, что после разгрома Тимуром крупных городов Золотой Орды¹⁰⁸, Казань стала административным центром края, на базе которого в XV веке

⁹⁹ Н. Ф. Катанов. Исторические песни..., стр. 303.

¹⁰⁰ А. Рахим, Г. Газиз. История..., стр. 138—139.

¹⁰¹ История ТАССР, I, стр. 96. Констатацией этого факта Х. Г. Гимади и его последователи били по своим же концепциям, так как, если верить Х. Муслими, после посещения Тимуром Болгара там камня на камне не осталось. В «Дафтаре» о таком основательном разрушении не говорится.

¹⁰² Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 93.

¹⁰³ Г. Ахмаров. История Казани, стр. 36—37.

¹⁰⁴ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование..., I, стр. 3—4.

¹⁰⁵ ПСРЛ, XXV, стр. 248.

¹⁰⁶ М. Г. Сафаргалиев. Распад..., стр. 247.

¹⁰⁷ Н. Ф. Катанов, И. М. Покровский. Отрывок..., стр. 325.

¹⁰⁸ Как установил Н. Ф. Катанов, автор «татарской летописи», то есть автор «Дафтара», систематически ошибается на один—два года. Поэтому 1394 год является приблизительной датой.

образовалось ханство. Действительно, начиная с 1395—96 годов, Казань регулярно упоминается в русских летописях¹⁰⁹. В таком случае время возникновения города Казани можно было бы отнести к 80—90 годам XIII в. (1394 минус 104).

Итак, это известие «Дафтар» также заслуживает внимания, ибо оно говорит в пользу того, что становление Казанского ханства обусловлено не только появлением Улу-Мухаммеда на Среднем Поволжье, но также предварительным обособлением края в административном отношении¹¹⁰.

Что касается дальнейшего перечисления имен казанских ханов, то оно также не лишено историчности. Достаточно указать на первый перечень казанских ханов, сделанный К. Фуком, который почти целиком повторял сведения «Дафтар-и Чингиз-наме»¹¹¹. Отдельные неточности вполне поддаются исправлению на основе русских летописей. Но «Дафтар» существенно исправляет в свою очередь последние, в которых татарские имена искажены порою до неузнаваемости.

Затем в довольно отрывочных фразах перечисляются события, произошедшие после падения Казани. Следует лишь напомнить, что все они соответствуют сведениям других, более подробных и документированных источников. Поэтому значение этой части шестой главы не очень велико. Правда и здесь имеются отдельные известия, которые вполне оригинальны. Например, под 1615 годом говорится о восстании татар под руководством Джан-Али. Это одно из редких сведений об этом движении. Характерно, что его не могли правильно объяснить ни Н. Катанов в 1905 г., ни Г. Губайдуллин в 1923 г., которые связывали это событие с именем одного ногайского хана XVI века¹¹². Лишь в 1925 году было установлено тождество этого Джан-Али с «изменником» Еналеем Еммаметовым русских актовых материалов, которые еще в 1902 году опубликовал Е. Малов¹¹³.

Правильность сведений анонимного автора подтверждается и другим малоизвестным актовым документом — челобитной казанских служилых татар, в которой последние не без гордости вспоминают об участии своих предков в подавлении названного восстания¹¹⁴. Только после сопоставления всех этих данных

¹⁰⁹ ПСРЛ, XI, стр. 163.

¹¹⁰ Речь идет не о династии казанских государей, начало которой действительно связано с именем названного хана.

¹¹¹ К. Фукс. Краткая история... (оба издания); Н. Ф. Катанов, И. М. Покровский. Отрывок..., стр. 335—337; Г. Худяков. Очерки...

¹¹² Н. Ф. Катанов, И. М. Покровский. Отрывок..., стр. 327; Г. Газиз. Две рукописи..., стр. 68.

¹¹³ Е. Малов. Древние грамоты..., док. № 3; А. Рахим, Г. Газиз. История..., стр. 111—112.

¹¹⁴ А. Ф. Россоловский. Военная служба...

восстание под предводительством Джан-Али, как крупное событие, вошло в научную литературу¹¹⁵.

Немаловажную услугу «Дафтар» оказал науке своим последним известием — сообщением о башкирском восстании в 1681—1683 гг. под руководством Сайид-Джагфара. Об этом движении также молчали другие доступные науке источники. Например, Катанов вынужден был ограничиться по этому поводу лишь таким общим замечанием, что башкирские восстания продолжались более двухсот лет¹¹⁶. Смутное представление о нем имел и советский историк А. Чулошников, у которого имя предводителя дано в несколько искаженном виде: Сеит Садиир¹¹⁷. Только В. Н. Устюгову, который черпал свои сведения из архивных материалов, удалось поднять некоторую завесу над этим движением.

Однако, судя по его следующей цитате, В. Н. Устюгов также зависел от нашего источника: «В «Татарской истории» Мустафы Мухамметова, написанной полвека спустя после Сеитовского восстания, имеются сведения о провале агитации Сеита: «Башкирский народ оного Сеита Сафар-хана ханом не почитали и по его велению не лоступали и, оставя его, приехали в Россию»¹¹⁸.

Для сравнения даю перевод отрывка из татарского подлинника: «В 1091 году... в год собаки¹¹⁹ среди башкирского народа появился один мусульманский хан, который призвал народ к вере. В нем самом были свойственные святым чудотворения. Именовали этого хана Сайид-Джаграф-ханом. Напоследок весь род людской [и] весь башкирский народ перестали считать этого хана ханом; не действовали по его указаниям; изменили [в пользу] иноверцев-русских, проявляя к ним любовь, опять перешли к этим неверным. Наконец, по изволению грозного гнева всевышнего Бога, [башкиры] оказались связанными и обессиленными у русских, которыми были и истреблены, а [оставшиеся] лишались истинной веры. Участь изменников всегда такова!»

Как видим, В. Н. Устюгов пользовался сокращенным переводом этого известия, а его атрибуция и датировка вовсе ошибочны. Устранение же этих ошибок дает нам более интересные и ценные в источниковедческом отношении выводы.

¹¹⁵ История ТАССР, I, стр. 165; Очерки истории СССР, XVII в., стр. 794; История ТАССР, однотомник, стр. 112.

¹¹⁶ Н. Ф. Катанов, И. М. Покровский. Отрывок..., стр. 332.

¹¹⁷ Материалы по истории БАССР, I (1936), стр. 38—39.

¹¹⁸ Очерки истории СССР, XVII в., стр. 811. Основание автора: ЦГАДА, ф. «Правительствующий Сенат», д. 1164, л. 901 об.

¹¹⁹ 1091 г. хиджры равняется 1680—81 году, но годом собаки был 1682 г. Как было отмечено выше, автор, когда он оперирует Лунным календарем, ошибается на 1—2 года (см. примечание № 108).

ЭПОХА СОЗДАНИЯ ПАМЯТНИКА И ЕГО АВТОР

Датировка «Дафтар»

Ошибочность утверждений В. Н. Устюгова обусловлена тем, что он, не владевший татарским языком, пользовался чиновничьим переводом последней главы «Дафтар-и Чингиз-наме», который был выполнен в 1737 г. для В. Н. Татищева оренбургским переводчиком Арсланом Бекметовым. Именно этот Бекметов переименовал значение концовки текста: «А в конце имя писателя пишется тако: писал Мустафа Кутлу-Мухамметов»¹²⁰.

В действительности оригинал текста (вернее, фрагмент списка «Дафтар»), который представлен рядом с переводом, после завершающей главу фразы источника: «...Участь изменников всегда такова», содержит следующий краткий колофон¹²¹:

تمت تمام كتبه مصطفى بن قوتلونغ محمد،

то есть «Окончена целиком. Переписал ее (книгу — М. У.) Мустафа сын Кутлуг-Мухаммеда».

Таким образом, если А. Бекметов переписчика рукописи превратил в автора сочинения, то В. Н. Устюгов из отчества составителя списка опустил часть имени «Кутлуг» и получил совершенно новую фамилию.

Не соответствует действительности и другое утверждение В. Н. Устюгова, что сочинение составлено в 30-е годы XVIII в. Дело в том, что во многих наиболее качественных списках и неиспорченных редакциях «Дафтар» (Р. Джиганшин, В 2640, В 2672, В 743, Т. 581, Т. 762 и др.) повествование кончается выщелитированным, вполне законченным по форме и содержанию рассказом.

Такая целенаправленная концовка соответствует всему идейно-политическому замыслу, композиции и форме сочинения. Вспомним, например, его введение-шаджара, которое также завершается сообщением о вероотступничестве касимовского царевича около 1653 г., в период ликвидации мнимого «мусульманского ханства» в Касимове в 80-е годы того же столетия. Такое совпадение концовок программного «введения» и резюмирующей всю книгу заключительной главы, конечно, не случайно. Причины жалоб анонима на ослабление «истинной» веры и служили точкой отталкивания, своего рода стимулом составления

¹²⁰ ЦГАДА, ф. «Правительствующий Сенат», д. 1164, л. 901 об.

¹²¹ Там же, л. 902. Татарский текст памятника В. Н. Татищеву был доставлен известным татарским мирзой, царским чиновником-дипломатом, впоследствии генерал-майором Кутлу-Мухаммедом Тевкелевым, долго служившим в Оренбурге (о нем см.: В. Н. Витебский. И. И. Неплюев..., Казакско-русские отношения...; «Шурá», 1915, № 2—4 — статья Р. Фахрутдинова о Тевкелевых).

всего произведения, целенаправленного и тенденциозного. Исходя из всего этого «Дафтар-и Чингиз-наме» следует датировать 80-ми годами XVII столетия. Поэтому вполне прав был английский археолог Рьё, который на основе лишь одного списка высказал мнение, что этот памятник был создан в указанный период¹²². К такому же выводу самостоятельно пришел и Али Рахим¹²³.

Правда, среди списков «Дафтар» имеются отдельные экземпляры, в которых «летопись», то есть последняя глава, кончается сведениями, говорящими о событиях 30-х годов XVIII века (списки И. Хальфина, Ш. Марджани, рукописи: В 344, А 121). Поэтому В. В. Бартольд, знавший памятник лишь по хальфиновскому изданию, не соглашаясь с датировкой Рьё, относил его к первой половине XVIII столетия¹²⁴. Таким образом, В. В. Бартольд прав лишь в отношении датировки второй редакции заключительной главы «Дафтар». Применительно к всему памятнику его мнение не приемлемо.

Следует указать, что существуют и другие позднейшие редакции шестой главы, в которых «летописание» доведено до конца XVIII или до середины XIX всков (рукописи: В 744, Т. 1589. Т. 1658, персидский вариант¹²⁵ и т. д.). Эти и другие позднейшие наслоения нами специально не рассматриваются, так как они, во-первых, принадлежат разным авторам, следовательно, делают новые редакции «летописи» плодом коллективного творчества; во-вторых, содержание таких добавлений представляет больше историографический, чем источниковедческий интерес.

В связи с этим необходимо сказать несколько слов о формах распространения «Дафтар». Некоторые авторы каждую главу памятника принимали за оригинальные сочинения: отдельные части его действительно бытовали среди населения в самостоятельном виде, что и отражено в вышепредставленной археографической справке. Но как метко определил в свое время А. Рахим, это является лишь результатом позднейших «демонтированных» целого сборника разными лицами¹²⁶, переписывавшими лишь те главы, которые их больше интересовали.

В принадлежности отдельных частей произведения одному и тому же автору не сомневался в названном «Отзыве» и В. В. Бартольд.

¹²² Ch. Rieu. Catalogue..., pp. 282.

¹²³ Архив КИЯЛИ, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 6, л. 10.

¹²⁴ В. В. Бартольд. [Отзыв...], стр. 118.

¹²⁵ Среди таких редакций большой интерес представляет этот персоязычный вариант, о котором впервые сообщил Х. Атласов (Казанское ханство, стр. 21—22), представляя один отрывок из него. В последние годы М. А. Салахетдинова обнаружила еще один список этой версии, о чем специально сообщила. (Об одном неизвестном персидском сочинении...). Судя по содержанию, этот вариант летописи был составлен в конце XVIII века. Он и его татарский двойник (История Татарии в материалах и документах, стр. 122—124 и др.) заслуживают особого внимания.

¹²⁶ А. Рахим, Г. Газиз. История..., стр. 87.

Все же, отмечая единство частей исследуемого памятника, необходимо указать на следующее своеобразие его: «Дафтар-и Чингиз-наме» больше напоминает сборник, включающий, подобно сочинению Кадыр-Али-бека, отдельные повести-дастаны, которые довольно самостоятельны по форме, но объединены идейно-политической направленностью. Если применить современную терминологию, то оба сочинения больше тяготеют к тематическим собраниям очерков, чем к монографии. Примечательно, что в каждом из этих памятников изложение начинается с общего тюрко-монгольского сюжета и завершается местной тематикой. Кроме того один дастан оказался для обоих сочинений более или менее общим. Все это, естественно, не случайно.

О личности анонимного автора

О составителе «Дафтар-и Чингиз-наме» каких-либо прямых данных нет. Известно только, что он был довольно начитанным и в литературном отношении весьма талантливым человеком, жившим и творившим в последней четверти XVII столетия.

Спорны мнения Г. Губайдуллина, поддержавшего его А. Рахима и др., которые были уверены, что автором «летописи», следовательно и памятника в целом, был представитель татарского духовенства¹²⁷. Конечно, отдельные места в «Дафтар», где звучат антихристианские мотивы и протест против религиозного гнета, дают некоторое основание для такой интерпретации. Однако следует брать сочинение целиком и оценить воззрения автора также в целом, а при таком подходе мы наблюдаем несколько иную картину.

Во-первых, язык произведения принципиально отличается от языка и стиля татарских религиозно-теологических сочинений XVII—XVIII столетий, в которых, как было отмечено Э. Наджимом, господствовало влияние среднеазиатского, староузбекского литературного языка¹²⁸. Язык же нашего «Дафтар» — это выдержанный кыпчакско-татарский письменный язык, причем очень близкий к разговорной речи, и истоком его является литературный кыпчакский язык времен Золотой Орды. Поэтому вполне прав был английский ученый А. Давидс, который относил его к казанско-астраханскому наречию кыпчакского языка¹²⁹. Мнение И. Хальфина, что это сибирский диалект татарского языка¹³⁰, ничем не подтверждается. И совершенно прав был А. Рахим, который отметил, что язык памятника очень мало подвержен арабско-персидскому влиянию, поэтому занимает

¹²⁷ Г. Газиз. Две рукописи...; А. Рахим, Г. Газиз. История..., стр. 110; Архив КИЯЛИ, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 6, л. 15; В. А. Панов. Богатырские сказания..., стр. 35.

¹²⁸ Хорезми. Мухаббат-наме, стр. 20.

¹²⁹ A. Davids. A grammar..., p. XLI.

¹³⁰ И. Хальфин. Жизнь..., стр. 3.

особое место среди старотатарских литературных произведений¹³¹. Но А. Рахим допустил определенную некритичность тогда, когда он на основе издания И. Хальфина говорил о некотором османском влиянии на язык «Дафтар»¹³². Дело о том, что более ранние списки его абсолютно не содержат тех примеров, на которые ссылался ученый. Османско-турецкие элементы в языке отдельных списков являются результатом вмешательства редакторов конца XVIII и начала XIX веков. В этом виновен не только И. Хальфин, так как рукопись Дорн-527 (ГПБ), составленная независимо от тех списков, с которыми имел дело автор хрестоматии, также сильно обновлена по стилю. Словом, судя по языку памятника в целом, можно уверенно сказать, что такое светское по языку и стилю произведение не могло быть создано пером служителя религиозного культа.

Во-вторых, вряд ли правомерно всегда и везде религиозную тенденциозность связывать только с духовенством. Если анти-мусульманская миссионерская политика царизма в первую очередь отвечала интересам русских феодалов, а христианская религия явилась орудием в руках русских помещиков, то эта политика также в первую очередь задевала интересы оппозиционных татарских феодалов, лишая их земель, крепостных и других социальных привилегий. Значит, первичными авторами антихристианских протестов следует считать крупных татарских землевладельцев. Совсем не обязательно, чтобы их интересы выражали лишь представители духовенства, ибо и светская интеллигенция вполне могла включиться в идеологическую борьбу и тенденциозно оперировать религиозными чувствами населения. Поэтому более убедительно звучит другое утверждение А. Рахима о том, что автор дастанов, как представитель татарского феодально-аристократического общества, «претерпевающего болезненный процесс превращения прежнего военно-служилого класса, князей, мурз и служилых татар в класс торговой буржуазии (также в сословие «дворян-лапотников». — М. У.)... ярко отражает ненависть» ущемленной части татарских феодалов к царскому правительству, его грубой колонизаторской, миссионерской политике¹³³.

В-третьих, о непринадлежности автора к сословию духовенства говорит также непоследовательность чисто мусульманско-религиозной направленности его воззрений. Например, в I, III и V дастанах абсолютно не прослеживается влияние ислама. Наоборот, что особенно ярко выражено в основном

¹³¹ А. Рахим, Г. Газиз. История..., стр. 93.

¹³² Там же, стр. 92—93.

¹³³ Архив КИЯЛИ, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 6, л. 15. А в добавлениях к «летописи» в XVIII и XIX вв., как правильно подметил тот же А. Рахим, тон совершенно меняется; взамен «царя неверных» применяются фразы: «наш государь» и т. д.

тексте первой главы, автор нисколько не ревизирует монгольско-шаманские интерпретации «святого» происхождения Чингиза. Профессиональный представитель ортодоксального мусульманского духовенства вряд ли оставил бы такие «языческие» мотивы без изменения. Как известно и Абу-л-газы в своем сочинении Огуз-хана, общего прадеда всех тюрко-монголов, рисует истинным мусульманином. Таких попыток относительно рода Чингиза в анонимном «Дафтар» не наблюдается. Абсолютно свободна от мусульманского влияния и другая замечательная глава «Дафтар» — «Дастан об Амате».

Религиозные мотивы встречаются в повести о Тимуре, но не в такой степени, как у среднеазиатских историков, которые во времена царствований потомков хромого завоевателя превратили его в поборника ислама¹³⁴. Следовательно, автор «Дафтар» оказался здесь лишь под влиянием историографических традиций.

Как увидим при анализе «Таварих-и Булгария», по сравнению с интерпретацией «святой» миссии Тимура позднейшими татарскими писателями, анонимный автор нисколько свободен от религиозного фанатизма. Так же нужно понимать религиозные мотивы четвертой главы повести об Идигз-беке, которые больше принадлежат авторам эпоса, нежели автору «Дафтар».

Таким образом, собственные религиозные концепции создателя «Дафтар-и Чингиз-наме» следует искать в материалах лишь последней, завершающей главы этого сборника. Но здесь протест автора целиком направлен против национально-колониаторской политики царизма, который вел политику насилия в первую очередь против татарских феодалов. Значит, мы имеем дело не просто с религиозной нетерпимостью какого-то рыцаря «истинной веры», а с политическим протестом, который умело облечен в религиозные рамки. Это естественно — чисто социально-политические протесты татарских феодалов вряд ли нашли бы себе единомышленников и сочувствующих среди широких слоев населения.

Итак, автором «Дафтар-и Чингиз-наме» мог быть только светский человек, скорее всего представитель татарского высшего феодально-аристократического общества, оказавшегося в силу объективных условий в оппозиции к царизму, его социальной и национальной политике.

Однако, где, в каком конкретном регионе Поволжья жил этот анонимный автор, тщательно и умело скрывающий свою личность, определить пока трудно. Все же, как увидим при анализе шаджара¹³⁵, отдельные сведения намекают на заинское (река Зай, приток Камы) происхождение анонима.

На вопрос, почему он скрывал свое имя, также трудно найти

¹³⁴ В. В. Бартольд. Улугбек и его время, стр. 45–46.

¹³⁵ См. главу V данной работы.

определенный ответ. Возможно, что сыграли свою роль политические соображения. Может быть, аноним принадлежал к тому кругу татарских аристократов конца XVII века, которые по царскому указу в один прекрасный день лишились состояния, или же принадлежал к тем, которые изо дня в день ожидали «грозы». Постоянное внимание автора к антимусульманским действиям царизма и пристальное наблюдение им за башкирским национальным движением говорят о принадлежности его к оппозиционному кругу татарских феодалов.

Думать, что он принимал личное участие в башкирских восстаниях, мало оснований, ибо в таком случае башкирский мотив в его «Дафтар» прозвучал бы более конкретно. Автор же родо-племенные отношения башкир путает с общетюркскими, и вообще о башкирах говорит как об отдаленном третьем лице. Следовательно, он лишь издали наблюдал за их волнениями и сочувствовал им, поэтому знал некоторые подробности о причинах поражения восстания Сайид-Джагфара, в результате отпада определенной части сподвижников последнего. Но отход участников от восстания анонимом квалифицируется как измена «праведному хану» всего народа — «сын народа» (халк углы).

Большой интерес представляет содержание термина «сын народа». Характерно, что этот собирательный и до высокой художественности абстрагированный термин применяется почти во всех главах «Дафтар».

«Сын народа» во весь рост выступает в интересном треугольнике Чингиз — его братья-злодеи — «сын народа». На этом примере излагаются социально-философские воззрения автора по вопросам государственности, взаимоотношений государя и народа, роли и места каждого из них в сложной системе общества. Государь, монарх, по представлению анонима, должен быть добрым, справедливым, милосердным по отношению к подданным, должен отличаться своими личными качествами. А «сын народа» как один должен быть на стороне такого идеального хана; но он должен не только беспрекословно подчиняться ему, а также должен инициативно участвовать в решении важных вопросов жизни, политики, активно поддерживая достойного государя в борьбе с его противниками. При надобности «сыну народа» следует взять всю инициативу в свои руки. Так и поступает образцовый для автора «народный сын» времен Чингизхана. Например, когда братья-злодеи хотят убить малолетнего ханыча, «сын народа» дает им решительный отпор: «Чингиз нравится народу, он полезнее ему, чем вы трое вместе взятые. Мы не дадим вам убить его. Если вам надо богатство, так делите же наследство своего отца. А за него (Чингиза), при надобности, мы сами будем умирать!»¹³⁶

«Сын народа» не органичивается такими декларативными

¹³⁶ Р. Джиганшин. Дафтар..., стр. 11; И. Хальфин. Жизнь..., стр. 38.

заявлениями, в решающий момент он действительно вступает в активную борьбу с тиранами, возвращает скитавшегося на чужбине достойного быть ханом «доброе» Чингиза и вручает ему бразды правления. Только после этого общество начинает жить в мире и благополучии.

Однако анонимный автор поет славу не теократической власти и не абсолютному монархическому способу правления. Он сторонник и певец такого общества, когда достойный хан и активный «сын народа» находят друг друга и составляют взаимовыгодный союз. Этим аноним, в отличие от средневековых монархистов, для которых идеалом был монарх-самодержец, выступает сторонником коллективного руководства, если применить современную терминологию, так сказать «парламентаризма», своего рода «демократии». В этом заключается определенная, относительная прогрессивность воззрений анонимного автора. И с таким мотивом в татарской феодальной историографии мы встречаемся пока только в «Дафтар-и Чингиз-наме». Этой стороной аноним стоит на голову выше Кадыр-Али-бека, у которого народ — лишь «тень государя».

Но кто же этот «сын народа», кого подразумевает автор под этим интересным термином?

С одной стороны, когда рассказывается о злодеяниях старших братьев Чингиза, против которых выступает страдающий, стонущий «сын народа», и когда сообщается о недовольствах «сына народа» от князя Салчи в Астрахани, под этим термином подразумеваются широкие слои населения.

Но было бы однобоким, исходя лишь из этих ограниченных фактов, считать нашего автора демократом, который будто бы «разоблачал ханов-феодалов, их жестокость, нечистоплотность» и т. д. и т. п., как трактовал эти факты филолог Х. Мухамедов, когда он комментировал «Дастан об Амате»¹³⁷. Для такой модернизированной интерпретации фактов причиной служил не только примитивно социологизированный подход автора к памятникам прошлого, но не менее способствовало и незнание исследователем ни источника в целом, ни литературы о нем. Дело в том, что Х. Мухамедов относит этот дастан к разряду памятников фольклора и датирует его XIII—XV веками¹³⁸.

На самом деле анонимный автор в понятие «сын народа» вкладывает и другое содержание: феодальная аристократия, беки и главы родов. В этом ракурсе характерен следующий прием составителя «Дафтар»: когда речь идет о страданиях и недовольствах, у него фигурирует вообще «народ» или нерас-

¹³⁷ Древняя татарская литература, стр. 163—165.

¹³⁸ При датировке памятников фольклора Х. Мухамедов руководствуется вообще странными принципами, датируя их лишь исходя из дат событий, о которых речь идет в самих преданиях и легендах. Вопросы о том, когда эти события стали достоянием фольклора и когда образцы таких преданий зафиксировались письменно, им нисколько не принимаются во внимание.

шифрованный «сын народа»; но, когда же дело касается до-
решений государственно-политических проблем, на арену выхо-
дят конкретные главы родов и беки. Например, Чингиза вернули
не просто «представители» народа, а главы известных родов,
племен, видные беки-феодалы. Поэтому и Чингиз заключает
союз не с какими-то демократическими массами, а с теми же
беками-предводителями, которые помогли ему взять власть,
заявляя им: «О беки мои, с этого дня я принадлежу вам, а вы —
мне»¹³⁹. Не случайно, что Чингиз делил между этими беками
звания, знаки отличия, и не случайно автор подчеркнул, что
«Чингиз-хан этими беками дорожил так, как дорожат бровью
над глазом»¹⁴⁰.

Таким образом, демократизм анонимного автора носит про-
тиворечивый, вернее, классово-ограниченный характер. В основ-
ном речь у него идет о демократии для феодальной аристокра-
тии, о «демократии» без самого «демоса». Но и наличие такой
постановки вопроса, несмотря на ограниченность, все же
является относительно положительной и достойной внимания
стороной «Дафтар-и Чингиз-наме».

Примечательны воззрения автора и в следующем плане.
Оставаясь в целом во власти монархических иллюзий (от кото-
рых он не только не хотел вырваться, но не представлял себе
мир без монархов) он все же сильно отличается от тех безого-
ворочных монархистов-историков татарской старины, для кото-
рых юридическое право того или иного человека на власть над
народами решается очень просто — принадлежностью его крови
к царскому роду. Правда, и аноним отдает дань этой традиции,
когда рассказывает о благородном происхождении Чингиза. Но
характерно и другое: к святым приписывается не весь род от
деяти — десяти поколений, а лишь сам Чингиз — не весь род
его происходил от ниспускавшегося луча, а непосредственно он
сам был зачат таким божественным лучом. Вот поэтому-де
Чингиз отличался от своих старших братьев-злодеев, поэтому-де
он был полезным народу, нравился ему и мог жить с ним в со-
гласии и мире.

В связи с последней интерпретацией примечательна следую-
щая деталь: автор нигде не говорит о кровавых завоеваниях
Чингиза, а упорно акцентирует внимание на его мирной, соглас-
ной с беками жизни. Достойн внимания и другой момент: сына
Чингиза, именно «правителя Индии» Джадай-хана (Чагатая) он
прямо называет «глупцом». А другим «славным» (согласно
иным историкам) потомкам Чингиз-хана, если не считать попут-
ные упоминания, он вообще не уделяет внимания. Следовательно,
но, есть все основания полагать, что нашего анонима больше

¹³⁹ Р. Джиганшин. Дафтар..., стр. 16; И. Хальфин. Жизнь..., стр. 4б.

¹⁴⁰ То есть «как зеницей ока». Там же соответ. стр. 22 и 57.

всего интересовали не действия Чингиз-хана своего рода «Чингиз-идея», для него дорог литературно-легендарный образ Чингиз-хана. Автор «Дафтар» поставил перед собой задачу воссоздания идеального образа государя, угодного, желанного для «сына народа». Поэтому и получился у него не документально-исторический трактат, а полуфольклорный поэтический дастан, основанный как на историческом материале, так и на необузданном вымысле незаурядного художника. Словом, Чингиз-хан исторический и Чингиз-хан анонимного автора — разные лица. Поэтому порою трудно предъявлять автору «Дафтар» те требования, которые обычно предъявляем историкам.

Воззрения писателя на характер идеальной личности государственного деятеля еще ярче выразились при создании легендарного образа Аксак-Тимира. Если в среднеазиатских исторических сочинениях средневековья делались попытки доказать его благородное происхождение, то в «Дафтар» Тимур стал Тимуром не согласно достоинству крови, а благодаря своим доблестным качествам и чрезвычайной целеустремленности. Правда, в сюжете Тимур — Джадай-хан чувствуется влияние провиденциализма, предопределения судьбы по року. Но необходимо заметить, что идею о достижении ханской власти сирому Тимур-пастушку, хромому и нищему, дает не пророк, не вещий сон, а простой житейский опыт — пример настойчивого муравья. И Тимур-пастушок, тренируясь в играх, закаляя себя в мелких разбойничьих набегах, достигает своей заветной цели. Хотя автор, поддаваясь влиянию мусульманской историографии, часто вводит в дастан религиозные элементы, например, образ Хызыра (Ильи-пророка), в нем все же преобладают светские мотивы, что в первую очередь выражено верой автора в силу человека.

Это же целиком относится к повести об Амате, в которой автор, вопреки утверждениям Х. Мухамедова, занимается не «разоблачениями жестокостей, нечистоплотностей ханов-феодалов», а своеобразно воспекает целеустремленность героя — Амата, достигшего своей цели. Между прочим, и здесь одна деталь достойна внимания: к чингизидам Джанибеку и Бердибеку автор абсолютно равнодушен. И тут аноним, игнорируя значение ханского происхождения, восхищается личными качествами человека.

Правда, в самой последней главе, где речь переходит в реальный для автора мир, в его воззрениях усиливаются религиозные мотивы. Но они выражены не как биологическая нетерпимость к иноверцам, а звучат как протест против религиозно-национального гнета. Социальной подоплеку колонизаторской политики царизма писатель, естественно, не понимал, а трактовал ее как результат религиозной нетерпимости со стороны христианства. Автор-реалист, мечтательно воспевавший минувшее, «идеальных» героев далекого прошлого, не находит ни одного слова-программы о будущем: для него настоящее

представляется мрачным, а перспективы нет вообще. Автор «Дафтара» является законченным пессимистом.

Таким образом, перед нами очень сложная, своеобразная личность, в мировоззрении которой видны и классовая ограниченность и наличие прогрессивных элементов. Последние в первую очередь выражены светским характером убеждений и идеалов автора, а во вторую — в отрицании абсолютного монархизма и тирании. Но эти идеалы выражены в утопии, опрокинутой в прошлое, отчего автор и впал в неразрешимое для него противоречие.

* * *

Как видим, анонимный автор и уже известный нам Кадыр-Али-бек имеют ряд общих качеств и целый ряд различий.

Общими для них являются принадлежность к сословию высших татарских феодалов XVII в., светский характер их мировоззрения и почти идентичная классовая ограниченность. Но принадлежность их к разным кругам татарских феодалов — промосковскому и оппозиционному — определяет принципиальное различие между ними. Этим же, однако, они удачно восполняют друг друга, предоставляя возможности получить более полную картину об идейно-политических сдвигах внутри татарского общества в течение почти всего столетия и отражая реакцию этих двух ориентаций татарских помещиков на двойственную московскую политику по отношению к мусульманам.

«Дафтар-и Чингиз-наме», подобно «Сборнику летописей», содержит в себе ряд сведений, которые в источниковедческом плане представляют несомненный интерес и должны быть учтены в литературе. Что же касается отдельных деталей их, то они, являясь вполне оригинальными, несмотря на их лапидарность, вносят достойный вклад в науку.

В обоих памятниках историографические достоинства в целом преобладают над источниковедческими. Собственно говоря, они больше материалов представляют для изучения состояния и развития исторической, общественно-политической мысли у татар периода феодализма, чем для выяснения и уточнения конкретных фактов из области социальной, гражданской истории народа. Но «Дафтар» несколько отличается от «Сборника летописей» тем, что в нем переплетены две традиции татарской исторической мысли: кыпчакско-золотоордынская и болгарская. Достаточно сравнить в этом отношении две первые основные главы памятника. В целом «Дафтар» является видоизмененным реликтом официальной историографии периода Казанского ханства, возникшим на территории бывшего Болгарского государства, в результате окончательного распада Золотоордынской империи. Именно такая особенность региона может объяснить идейно-тематическую синкретичность памятника. В то же время эта синкретичность обеспечила «Дафтар» популярность среди

населения, в отличие от односторонне официального «Сборника летописей».

Наконец, по сравнению с сочинением Кадыр-Али-бека, вполне документированным официальным паспортом одного «ханства» (или «хана»), «Дафтар» является прежде всего художественным историко-литературным произведением, положившим начало новому этапу развития татарской исторической литературы. Художественные преимущества его над «Сборником» Кадыр-Али-бека бесспорны. Аноним как писатель весьма талантлив. Но в отношении исторического содержания, относительной достоверности сведений «Дафтар» уступает «Сборнику», что свидетельствует о кризисе татарской феодальной историографии в XVII в., когда почти не стало потребности в исторических сочинениях официального характера. Однако настоящий кризис разразился в следующем столетии.

**СОЧИНЕНИЯ МУСЛИМИ И ИАЛЧИГУЛА ПО ИСТОРИИ
БУЛГАРИИ**

(конец XVIII — начало XIX вв.)

**МУСЛИМИ И ЕГО «ТАВАРИХ-И БУЛГАРИЯ»
О списках. Из истории изучения памятника**

Рукописные списки сочинения под названием «Таварих-и Булгария» (Булгарская история), автором которого считается некий Хисамутдин бин Шарафутдин (Хисам ад-дин бин Шараф ад-дин) Булгари-Муслими, представлены в обильном количестве.

Например, в фондах ЛО ИВАНА имеются 6 полных и 14 неполных списков его (В 749, В 750, В 751, В 2515, В 2548, В 2564, В 2578, В 2597, В 2598, В 2623, В 2624, В 2637, В 2670, В 3447—I, В 3447—III, В 3492—II, В 3981, В 4310, А 1034, А 1232)¹. Кроме этой богатой коллекции 12 списков хранятся в ВОНБ КГУ (Т. 97, Т. 595, Т. 596, Т. 877, Т. 1103, Т. 1115, Т. 1273, Т. 1842, Т. 1852, Т. 2174, Т. 2202, Т. 2257; три последние рукописи приобретены во время археографических экспедиций КГУ за 1964—68 годы). Два списка представлены в ВОНБ ЛГУ (Ms.О — 282, Ms.О — 842). Четыре рукописи хранятся в фондах ИИЯЛ БФАН (Б. 1480, Б. 1510, Б. 1474, Б. 3748, из них два первых полные). Один отрывочный список находится в Архиве КИЯЛИ (коллекция 39, № 36). Сверх этого семь рукописей имеются в частных коллекциях: три у литератора Н. Исанбета, три у пенсионера З. Макутовой, и одна у автора данной работы. Таким образом, сейчас мы имеем около 45 наличных рукописных списков «Таварих-и Булгария». Если к ним присовокупить тексты изданий и количество тех рукописей, о которых имеются сведения в работах авторов XIX века, то можно это число довести до 60. Следовательно, это одно из наиболее распространенных татарских сочинений историко-литературного характера. Однако здесь необходимо указать, что среди доступных нам рукописей

¹ Имеются подробные описания этих рукописей: А. В. Дмитриева и др. Описание..., I, 36—35. Одиннадцать рукописей принадлежали ранее археографу С. Вахиди.

«Таварих» не обнаружен ни один список, датированный ранее 20-х годов XIX столетия.

В литературу «Таварих-и Булгария» вошла также очень поздно. Об этом сочинении ничего не сообщают ни Г. Георги, ни И. Хальфин, ни ранний Х. М. Френ². Если не считать переложения отдельных легенд в работе К. Фукса, изданной в 1844 году, к сожалению, без конкретного указания на источник³, то впервые об этом памятнике сообщил И. Березин⁴, который в 1846 году описал списки «Таварих». Еще несколько лет спустя отдельные главы из этого сочинения были опубликованы на русском языке в переводах А. Вагапова⁵, того же И. Березина⁶, В. В. Вельяминова-Зернова⁷. Таким образом, лишь с 40-х годов XIX века началось интенсивное вторжение «Таварих» Муслими в литературу.

Начало публикации отдельных глав сочинения Муслими на татарском языке также связано с именем И. Н. Березина⁸. В относительно полном виде сочинение было издано лишь в 1870 году⁹ и повторено в 1887, 1892 и 1902 годах¹⁰. В советское время отдельные отрывки из него были включены в учебное пособие по татарской литературе¹¹.

Более интересна, однако, история изучения этого памятника и возникшая вокруг него полемика, которая продолжается доныне. Исходя из отношения того или иного автора к этому сочинению, исследователей его можно разделить на четыре основные группы.

1. Авторы, которые почти безоговорочно верили, что это произведение составлено в XVI в. и его сведения достоверны. К ним, кроме уже названных К. Фукса, А. Вагапова, В. В. Вельяминова-Зернова, этих пионеров в изучении истории татарского народа, относятся мало компетентные в вопросах источникове-

² Утверждение, что Х. М. Френ располагал списком «Таварих» (Древняя татарская литература, стр. 444), не подтверждается.

³ К. Фукс. Казанские татары..., стр. 86—89.

⁴ И. Березин. Описание..., стр. 37—39.

⁵ [А.] Вагапов. Татарские сказания. Отрывок из этого перевода включен в «Историю Татарии в материалах и документах», стр. 42—46.

⁶ И. Березин. Булгары на Волге, стр. 141—160.

⁷ В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник..., стр. 262—279.

⁸ И. Березин. Турецкая хрестоматия, II, стр. 120—149. Мнение В. В. Бартольда, что этот отрывок извлечен из анонимного «Дафтар» источника (В. В. Бартольд. [Отзыв...], стр. 117).

9 مسلمی حسام الدین. تواریخ بلغاریه ...

(Далее: Муслими, Таварих...).

¹⁰ Мы будем ссылаться на первое издание и на рукопись Т. 1115. Текст сверен на основе и других качественных списков.

¹¹ Древняя татарская литература, стр. 452—466.

дения археологи-любители: К. Невоструев, В. Казаринов, С. Кузнецов, П. Пономарев и др.¹².

2. Авторы, которые в той или иной степени сомневались в достоверности сведений Муслими, но из-за малочисленности автохтонных источников все же не решались отвернуться от материалов «Таварих-и Булгария». Кроме И. Н. Березина к ним следует отнести С. М. Шпилевского, П. Д. Шестакова, Н. Ф. Катанова, Г. Н. Ахмарова и др.¹³. Отнеся их к этой группе, следует учитывать не только цитирование ими известий «Таварих», но и их оценку его сведений. Например, И. Н. Березин называет его известия «баснословными преданиями», «нелепой повестью татарского изобретения»¹⁴, а С. М. Шпилевский прямо заявляет, что он, подобно «Казанскому летописцу», «не может иметь никакого авторитета»¹⁵.

3. Авторы, сурово критиковавшие «Таварих-и Булгария»: Х. Амирхан, Ш. Марджани, Р. Фахрутдинов, А. Рахим, Г. Ибрагимов.

4. Прямые или косвенные защитники древнего происхождения и достоверности сведений «Таварих» и его популяризаторы: К. Насыров, Б. Яфаров, Х. Г. Гимади, В. Ф. Каховский, Х. Хисматуллин и др.

Большой интерес представляют концепции последних двух групп исследователей, на них необходимо остановиться подробнее.

Впервые с резкой критикой в адрес Муслими выступил Ш. Марджани, который в своем докладе, представленном на IV Всероссийском съезде археологов в 1877 году, говорил, «что большая часть сведений, излагаемых в истории Хисамутдина суть лживые предложения, пустые воображения и чистая ложь»¹⁶. В дальнейшем, когда доклад на языке оригинала вышел отдельной книгой, с возражениями против него выступил К. Насыров, который, довольно умело подвергая критике лишь некоторые этимологические оплошности Ш. Марджани, стал

¹² К. Невоструев. О городищах...; В. Казаринов. Заметки...; С. К. Кузнецов. Отрывки из дорожных заметок...; П. Пономарев. Данные о древних городах..., стр. 321—331.

¹³ С. М. Шпилевский. Древние города...; П. Д. Шестаков. Попытка объяснения...; Н. Катанов. [Рецензия...].

ع. احمدرف . بلغار تاريخي

(Г. Ахмаров. История Булгара). К таким сомневающимся, несмотря на заявление в примечании, что присоединяется к Ш. Марджани и др., относится и А. Фатхиев, который считает «Таварих» «очень богатым» по материалам источником. См.: А. Фатхиев. Описание рукописей, ч. 3, стр. 12—13.

¹⁴ И. Березин. Булгары на Волге, стр. 142, 151.

¹⁵ С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 84.

¹⁶ Ш. Марджани. Очерки истории..., стр. 42.

доказывать «древность и ценность» сочинения Муслими¹⁷. Но доводы этого критика, вопреки оптимистическим утверждениям М. Гайнуллина¹⁸, крайне путаны и весьма слабы. Например, ценность сведений Муслими, по убеждению К. Насырова, заключалась в том, что якобы посланники Мухаммеда, т. е. выходцы из песчаных пустынь и пальмовых оазисов, научили болгарцев париться в бане лечебными березовыми вениками...

Все же выступление К. Насырова в конечном счете сыграло позитивную роль, ибо оно заставило Ш. Марджани еще раз вернуться к вопросу и аргументировать свои положения рядом неопровержимых фактов. Так появилась специальная глава в первой части «Мустафад ал-ахбара», которая носила название «Глава о беспорных ошибках, позорной лжи и искажениях событий в книге под названием «Таварих-и Булгария»¹⁹. Критика ученого носила не только резкий, но строго научный и принципиальный характер, отличаясь железной логикой и аргументированностью. Поэтому-то К. Насыров больше не смог продолжать спор²⁰.

Со своим резко критическим выступлением и скептичностью по отношению к сочинению Муслими Ш. Марджани не был одинок. Почти с аналогичной, хотя и менее последовательной критикой по адресу сведений «Тавариха» выступал и другой историк — Хусаин Амирхан²¹.

В дальнейшем линию Ш. Марджани несколько развил Р. Фахрутдинов, который вопреки своей корректности не смог не иронизировать по адресу самого Муслими и его поклонников²². Закономерным завершением этой критической тенденции следует считать работы Али Рахима, который несколько восполнил пробелы и упущения своих предшественников и сделал некоторые обобщающие выводы²³.

17 ع. ناصیری. کالیندار. ۱۸۸۵، ۴۳-۳۸ - بیتلر.

(К. Насыров. Календарь, 1885 год, стр. 38—43).

¹⁸ М. Гайнуллин. Каюм Насыри..., стр. 24—26. Тенденциозное противопоставление К. Насырова и Ш. Марджани было начато несколько ранее (Каюм Насыри. 1825—1945. Материалы..., стр. 40—41).

¹⁹ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., стр. 207—226; См. подробно: М. А. Усманов. Источники книги..., стр. 147, 153.

²⁰ Следовательно, мнение, что в этом споре К. Насыров был прав (М. Гайнуллин. Татарская литература и публицистика..., стр. 125—126) не подтверждается.

21 ع. امیرخان. تواریخ بلغاریه ... ۱۹ - بیت.

Х. Амирхан. История Булгара..., стр. 19 и сл.

²² Р. Фахрутдинов. Асар, I, кн. 1, стр. 29.

²³ А. Рахим, Г. Газиз. История..., стр. 122—137. А. Рахим. О новом списке..., стр. 133.

Необходимо отметить, что все указанные критики Муслими, несмотря на насыщенность их работ фактами, несмотря на правильность занятых ими позиций, все же не смогли довести дело до конца. Они, за исключением А. Рахима, ограничивались лишь отрицаниями, не подкрепляя их достаточными утверждениями. Так, например, первые три автора не ставили вопроса о датировке «Таварих» Муслими. И все они — Ш. Марджани, Х. Амирхан, Р. Фахрутдинов и А. Рахим — не затронули таких принципиальных проблем: причина и условия появления сочинения, причины его успеха, мотивы, заставившие автора встать на путь мистификации. Не до конца были выявлены и установлены подлинные и мнимые источники «Таварих», что оставляло место для маневров позднейших прямых или косвенных защитников Муслими.

Первым попытался вновь доказать «древность» сочинения Муслими филолог Б. Яфаров. Его работу, написанную в 1945 году, можно было бы оставить в покое, так как она осталась в рукописи²⁴. Но некоторые мысли Б. Яфарова все же просочились в печать.

Своеобразную, даже очень характерную эволюцию пережил Х. Г. Гимади. Так, в 1941 году, выступая по вопросам периодизации истории Татарии, он, соглашаясь, по его выражению, «с крупнейшим татарским историком Марджани», отрицал значение «Таварих» и датировал его первой половиной XIX века²⁵ (кстати, надо подчеркнуть, что никто до него с такой твердостью не называл эту дату). Но спустя несколько лет, в своем содокладе, поставленном на известной сессии 1947 года, посвященной проблеме этногенеза казанских татар, Х. Г. Гимади без какой-либо аргументации сделал полуоборот на 90 градусов и назвал полууверенную дату: «XVI—XVII?» вв²⁶. А через год, безоговорочно добавив к своему повороту еще 90 градусов, он назвал уже вполне уверенную дату: XVI век!²⁷ Эта дата стала кочевать из издания в издание как в работах Х. Г. Гимади²⁸, так и других исследователей²⁹.

Из этой датировки исходил и В. Ф. Каховский, когда он, сделав еще шаг вперед, стал с безапелляционностью утверждать, что из «булгарских (!) источников первое место справедливо отводится сочинению» Муслими, и оно относится наравне со «Сборником летописей» Рашид ад-дина к группе «монголо-татар-

²⁴ Архив КИЯЛИ, ф. 52, оп. 1, ед. хр. 150.

²⁵ Х. Г. Гимади. Некоторые вопросы..., стр. 56, примечание.

²⁶ Его же. Монгольское иго..., стр. 112.

²⁷ Его же. Народы Среднего Поволжья..., стр. 209.

²⁸ История ТАССР, I, стр. 87, 95 (глава написана Гимади); Его же. Историография Татарии..., стр. 820.

²⁹ А. П. Смирнов. Волжские Булгары, стр. 57, 71; Е. В. Чистякова. Скифская история..., стр. 46—47; Г. В. Юсупов. Введение..., стр. 48; Татары Среднего Поволжья..., стр. 375.

ских» (?!) источников³⁰. Что хотел сказать такой «классификацией» автор? Унизить замечательного Рашид ад-дина или возве- личить сомнительного Муслими?³¹

Что касается Х. Г. Гимади, то он, при всей видимой серьезности своих утверждений, оставил без ответа следующие элементарные вопросы: когда он был прав, в 1941 или 1948 году? Разве нет разницы между XVI и XIX веками? Не помогает здесь и такая оговорка: «несмотря на фантастичность многих утверждений...»³²

На таких «оговорках» основана и другая работа, в которой кроме узаконения мнимой даты создания памятника делаются попытки обелить невежество составителя «Таварих-и Булгария». Речь идет о статье Х. Хисматуллина³³.

Почему произошел за 20 лет такой поворот на 180 градусов? Кроме уже отмеченных двух причин (малочисленность или неизученность татарских источников и незавершенность в научном отношении критики «Таварих»), имела место и третья причина — она заключается в мнимом совпадении этногенетических воззрений Муслими и сторонников «древности» его сочинения. На это указывал, между прочим, и сам Х. Г. Гимади, неоднократно называя «знаменательным тот факт», что многие татарские писатели прошлого, в том числе и автор «Таварих-и Булгария», называли себя «Булгари»³⁴ — булгарскими.

Нет сомнения в том, что псевдоним-тахаллус «Булгари» выражает отношение представителя народа к своему происхождению, вернее, к своей родине³⁵. Нет сомнения также и в том, что

³⁰ В. Ф. Каховский. Происхождение..., стр. 34.

³¹ Свои сведения о Муслими В. Ф. Каховский черпал из вторых рук, т. е. из перевода И. Н. Березина, спорных и противоречивых предположений С. М. Шпилевского и др.

³² Х. Г. Гимади. Историография Татарии, стр. 820.

³³ Древняя татарская литература, стр. 444—451.

³⁴ Х. Г. Гимади. Монгольское иго..., стр. 112; Его же. Народы Среднего Поволжья..., стр. 209.

³⁵ Предпочтение родины дается по следующим соображениям. Среди фамилий-тахаллусов с «йай-нисба» весьма мало таких, которые произошли непосредственно от собственного имени предка (например, Багри, Захиди, Масуди и т. д.: татарские фамилии типа Вахиди, Насыри и др. — позднейшее явление). Тахаллусы-этнонимы можно пересчитать по пальцам: Дуглат, (Хайдар), Руми (Иакут) и... кажется все! (документированно не фиксированы тахаллусы-этнонимы вроде надуманного «Джаланри» или подозрительного «Кыпчакки»). В то время Иакут называл себя «Руми» (греческий — он действительно был греком по происхождению) будучи среди арабов; но предпочтение давал другому своему тахаллусу — Хамави (от топонима Хама). А Хайдар известен стал своим «племенным» псевдонимом (дуглат, дулат — название тюркского племени) в Индии. Что касается тахаллусов, происходивших от топонимов, то они представлены в огромном количестве: Андалузи, Багдади, Балхи, Бухари, Джуржани (Гургани), Димашки, Исфакани, Казвини, Кашгари, Кашани, Каши, Мисри, Мосули, Набулуси, Нишанури, Самарканди, Танджи, Туси, Фараби, Хамадани, Хорезми, Шнрази и т. д. Не только среднеазиатские, арабо-персидские авторы предпочитали тахаллус-топоним, но также и татарские ученые XVIII—XIX вв., называли себя по месту пребыва-

такими псевдонимами пользовались с XII по XIX век сотни старотатарских авторов, что можно было бы доказать на основе десятков апробированных документов. Но причем тут сомнительный во всех отношениях Хисамутдин бин Шарафутдин (или Шарафутдин бин Хисамутдин) Булгари-Муслими? И вообще оправдал ли надежды своих защитников этот «булгарский историк XVI века»?

Чтобы ответить на эти вопросы и прежде всего выяснить основную проблему — датировку памятника, достаточно беглого взгляда на «Таварих-и Булгария».

Содержание сочинения Муслими

Книга состоит из введения, двух частей, которые автор назвал «статьями» (макала) и довольно объемистого заключения (хатима). О структуре в общем плане нет надобности говорить подробно, так как она хорошо описана археографами³⁶.

Во введении автор называет себя и дату приступления к составлению своего сочинения — 958/1551 год. Местом жительства назван аул Ташбилги «в окрестностях Булгара». Говоря о причине составления сочинения, автор пишет, что к нему он приступил после своего возвращения из медресе ученийшего Тафтазани по просьбе булгарских старейшин, которые просили его написать на тюркском языке житие последователей и сподвижников Мухаммеда. На первый взгляд довольно внушительное и правдоподобное вступление, однако получилось так, что автору пришлось писать свое сочинение через 160 лет после кончины своего учителя Умара ибн Мас'уд Тафтазани, который, в действительности, родившись в 722/1322, умер в 792/1390 году. На это несоответствие первым обратил внимание Ш. Марджани³⁷, которого поддержали и другие³⁸. Думать, что сюда вкралась ошибка, то есть год 958/1551 назван неточно, а правильной является дата из рукописей А 2132, В 2564, где стоит 700/1300—01 год³⁹, нет оснований. Например, в этих и других списках внутри текста (во второй статье), где речь идет о позднейших булгарских шейхах, стоит 989/1581 год. Следовательно, если одна и та же книга одним и тем же автором не могла писаться в течение 280 лет, то дата 700 г. хиджры не принадле-

ния и рождения: Марджани (от аула Марджан), Казани, Кирмани, Курсави, Сабави, Чукри и т. д. Словом, «Булгари» еще не говорит прямо об этнической принадлежности его носителя. Если и говорит, то — опосредственно, через родину.

³⁶ Л. В. Дмитриева и др. Описание..., I, № 36; А. Фатхиев. Описание рукописей, ч. 3, стр. 12—17.

³⁷ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 217.

³⁸ Н. Ф. Катанов. [Рецензия...], стр. 204; А. Рахим, Г. Газиз. История..., стр. 125.

³⁹ Л. В. Дмитриева и др. Описание... I, № 37, 43.

жит самому Муслими: это лишь результат «уточнения» одного из составителей списков, который «700», возможно, взял из анонимного «Дафтар-и Чингиз-наме».

Так, путаница начинается с первых же строк Муслими...

ПЕРВАЯ СТАТЬЯ ⁴⁰. Она носит название «Диковинки сотворения» и состоит из десяти разношерстных как по содержанию, так и по объему глав: о времени, о днях недели, о месяцах, о диковинках мира, о космографии, о частях света и морях, о реках, о фантастичных горах, об удивительных источниках.

В первой главе дается определение времени; во второй подробно говорится о достоинствах семи дней недели, о том, в какой из них родился или умер тот или другой пророк, наконец, что можно делать в это день, а что нельзя. В третьей главе говорится об арабских названиях 12 месяцев; автор не забывает назвать и греческо-сирийские «эквиваленты» их (вроде: данбас, барнас, чаван, рабхан и т. д.). Сообщает он и о событиях, происходивших в тот или иной день того или другого месяца. Оказывается, в первый день месяца сафара йазиды отрезали голову Хасана, сына халифа Али, а через 20 дней ее обратно прикрепили к туловищу, и свершилось чудо: голова срослась с телом. Это «событие» датируется 56 годом хиджры (675—76), годом «овцы» по животному календарю. Можно было бы допустить, что жизнь Хасана зафиксирована и тюркскими летописателями, и в данном случае переписчики исказили дату, написав вместо года «мыши» или «свиньи» год «овцы». Но беда в том, что исторический Хасан в действительности умер в 61 году в мухарраме (октябрь 680 г.) ⁴¹. А это был уже год «дракона». Так что дело не в ошибке переписчика.

Кому же верить: «сверхточному» Муслими или Ш. Марджани? Предпочтение, естественно, отдается Ш. Марджани, этому известному мусульманскому теологу, философу и историку, который в совершенстве владел восточными источниками. Поэтом нет надобности в таком же духе продолжать анализ сообщений Муслими о жизни общемусульманских святых. Поражает лишь одно: как мог претендовавший на ученость мусульманский автор не знать ни одного правильного факта из жизни таких столпов ислама, как Мухаммед, 'Али, 'Усман, 'Умар?

Нет необходимости анализировать астрономо-астрологические, а также «географические» главы первой макалы «Таварих». Хотя Х. Хисматуллин вполне серьезно рассуждает, что эти части из себя представляют «физическую географию северовосточной Европы», и автор «интересовался географией, изучал ее и не жалел сил для ее пропаганды» ⁴², все же приходится отметить, что в этих главах больше фантазии, чем даже в пре-

⁴⁰ Муслими. Таварих..., стр. 2—15. Рукопись: Т. 1115, лл. 46—256.

⁴¹ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 209—210.

⁴² Древняя татарская литература, стр. 447.

дыдущих. К попыткам Х. Хисматуллина установить названия трудов Птолемея и Гиппократ, на которые часто ссылается Муслими, нужно добавить следующее. Если свои сведения о таких речушках Среднего Поволжья — Черемшане, Меше, Шошме, Самаре, Казанке Муслими черпал из «Атласа» древнегреческого Птолемея⁴³, то откуда он взял свои сведения об основанном русскими в XVII—XVIII вв. Чистополе (Чистое поле — Чистай)? Откуда знал он о «русском городе Архане», расположенном им правильно на побережье Ледовитого океана и лишь в 1613 году переименованном из Ново-Холмогоров в Архангельск? Однако не будем торопиться с ответами. Ведь автор-то этих сведений — Муслими — якобы жил в XVI веке...

ВТОРАЯ СТАТЬЯ.— «О последователях и последовательницах [сподвижников Мухаммеда] из жителей Булгара»⁴⁴.

Макала начинается с главы, в которой представлен следующий рассказ. В 9/630 году во время царствования Айдар-хана в Булгар пришли три сподвижника (сахаба) Мухаммеда, которых он послал с миссионерскими поручениями, снабдив их чернильницей, посохом и чалмой. Их имена: 'Абд ар-Рахман бин Зубайир, Зубайир бин Джа'да и Талха бин Усман. Во время прибытия этих сподвижников в Булгаре насчитывалось 520 домов, а население его было огнепоклонниками. Однажды, как говорится в предании, заболела параличом дочь хана Туй-бике. По предложению вазира Бараджа хан приглашает арабов. Медики-миссионеры требуют банного веника из молодой березы. Но взять ее зимою негде. Тогда и сподвижники показали чудо: в чернильницу воткнули посох, надели чалму, прочли молитву — и из посоха выросла стройная береза. Веник готов, готова и баня. Попарилась царевна и вылечилась; сама прибежала домой. И все булгарцы, увидев такое чудо, сразу перешли в ислам. Через три года двое из сподвижников уехали в Аравию, а оставшийся Зубайир бин Джа'да женился на Туй-бике и встал во главе местных мусульман. Умер он ровно через 25 лет.

Легенда образна по форме; по идейной направленности она занимает ключевое положение во всем «Таварих». На ней необходимо остановиться, потому что она, вопреки резкому

⁴³ После перечисления этих гидронимов Муслими пишет: «и других знаменитых рек много, но все перечислить невозможно. А перевод этот сделан из «Атласа» Птолемея о семи климатах» («Таварих...», стр. 15). Кстати, заметим, что на «географические» главы «Таварих», которые игнорировали все прежние исследователи, впервые обратил внимание Хисматуллин. Что представляет из себя Муслими-географ, легко судить по карте, которую, по его словам, составил Ч. Валиханов еще в прошлом веке (Ч. В а л и х а н о в. Булгары на Волге).

⁴⁴ М у с л и м и. Таварих..., стр. 15—25. Рукопись: Т. 1115, лл. 256—32а. Имеются частичные переводы: И. Березин. Булгары на Волге, стр. 146—160; В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник..., стр. 276—279.

осуждению ее Ш. Марджани⁴⁵, представляет определенный историографический интерес. Дело в том, что данная легенда своими корнями уходит в глубь веков. Например, посетивший Булгар в XII веке Абу Хамид ал-Гарнати слышал от болгарцев предание, в котором говорилось об одном арабском купце, который, вылечив от тяжелой болезни царя и царицу Булгара, убедил их принять ислам⁴⁶.

Примечательно, что в последней версии речь идет о купце, царе и царице. Следовательно, древние авторы этой версии еще не претендовали на то, что ислам, якобы, к ним пришел непосредственно от самого Мухаммеда. Они пытались обосновать лишь одно: ислам имел успех благодаря своей сверхъестественности, и болгарские ханы позднейших времен являются потомками первых мусульман в Поволжье⁴⁷. Так обосновывалась и освящалась власть болгарских царей в древнеболгарской историографии. Но Муслими (или его предшественник) пошел слишком напрямик, утверждая, что религию в Булгар прислал «сам Пророк»; однако, это вполне соответствовало его идейно-политической концепции⁴⁸.

После такого вступления, очень внушительного и убедительного для наивного верующего, Муслими в пяти главах перечисляет имена-отчества болгарских последователей и последовательниц Мухаммеда, систематически указывая на места их погребений.

«Последователей» и «друзей Аллаха» автор делит в основном на три категории: 1) учившиеся непосредственно у Зубайра ибн Джа'ды (Таби'ин, таби'ат); 2) последователей этих же последователей (таб' таби'ин); 3) шайхи и «друзья Аллаха». Представители первой группы, оказывается, вымерли «точно» в 195/811 году; последний последователь последователя умер «точно» в 230/845 году; а список «друзей Аллаха» и старцев доведен до 989/1581 года — ближе к дате окончания «Таварих».

Обращает на себя внимание обилие доисламских, чисто тюркских собственных имен. Сведения Муслими черпал, видимо, из татарских и башкирских шаджара. Однако многие имена в родственном отношении искусственно объединены: Таймас сын

⁴⁵ По справедливому замечанию Ш. Марджани, среди сподвижников Мухаммеда не было лиц с такими именами; к тому в 9-м году хиджры Мухаммеду было не до болгарцев, расположенных где-то за тридевять земель: ислам не вышел еще за пределы самой Центральной Аравии (Ш. Марджани. Очерки истории..., стр. 42; Его же. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 53—54).

⁴⁶ А. Л. Монгайт. Абу Хамид..., стр. 171; Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 59—60; Р. Фахрутдинов. Асар, I, кн. I, стр. 21—22.

⁴⁷ Судя по всему Абу Хамид ал-Гарнати это сообщение заимствовал из сочинения болгарского историка Иа'куба ибн Ну'мана.

⁴⁸ Филолог Х. Мухамедов эту легенду, видимо, исходя из слов «Булгар», «чудо», «пророк», относит к категории образцов древнеболгарского фольклора VIII—XIII вв. (Древняя татарская литература, стр. 29—31). Мы не имеем бы возражений, если бы он вел речь о ранней ее версии.

Тайсына, Алдар сын Калдара, Субай сын Сабайа, Надиршах сын Бадиршаха и пр. В «Таварих» также активно применяются личные имена с компонентом «бай» (позднейший вариант от «бег» — Байбулат, Баймухаммед, Кинджебай, Яхшибай). Аутентичность таких имен болгарской эпохе весьма сомнительна, следовательно, и шаджара, привлеченные Муслими, не могут быть приняты за ранние источники. По крайней мере, они сильно искажены, перепутаны.

Кто же называется в качестве болгарских святых и «последователей сподвижников» Пророка? Следует отметить, что здесь много безликих, несуществовавших, выдуманных имен. Но много и таких, которые могут пролить свет не только на знания Муслими, но помогут разрешить и проблему датировки «Тавариха».

Например, в качестве «последователей и святых» называются древнеперсидские поэты Санаи, Абд ар-Рахман Джами, знаменитый среднеазиатский мистик ходжа Ахрар и многие другие. Первый из них, оказывается, похоронен на устье реки Чушмы (Шошмы); второй лежит в Булгаре; а третий погребен в татарском ауле Тубылгатау на реке Шошма⁴⁹. Эти «известия» не нуждаются в комментариях.

Правда, Муслими не всегда прямолинейны. Иногда он немного осложняет дело. Например, арабского ученого Нуха бин Аби Марийама превращает в болгарца с именем Нух бин Марйам⁵⁰. Как говорил Марджани, нам автор из куньи — «отец [девочки] Марйам» — сделал мужское имя «Марйам»⁵¹. Есть и более курьезные примеры. Например, из названия книги «Тахкыйкый Хисамия» и фамилии-тахаллус (нисба) «Тимирташи» (название местности в Средней Азии) Муслими сконструировал автора с именем Хисам ад-дин и приписал ему кроме первой книги также «сочинение» под названием «Тимир-Таши»⁵². Таких примеров много, и Ш. Марджани приложил много сил, чтобы расшифровать эти ребусы⁵³.

Однако оставим в покое «обулгарившихся» арабов и среднеазиатцев, рассмотрим несколько примеров из числа местных «святых». В качестве шайха из Новой Казани называется Касым-шайх, сын Ибрагима⁵⁴. О нем есть упоминания и в других преданиях, иногда даже более подробные⁵⁵. Это историческая личность, и как установил Р. Фахрутдинов, он умер в 998/1590

⁴⁹ Муслими. Таварих..., стр. 21, 24; Рукопись Т. 1115, л. 29 б, 31 а.

⁵⁰ Там же, стр. 21; л. 29 б.

⁵¹ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 216.

⁵² Муслими. Таварих..., стр. 21; л. 29 а.

⁵³ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 213—214.

⁵⁴ Муслими. Таварих..., стр. 23; л. 30 б (рукопись).

⁵⁵ К. Насыров. Календарь за 1881 г., стр. 38 (Его имя в предании связывается с образованием озера Кабан).

году⁵⁶, через шесть лет после мнимой даты окончания «Таварих».

В деревне Адай, говорит далее Муслими, похоронен Ишмухаммед сын Тукмухаммеда, с прозвищем «Шайх-Баба»⁵⁷. Он также историческая личность, знаменитая на стыке XVII—XVIII вв.⁵⁸. Затем читаем: «Устье реки Ирня является юртом благочестивого Байраш-хана. В его время из Ташкенда прибыл один почтеннейший ученый и давал уроки. Имя этого светлейшего ученого Ирнийаз сын Ширнийаза, и был известен он под именем Мулла-хафиз ат-Ташканди»⁵⁹. Как установил Ш. Марджани, здесь речь идет об известном мулле Ишнийазе сыне Ширийаза, который действительно прибыл из Средней Азии, точнее, из Хорезма, и умер в 1205/1790—91 году в Сеитовом посаде под Оренбургом⁶⁰.

Итак, среди «булгарских последователей» VII—IX вв. и шайхов, умерших до 1581 года, оказались лица, жившие в XVII и XVIII столетиях...⁶¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ, то есть «хатима», посвящено описанию доблестнейших «завоеваний Его высочества Аксак-Тимура и о разрушении им города Булгара»⁶².

По воле всевышнего, как торжественно пишет Муслими, в 862/1458 году «Его высочество Аксак-Тимур» уничтожил много городов и стран, так как много стало на земле разного разврата. Тимур родился в ауле Алмалы вблизи города Тахт-и Сулайман (Престол Соломона), на восточной границе Китая, правителем которого был упрямый язычник Чингиз-хан. Тимур убил его, а ханом назначил его сына Турумтайа. Когда Тимур собирался завоевать Пекин, ниспослан был богом Илья-пророк (Хызыр-Ильяс), который велел идти на Бухару, где правоверных суннитов притеснял кызылбашский Надир-шах. По пути Тимур заехал в Туркестан и дал много добра его хану Нугайбаку, чтобы тот построил мавзолей Ахмаду Иассави, который во сне благословил действия Тимура. Надир-шах бежит из Бухары, правителем Бухары назначается султан Мурад, сын убитого Надиром Селим-хана. Через год Тимур убивает самого Надира.

Затем, когда покорив много стран, он отдыхает в Герате, его опять посещает Илья-пророк и велит идти войной на Стамбул, ибо его султан Мехди не молится богу, а занимается мужеложеством, курит табак и пьет кофе. Доблестный рыцарь ислама,

⁵⁶ Р. Фахрутдинов. Асар, I, кн. 1, стр. 27—28 (рук. л. 25 б — 26 а).

⁵⁷ Муслими. Таварих..., стр. 22; л. 30 а (рукопись).

⁵⁸ Р. Фахрутдинов. Асар, I, кн. 2, стр. 37—38.

⁵⁹ Муслимн. Таварих..., стр. 24; л. 31 а (рукопись).

⁶⁰ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., стр. 217. Подробнее: Р. Фахрутдинов. Асар, I, кн. 2, стр. 59—60.

⁶¹ Ограничиваясь этими краткими пояснениями, интересующихся отсылкаем к подробному анализу Ш. Марджани.

⁶² Муслимн. Таварих..., стр. 25—30. Рукопись Т. 1115, лл. 32 а — 42 б. Русский перевод: [А] Вагапов. Татарские сказания...

естественно, тут же выступает в поход и вскоре осаждает город Стамбул. Здесь во сне посещает его уже сам Мухаммед и подтверждает божий приказ. Но город взять не легко, к тому и турки притворяются правоверными. Тут Тимура выручает один из его приближенных с именем Али Кушчи. Переодевшись в раба, он проникает в город и находит там своего друга, с которым вместе учился у Тафтазани. Дела у Кушчи пошли хорошо, так как он быстро склонил на свою сторону гостеприимного хозяина, угостившего его... кофе, он собирает богатый материал для обвинения турок. Своими же руками Али убивает развратников и возвращается в лагерь Тимура. Окончательное решение принято. Город взят штурмом, казнен султан-развратник, переешаны все его приближенные.

Таково краткое содержание первой части «Заключения» (печатный текст занимает 9 страниц книги; бессодержательные беллетристические моменты нами опущены). Сразу видно, что все узловые моменты этой части рассказа за двумя исключениями заимствованы из знакомого нам анонимного «Дафтар-и Чингиз-наме»⁶³. Например, местом рождения Тимура является Алмалы(к); Тимур завоевал Стамбул. Правда, имеются и отклонения: легендарный предок Чингиза Турумтай (по версии «Дафтар») у Муслими превращен в сына самого Чингиза. Если Тимур анонима убивает Джадай-хана — сына Чингиза, то Муслими разделяется с самим Чингизом. Если в «Дафтар» не названо месторасположение Алмалыка, то в «Таварих» сказано ясно: на восточной границе (!) Китая. Если в первом источнике автор лишь раз-другой упоминает о чудесных сновидениях Тимура, то во второй «истории» Илья-пророк превращен в посылного между Аллахом и «Его высочеством». Мало Ильи, даже сам Мухаммед персонально посещает Тимура. Если в «Дафтар» ничего не сообщается о причинах похода на Стамбул, правителем которого был просто «шах-султан», то у Муслими сказано ясно: наказать, карать еретиков во главе с султаном Мехди. Если «Дафтар» говорит лишь о личной хитрости завоевателя, то «Таварих» такую роль приписывает Али Кушчи, ибо святаой человек не должен быть хитрым.

Введением на страницы своего сочинения Али Кушчи Муслими значительно «обогастил» его содержание, так как перед нами не вымышленный литературный герой, а широкоизвестный среднеазиатский математик-астроном Ала ад-дин Али бин Мухаммед Кушчи, один из сподвижников Улуг-бека, который умер в 1474 г. в Стамбуле⁶⁴. Но сюда приехал он как высокий гость султана Мехмета, действительного завоевателя Стамбула⁶⁵.

⁶³ См. Третью главу данного исследования.

⁶⁴ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 221; В. В. Бартольд. Улугбек..., стр. 136—138.

⁶⁵ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 222.

А Муслими изображает его и шпионом Тимура, и учеником Тафтазани, следовательно, другом самого себя. О том, что во время похода Тимура в Анатолию султаном турков был не халиф Мехди, а Баязид, что турецкие султаны Селим и Мурад переселены в Бухару, что этноним татарского племени нугай-бака стал именем хана Туркестана и о многом другом не приходится уже говорить...

Что касается победы Тимура над кызылбашским Надир-шахом, то это утверждение Муслими имеет для нас принципиальнейшее значение. В Иране был один Надир-шах, погибший в 1747 г.⁶⁶ Следовательно, Муслими, автор источника, который «представляет интерес как один из первых памятников древнетатарской» историографии⁶⁷, дал возможность Тимуру прожить более 550 лет — со времен Чингиз-хана до Надир-шаха! Может быть, все это объяснить плодом фантазии «булгарского» историка XVI века? Или, как иронизировал едкий на ум Марджани, результатом святости всемогущего Тимура?⁶⁸

...Как истинный воитель ислама, Тимур Муслими не ограничивался наказанием одних лишь турок. Через Дагестан он попадает прямо в Чистай, то есть в Чистополь, с «ханом» которого был в большой дружбе. Далее, чтобы встретиться с Тафтазани, отправляется в Андрай (видимо, городок на северном Кавказе) и разрушает его, ибо хан его оказался язычником; потом приезжает в Астрахань, где и проводит зиму. А летом, по велению всевышнего, отправляется на Булгар, ибо здешние мусульмане также поддавались ереси. Правителем Булгара в то время, оказывается, был Бикчур-хан. С ним Тимур устроил специальный диспут, однако, булгарцы все-таки упрямствовались. После всего этого Тимур дал клятву за три дня стереть Булгар с лица земли. Сказано — сделано. Население развезено. «А наш предок Муслим, — говорит автор, — со своим родом обосновался на реке Ташбилги, и так возник аул Ташбилги». Другие же старцы с именами Мамадыш, Татиш, Джанбакты основали другие селения, которым дали свои имена⁶⁹.

Нетрудно заметить, что и в этой части «тимуриады» Муслими использовал основные положения анонимного «Дафтар». Отклонения, правда, имеются. Во-первых, вместо Абдуллы-хана называется Бикчур. Полководец и завоеватель Тимур не просто разрушает Булгар, а выполняет божью волю. Вместо племени «барадж» и города анонимного автора, Муслими называет свой родной род и известные ему селения. А этноним «барадж» относит, как видели выше, к булгарскому вазиру.

⁶⁶ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 219.

⁶⁷ Х. Г. Гимади. Историография Татарии..., стр. 820.

⁶⁸ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 223.

⁶⁹ Муслими. Таварих..., стр. 36. Рукопись. Т. 1115, л. 39 б — 40 а. Это одно из часто цитируемых сведений Муслими; см.: Х. Г. Гимади. Народы Среднего Поволжья..., стр. 222; История ТАССР, I, стр. 97; Татары Среднего Поволжья..., стр. 375.

Во-вторых, Муслими выступает «борцом за точность». Крушение Булгара, оказывается, произошло не в каком-то 700/1300—01 г., а точно в месяце мухарраме, 27 марта 869/1464 г. (правда, в 1464 г. мухаррам соответствовал не марту, а сентябрю), выходит, что это событие произошло ровно через 59 лет после смерти Тимура (1405 г.). Поражает и другая «точность»: ко времени гибели города в Булгаре было ровно 12024 дома!..

После Булгара, разрушив попутно Кашан, Тимур отправляется в сторону Руси. Но во Владимире ему снится Илья-пророк и передает приказ Всевышнего — поворачивать обратно. Тимур подчиняется. Однако не следует думать, что Муслими по-рабски точно повторяет рассказы анонимного «Дафтар». Нет, царь Михайла заменяется Иваном — сыном Василия; Тимур бросает не просто какую-то лошадку, а целую черную кобылу, причем, схватив ее за задние ноги...

На обратном пути Тимур, кроме разрушения Елабуги, которую, оказывается, по-гречески называли Содомом, что в переводе означает «окунь»⁷⁰ занимается посещениями святых могил. Между прочим, когда гостил у благочестивого Байраш-хана, Тимур посетил прах Мулла-хафиза ат-Ташканди (Ишнийаз-за Ширшийазова, умершего в 1790—91 гг.).

Если в этих рассказах Муслими сильно отклоняется от анонима, то далее опять пользуется его сюжетами, изменяя, однако, интерпретацию: после Булгара Тимур занимается распространением ислама среди казахов и других кочевников. Умирает же он в Самарканде, 63-х лет, как по язвительному замечанию Ш. Марджани, в «святом возрасте» самого Мухаммеда. Кстати, и Тафтазани умирает в таком же «святом» возрасте в 902/1496—97 гг.⁷¹

Со смертью героев приходит конец и сказу. Когда автор завершил книгу, был мухаррам — январь 992/1584 г. и «год мыши» (хотя 1584 г. был годом «дракона»). Таким образом, выходит, что автор свою «историю» объемом 1,5—2 печатных листа писал более полувека...

Исходя из всего изложенного, можно заключить, что перед нами «историческое» сочинение, в котором лживые сообщения и грубые анохронизмы⁷² представлены в таком грандиозном количестве и с такой поразительной систематичностью, что не остается никакой точки опоры для оговорок, будто эти искажения —

⁷⁰ Муслими. Таварих..., стр. 19, 38. Рукопись Т. 1115, л. 28 б, 40 а. Однако, как установил К. Невоструев, ни в греческом, ни в финских языках нет слова «содом» со значением «рыба-окунь» (К. Невоструев. В городищах..., стр. 57).

⁷¹ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 225. Напомним, что Тимур родился в 1333, умер в 1405 г., а Тафтазани, соответственно в 1322 и 1390 г.

⁷² На примере Муслими хочешь — не хочешь, а согласишься с мнением, что «татарские писатели — заклятые враги хронологии» (В. В. Григорьев. Волжские булгары, стр. 82).

позднейшие наслоения или результат фантазии. Наслоениями называются такие добавления, которые не составляют канву — основу текста и которые можно в той или иной степени от с л а и в а т ь. Исторической фантазией могут считаться такие повествования, в которых п р о ш л ы е события искажаются п о з д н е й ш и м и авторами, но не наоборот. А что останется от «Таварих», если начнем последовательно удалять из него, так сказать, «наслоения и фантазии»? Почти ничего. Ибо и те рассказы, что все-таки «остаются», не принадлежат ему самому.

В таком случае, естественно, благоразумнее иметь дело с самими источниками Муслими, но не с его переложениями их.

Источники «Таварих» Муслими. О его наследии

Из высказываний, которые посвящены выяснению источников «Таварих» Муслими, серьезными следует считать попытки Х. Хисматуллина. Речь идет, однако, не о выводах его, а только о констатации фактов. Например, ему удалось установить, что часто называемые в «Таварих» древнегреческие книги, именно «Атлас» Птолемея и «Занд» Гиппократ (Букрата) фактически не принадлежат этим авторам, неизвестно вообще, чьими творениями они являются. Попытка же Х. Хисматуллина отождествлять «Атлас» с «Ал-Маджаст» Фараби⁷³ ничем не подкреплена. Имя последнего ученого вообще не упоминается в «Таварих». Так что стремления «включить» Муслими в соревнование с древнегреческими учеными или гениальным Фараби остались добрыми пожеланиями... Столь же неудачны тенденции Х. Хисматуллина изобразить «Таварих» как производное от сочинений, подобных «Аджаиб ал-махлукат», автором которого назван некий 'Али ибн 'Абд ар-Рахман⁷⁴.

Когда же Муслими свои сведения об Урале, этимологию этого слова, а также термина «магнит» приписывает имаму Газзали, он сам разоблачает себя, так как Газзали не географ, не астроном, а всего лишь знаменитый мистик, основоположник суфизма.

Что касается называемого Х. Хисматуллиным сочинения «Фарханг-наме», которое Муслими именует лишь в форме

«Лугат-и фарханг» (لغت فرھنگ), то о нем речь будет идти ниже.

Итак, все сочинения, названные Х. Хисматуллиным по словам Муслими, не были источниками «Таварих», иначе Муслими не черпал бы свои путанные сведения о незначительных речушках

⁷³ Древняя татарская литература, стр. 446, 451.

⁷⁴ Кого подразумевал под этим именем Х. Хисматуллин, Закарию Казвини или Ахмада Туси, которые оба были авторами сочинений с таким названием, непонятно.

Татарии и Башкирии из мнимого «Атласа», приписываемого то Птолемию, то Гиппократу. Вообще, когда Муслими «точно» называет свои источники, это является грубой фальсификацией. Если же Муслими использует какой-нибудь источник, то он о нем вообще умалчивает. Так происходит, например, в заключительной части «Таварих», где Муслими всю канву событий по истории Тимура заимствовал из анонимного «Дафтар-и Чингизнаме», правда, превратив легендарного предка Чингиза (Турумтая) в его сына, перенеся селение Алмалык на восток Китая и т. д. Характерно, что Муслими, не забывающий при каждом удобном случае называть свою сомнительную «Малхаму» и какой-то «Атлас», ни разу не упоминает дастанов из «Дафтар», чем косвенно признает, что основным источником сведений для него служил именно данный памятник. Зато в «Таварих» можно найти множество названий несуществующих сочинений, которые Муслими просто выдумал. Вообще Муслими не только не знал и не хотел знать подлинных источников, он хотел, чтобы и другие их не знали. Обилие умышленно искаженных фактов не позволяет делать много вывода: это не результат искреннего заблуждения, а плод целенаправленной мистификации. Если доверять Муслими, то можно легко найти могилу погребенного в Самарканде ходжи Ахрара⁷⁵ в Татарии. Между прочим, некоторые археологи XIX в. «находили» здесь эту могилу⁷⁶.

Но кто же тогда этот Муслими и когда в действительности он сочинил свой «Таварих»? Начнем со второй половины вопроса.

Предлагаемые автором даты о времени составления сочинения не выдерживают элементарной критики. О XVI, XVII, даже о первой половине XVIII в. не может быть и речи, так как рассказы о войнах между Тимуром и Надир-шахом передвигают дату на конец XVIII столетия. Сведения о «булгарском шайхе» Ишнийазе Ширнийазове дают возможность говорить о начале XIX в. Спрашивается, не правы ли были А. Рахим, датировавший «Таварих» стыком XVIII—XIX вв. и Х. Гимади 1941 г., твердо указавший на первую половину XIX столетия?⁷⁷ Другого вывода невозможно получить.

В пользу такой датировки говорит и анализ списков «Таварих» Муслими. Например, из 20 рукописей ИВАНА лишь одна (В 2548) датируется 1827 г., остальные составлены позднее. Спорной является лишь одна рукопись, которую С. Муратов без каких-либо обоснований относит к XVIII в.⁷⁸ Такая датировка

⁷⁵ О ходже Ахраре, главе среднеазиатского дарвишизма, умершего в 1490 г., о его действительном погребении см.: Н. Веселовский. Памятник Ходжи Ахрара; В. В. Бартольд. Улугбек..., стр. 121, 164—172.

⁷⁶ В. А. Казаринов. Заметки..., стр. 107; П. Пономарев. Данные о городах..., стр. 331.

⁷⁷ А. Рахим, Г. Газиз. История..., стр. 126; Х. Г. Гимади. Некоторые вопросы..., стр. 56.

⁷⁸ Л. В. Дмитриева и др. Описание..., I, № 46.

не убеждает, ибо в этом же сборнике имеется другая версия «булгарской истории», которая целиком состоит из смешения сведений самого Муслими и «Истории» Таджетдина Ялчигула⁷⁹, написавшего свое сочинение в 1805 г. Словом, доступные ныне науке рукописи говорят в пользу датировки сочинения Муслими началом XIX века.

Правда, есть данные и в пользу XVIII века. Например, Р. Фахрутдинов, отвечая на вопрос одного читателя о дате «Таварих», писал следующее: из знакомых ему рукописей сочинения самым старшим является список, «который в 1189/1773—74 году составил мулла и мударрис Абдулхалик бин Абдулла... бин Янаи в ауле Старый Адам (Иски Эдэмсу) Чистопольского уезда»⁸⁰. Сомневаться в правильности чтения Р. Фахрутдинова не приходится. Однако есть другие «но»:

как быть с датой 1790—91 г., когда умер Ишнийаз бин Ширнийаз? или допустить, что Муслими к мертвым отнес живого человека, или же дату 1773—74 считать очередной фальсификацией?

если последняя дата правильна, то почему мы не располагаем хоть одним списком, составленным между 1774—1827 годами. во то время как 30-е и 40-е годы XIX в. дают в общей сложности около двух десятков датированных списков «Таварих»?

чем объяснить и тот факт, что о «Таварих» ученые стали говорить лишь в 40-е гг. XIX в.?

если отнести последний факт к малоосведомленности Г. Георги, И. Хальфина и других востоковедов конца XVIII и начала XIX вв., то почему не называет «Таварих» Муслими и Таджетдин Ялчигулов?

Все это говорит о том, что дата 1773—74 г. очень сомнительна. Самой старой рукописью пока может считаться лишь список 1827 г. Но, до обнаружения новых материалов, целесообразнее было бы оставить датировку А. Рахима: конец XVIII — начала XIX вв.

Итак, «Таварих-и Булгария» Муслими является сочинением новым и никакого отношения к XVI в. не имеет.

Касаясь вопросов датировки «Таварих», А. Рахим сделал очень интересное наблюдение: язык сочинения совершенно отличается от языка не только ханских ярлыков, но даже и таких поздних памятников, как «Сборник летописей» и анонимный «Дафтар»; он изобилует османско-турецкими элементами (лексика и грамматические формы), которые очень характерны для татарского письменного языка второй половины XVIII и XIX вв.⁸¹ Надо признать это наблюдение очень метким и правильным. Оно вполне соответствует не только развитию литера-

⁷⁹ Там же, № 56.

⁸⁰ Журн. «Шура», 1912, № 10, стр. 316.

⁸¹ А. Рахим, Г. Газиз. История..., стр. 126—127.

турного стиля, а отражает большие социально-идеологические сдвиги внутри татарского общества в XVIII—XIX вв., когда окрепшая и стремящаяся к гегемонии национальная буржуазия, отвернувшись от малонадежной старой Бухары, обратила свои взоры к Стамбулу, и стала усиленно «османизироваться» как в литературном языке, так и в других сферах культуры⁸². Так что и языковые особенности «Таварих» говорят в пользу XVIII—XIX вв.

Но Х. Хисматуллин решил эту особенность языка Муслими трактовать совсем по-иному. Оставив без внимания ту часть рахимовских доводов, где говорится о засилии новоосманского языкового влияния, с одной стороны, и новой терминологии, например, «покров», Волга, Рим (к которым добавим: магнит, церковь, Архан — Архангельск, Чистай — Чистополь, Пекин, Нанкин, Симбирская губерния⁸³ и т. д.), с другой, которые абсолютно невозможны для татарского языка XVI в., Х. Хисматуллин объясняет лишь причины понятности речи «Таварих». Это произошло, рассуждает он, от того, что язык болгарского автора базировался на «народной речи» и это доказывает, что язык болгарцев легко понятен современному читателю. Далее, как продолжает интерпретатор, Муслими, в отличие от авторов ханских ярлыков, «Дафтар», Кадыр-Али-бека и даже поэта Мухаммедьяра, был народным писателем, ибо он свое сочинение основывал на народной речи и на народных преданиях⁸⁴.

Оставим без внимания противопоставление Муслими поэту-гуманисту XVI в. Мухаммедьяру. Но что же служит критерием для определения народности? То, что сочинение Муслими насквозь пропитано идеями дарвишизма, поповщины? То, что в качестве «народных преданий» предлагаются одни лишь религиозные легенды? А может быть народность Муслими заключается в том, что он в восторге от карательных действий созданного им же образа полупророка, полупалача «его высочества Тимура»? Или же народность этого «болгарского историка» заключается в том, что он не рассказал почти ни одного связного сюжета с достоверным содержанием? Может быть это сочинение делает народным то, что вместо гражданской истории автор предлагает историю бесчисленных могил?!

Х. Хисматуллин, правда, справедлив в одном: язык «Таварих» действительно очень понятен современному читателю, в нем нет таких социально-политических терминов и малораспростра-

⁸² Приписать все это деятельности И. Гаспринского и его «Тарджиман» было бы ошибочным, так как вполне османизированный татарский литературный язык мы встречаем еще в XVIII в., например, «Записки» И. Бекмухаммедова.

⁸³ Датировку этих топонимов в данных вариантах оставляем будущим защитникам древности Муслими.

⁸⁴ Древняя татарская литература, стр. 450, 451.

ненных этнонимов как «улан», «иштак» и др. Но, к сожалению, автор не справедлив в отношении своего предшественника Б. Яфарова, на рукописи которого в других случаях он часто ссылается: идея о «народности» (халыкчанлык) принадлежит именно ему, когда он, объясняя поведение Ильи-пророка, недопустившего завоевания Тимуром Руси, прямо заявил, что это происходит от «демократичности» воззрений Муслими, который был лоялен к восточной политике Москвы!⁸⁵

Кто же в конце концов Муслими? Сказать что-либо определенное даже о его имени невозможно. Во-первых, во всех полных рукописных списках сочинения имя и отчество его представлены двояко: в начале сочинения он назван Хисам ад-дин сын Шараф ад-дина, а в конце—Шараф ад-дин сын Хисам ад-дина. Поэтому и главный «защитник» его сочинения называл его по-разному: то Шереф-эд-дин Булгари, то Хисам-эд-дин Булгари⁸⁶. Поэтому правильнее применять более нейтральную фамилию (тахаллус) Муслими. Вполне допустимо предполагать, что подлинного автора «Таварих» звали совершенно иначе.

Но человек с таким именем вполне мог жить в прошлом, и Муслими мог заимствовать его имя из старинного надгробия. Например, по словам стариков, как писал позднее С. Вахиди, «лет 80 тому назад существовал надгробный камень Хисамутдина сына Шарафутдина Муслими и первого основателя деревни Ташбильги Муслим-Баба»⁸⁷. Если верно это предание, то вполне возможно, что позднейший мистификатор-аноним, присвоив древнее имя, по своему использовал и даты жизни покойника: 958—год рождения, 992—смерти (не могла же брошюра с объемом 1,5—2 печатных листа писаться в течение 53 лет).

Зато можно сказать многое и определенное о социальной принадлежности Муслими и его моральном облике. Еще Ш. Марджани, презрительно заявляя, что такие сочинения, «составленные татарскими и башкирскими муллами, состоят исключительно из явной лжи, искажения событий, позорного суеверия», и все слова Муслими «не достойны не только доверия, но даже и внимания», так как автор их «всех людей считал; подобно себе, невежами и глупцами», внес ценный вклад в это благородное дело⁸⁸.

Р. Фахрутдинов был еще более конкретен. «По-нашему мнению,— писал он в 1900 году,— это был одержимый человек, который всю свою жизнь, странствуя по могилам, собирал и записывал выдуманные пожирателями подаяний и милостынь рассказы»⁸⁹.

⁸⁵ Архив КИЯЛИ, ф. 52, оп. 1, ед. хр. 150, лл. 18—19.

⁸⁶ Х. Г. Гимади. Историография Татарии..., стр. 820; История ТАССР, I, стр. 95.

⁸⁷ АВ ЛО ИВАН, ф. III, оп. 1, ед. хр. 19, л. I б.

⁸⁸ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., I, стр. 207, 216, 218, (Разрядка наша — М. У.).

⁸⁹ Р. Фахрутдинов. Асар, I, кн. 1, стр. 29.

Если сюда добавить выводы А. Рахима, что со своим полупроphetом Тимуром Муслими примыкает к среднеазиатским религиозным писателям⁹⁰, то мы получим почти законченное лицо невежественного, фанатичного татарского дарвиша, который, учитывая интересы народа к своему прошлому, решил использовать в пропагандистских целях историографию.

Неслучайно, что в сочинении Муслими нет ни одного гражданско-политического сюжета, зато с избытком представлены миссионерские диспуты, религиозно-карательные сцены, «святые» могилы и «географические» путеводители к ним. Не случаен и образ Тимура с возложенными на него функциями. Создавая такой образ-пугало божьего палача, автор как бы спрашивает читателя: если Аллах в прошлом, ниспослав Тимура, наказал еретиков, развратников и разрушил их города и страны, то не способен ли «Он» повторить все это заново?

Это и есть основная идея пропагандиста религии Муслими, человека недалекого в научной логике, невероятно фанатичного, ненавидящего все и вся — даже... кофе и ждущего нового крушения мира.

Однако этот пропагандист был неплохим в житейском отношении психологом, который хорошо знал, что забитого и малообразованного читателя можно обмануть в фактах сколько угодно, если только выдержаны форма и религиозно-догматический тон сочинения. В этом Муслими не ошибся: широкое распространение «Таварих» — хорошее тому подтверждение. Не ошибся он и в том, что на материале прошлого можно легко пропагандировать свои идеи. Наконец, психолог-пропагандист тонко подметил, что татарское население его времени, периода формирования нации, национального самосознания отдавало предпочтение не всеобщей истории мусульман, а прошлому своего народа. Исходя из этого, он и предложил свой вариант «национальной» истории, специально назвав ее «Историей Булгарии». Этим, между прочим, Муслими-психолог «убил второго зайца» — обманул не только современников, но нашел и позднейших поклонников.

Проповедническая целенаправленность Муслими хорошо прослеживается при сравнении его с анонимным автором:

так, если в «Дафтар» хромой Тимур, как и Чингиз-хан, прежде всего является полководцем, организатором, ставшим из нищего пастуха мирозавоевателем, а после всего этого мусульманином, то в «Таварих» он целиком миссионер и божий каратель, лишенный всякой индивидуальности;

если в «Дафтар» походы Тимура на турок и Булгар изображаются как этапы из жизни героя и не провиденциализируются до крайности, то в «Таварих» все войны «благочестивого хромца» являются результатом прямых указаний Аллаха;

⁹⁰ А. Рахим, Г. Газиз. История..., стр. 136.

если Илья-пророк анонима говорит лишь следующие слова: «не пришло время воевать с неверными»⁹¹, чем просто и кратко объясняется причина загадочного отступления Тимура от Руба, то Илья-почтальон Муслими толкует совершенно иначе: «От Аллаха нет тебе приказа призывать Московскую страну к вере»⁹²;

если для анонима неопределенный по вере Чингиз является идеалом государя и он умирает своей смертью, как было в действительности, а Тимур убивает лишь его «негодного сына», то у Муслими от рук правоверного Тимура принимает смерть сам язычник Чингиз-хан;

если все прошлое анонимному автору представляется взаимоотношениями между людьми и между государями, с одной стороны, между «сыном народа» и главой страны, с другой, а причиной социальных и народных бед являются тираны-правители, то для Муслими вся история представляется цепью религиозно-миссионерских действий, все беды происходят от ереси, а вся страна является кладбищем правоверных старцев.

Достаточно в этом последнем аспекте сравнить: если «Дафтар» упоминает об одной-двух могилах (Чингиза и Тимура), то вся вторая статья «Таварих» — в композиционно-идейном отношении центральная часть произведения — состоит исключительно из перечисления могил «сподвижников» и всяких шайхов. Если учесть, что первая статья со своим календарем и землеписанием является как бы введением для истории Булгара, и она нужна была автору лишь для иллюстрации «энциклопедичности» и только для определения места Булгара с его могилами, а заключительная часть (хатима) необходима была Муслими для устрашения читателя, то нетрудно понять, что история была написана автором для того, чтобы показать мусульманскую исключительность Булгара в прошлом. Этой единой цели служит и легенда о принятии булгарцами ислама, которую он взял от более ранних татарских провиденциалистов. Ей же подчинены рассказы о несуществовавших булгарских последователях и многочисленных святых шайхах с их бесчисленными могилами. Отсутствие у автора чувства меры, однако, дало иные результаты: вместо Булгара со славным прошлым, вместо истории Булгарской страны получился каталог могил с наукообразным обрамлением. Поэтому сочинению Муслими больше соответствовало бы несколько иное название: «Таварих-и Мазария» — «История кладбищ».

Таково, по нашему убеждению, основное содержание «Таварих-и Булгария», таково подлинное лицо Муслими.

Теперь можем вернуться к поставленному в самом начале

⁹¹ Р. Джиганшин. Дафтар..., стр. 34.

⁹² Муслими. Таварих..., стр. 37. Рукопись Т. 1115, л. 40. (Рядка заглава.— М. У.).

вопросу: оправдал ли Муслими — «историк XVI в.» доверие и надежды своих защитников? Конечно, нет. Во-первых, приписываемые Муслими сведения не принадлежат ему. Во-вторых, и эти сведения искажены им, приведены в абсолютно недостойном доверия виде. В-третьих, Муслими просто не является историком XVI в., тем более болгарским. В-четвертых, что основное, «Таварих» Муслими не дал науке ни одного достоверного исторического факта прошлого⁹³. Увлечение же личностью Муслими и его сочинением дало негативные результаты в другом плане: этот везде и всегда рекомендуемый «древний источник» резко отталкивал исследователей не только от себя, но и от других татарских источников, от всей татарской исторической литературы в целом. В противном случае трудно объяснить тот факт, что за последние 30—40 лет изучению татарских исторических сочинений не было посвящено ни одного специального исследования. Таковы последствия предвзятого отношения к памятникам прошлого⁹⁴.

Со стороны читателя возможен такой вопрос: стоит ли игнорировать значение «Таварих» Муслими? Нет, конечно, этот памятник как историко-литературное сочинение конца XVIII века, безусловно, имеет свое место в системе развития татарской исторической мысли, но не «как один из первых памятников древнетатарской феодальной исторической литературы»⁹⁵, а как один из последних, причем, характернейших образцов старотатарской клерикальной историографии периода агонизирующего феодализма. Если сравнить эту фальсификацию с сохраняющим светскую официальность и сравнительную достоверность «Сборником летописей» Кадыр-Али-бека, даже с изрядно трансформировавшимся по форме и содержанию «Дафтар-и Чингиз-наме», который также в целом остается еще светским сочинением, то мы увидим, что «история» Муслими является пределом падения и концом старотатарской феодальной историографии.

Естественно, и в сугубо источниковедческом плане «Таварих» Муслими может быть объектом для исследования в решении частных вопросов, ибо в любом памятнике прошлого, даже

⁹³ Примечательно, что веривший в достоверность «Таварих» эпитафист Г. В. Юсупов не смог извлечь из «могилиады» Муслими — основной части сочинения существенных данных, ибо «лишь очень небольшое число указанных им кладбищ имеет ныне древние надгробия» (Г. В. Юсупов. Введение..., стр. 29).

⁹⁴ В тенденциозности могут обвинить и автора этих строк, что он таким подходом к памятникам культуры и письменности, обедняет наследие прошлого и пренебрегает авторитетом своих предшественников. Торопливость таких «великодушных» толкований весьма очевидна. Во-первых, татарская историческая литература периода феодализма не так уж бедна, чтобы ее подмять «могилиадой» Муслими. Во-вторых, подлинным пренебрежением является не полемика, а молчаливое игнорирование мнений предшественников...

⁹⁵ Х. Г. Гимадии. Историография Татарии..., стр. 820. (Разрядка наша. — М. У.).

в самой последней мистификации могут сохраниться те или иные факты истории. Но при всем этом вряд ли следует выдавать часть за целое, желаемое за действительное и игнорировать обилие искажений. В противном случае неизбежна профанация науки, когда конец выдается за начало, а падение — за взлет.

Однако всякое падение предполагает и подъем чего-то, этому диалектическому закону, вопреки желанию некоторых адвокатов Муслими, подчинилась и татарская историческая литература. Место выродившейся феодальной историографии заняла быстро формирующаяся, наступающая буржуазная историческая наука. И вместо самоуверенного, безапелляционного в суждениях и оупляющего своими «точностями», безответственного и реакционнейшего Муслими пришел критичный, даже скептический и отрезвляющий своими громкими сомнениями, осторожный в выводах, но весьма противоречивый по мировоззрению Ш. Марджани. Началась новая эпоха татарской исторической мысли — эпоха становления буржуазной исторической науки⁹⁶.

Необходимо привести незаслуженно забытые слова Галимджана Ибрагимова, который еще в 1915 году, в связи со столетием со дня рождения Шихаба Марджани, посвятил критике сочинения Муслими специальную статью под названием «Одна историческая критика нашего великого наставника»⁹⁷. Подвергнув в ней тщательному анализу критическую главу из «Мустафад ал-ахбара», проиллюстрировал мысли Ш. Марджани примерами из «Таварих», Г. Ибрагимов писал, что сочинение Муслими «появилось не как вещь случайная или исключительная, — оно полностью отражает дух своего времени»⁹⁸, так как вполне удовлетворяло потребности клерикального духовенства. «В этой связи, — резюмировал Г. Ибрагимов, — критикуя данное произведение, Шихаб-хазрат (Марджани. — М. У.) отрицал прежде всего не Хисамутдина Муслими, а критиковал общественную мысль того времени в целом. Потому что вещи (то есть искажения событий, фанатизм и т. д. — М. У.) в «Таварих» Муслими принадлежали не только ему одному, а были достоянием, общей «собственностью» всей татарской среды. Иначе говоря, он (Муслими. — М. У.) не был одиноким. Значит, опять повторяем, критику Шихаба-хазрата в адрес этого сочинения необходимо рассматривать как войну против общего невежества, против общей исторической ошибки того време-

⁹⁶ Освещение судьбы татарской исторической литературы в целом, возникновение течений в эпоху формирования науки, успехи просветительского направления, эволюцию либерального уклона и зарождение революционно-демократического направления и многое другое являются очередной и неотложной задачей историографов Татарии.

⁹⁷ ع. ابراهيميف . بويوك استاذمزلنگ ...

⁹⁸ Там же, стр. 42.

ни»⁹⁹. Вряд ли стоит добавлять что-либо к этой глубоко научной оценке места и значения как «Таварих» Муслими, так и выступления Ш. Марджани.

Однако, имеется и такая примечательная деталь: после этих же замечательных слов Г. Ибрагимов тут же утверждал, что, раз Ш. Марджани окончательно доказал никчемность творения Муслими, «было бы смешно в наши дни попытаться [повторно] критиковать «Таварих-и Булгария». Против такого оптимизма ученого говорит продолжение полемики о сочинении Муслими до наших дней. Что касается «долговечности» этой полемики, то она объясняется не только тем, что отдельные исследователи сознательно шли на союз с явным фальсификатором, но и тем, что, во-первых, историки Татарии до сих пор испытывают «голод» в автохтонных источниках периода феодализма, во-вторых, тем, что не разработаны проблемы как татарской историографии в целом, так и источниковедения, в частности.

«ТАВАРИХ-И БУЛГАРИЯ» ТАДЖЕТДИНА ЙАЛЧИГУЛА И ЕГО МНИМЫЕ «ИСТОЧНИКИ»

Упадок и застой татарской исторической мысли в XVII, XVIII и даже в начале XIX вв. способствовали появлению и других псевдоисторических сочинений, аналогичных «Таварих» Муслими. К таковым относится небольшое сочинение Таджетдина сына Йалчигула, носящее во многих списках как и «история» Муслими, громкое название «Таварих-и Булгария»¹⁰⁰. Написано оно в 1220/1805 году¹⁰¹.

Правда, по сравнению с «Таварих» Муслими сочинение Т. Йалчигула не пользовалось большой популярностью. Во-первых, последний «Таварих», хотя и не уступает в грубом искажении действительности первому, выглядит очень наивным и малоубедительным, ибо автор его не обладал качествами Муслими-мистификатора. Во-вторых, сильно страдает и форма сочинения, так как отсутствие идейно-композиционной стройности обусловили невероятную рыхлость его. В-третьих, саморазоблачению способствовало и честолюбие автора, который, открыто назвав свое имя и указав дату составления «Таварих», снял с него ореол «древности».

Все же, благодаря низкому уровню исторического знания у широких слоев тюркоязычного читателя Поволжья и Приуралья, творение Таджетдина также сумело распространиться в определенной степени. Мы располагаем более чем десятью списками его: В 2673, В 3492 (из фондов ЛО ИВАНА), Т. 587,

⁹⁹ Там же, стр. 44.

¹⁰⁰ В отдельных списках сочинение озаглавлено: «Тарих-намен Булгар».

¹⁰¹ Следовательно, в формально хронологическом отношении это сочинение выходит за рамки данного исследования. Но в действительности оно является типичным образцом татарской исторической литературы XVIII в.

Т. 588, Т. 597, Т. 1388, Т. 1842, Т. 1870 (ВОНБ КГУ) ¹⁰². Отдельный фрагмент его имеется и среди бумаг-конспектов Ш. Марджани (Т. 1967, лл. 288—289, выпавшие из рукописи).

Уже отмеченная композиционная рыхлость способствовала тому, что «Таварих» Ялчигула легко поддавался произвольному сокращению, изменению его переписчиками. Часть его сведений смешивали с аналогичными данными Муслими (рукописи: Т. 588, В 3492). Кроме указанных списков отдельные выписки из этого «Таварих» имеются в неисследованной интересной рабочей рукописи И. Хальфина (ГПБ, ТНС 32, лл. 916—93а). Сокращенный вариант полного текста опубликован был также в 1897 г. в книге М. Умидбаева ¹⁰³.

Следует отметить, что в отличие от Муслими-анонима о Т. Ялчигуле мы располагаем достаточными биографическими данными, которые помогают раскрыть и сущность его «Таварих». Некоторые сведения о себе дает в своей «истории» сам автор, отдельные, но очень ценные материалы имеются у Ш. Марджани. Судя по всему, Таджетдин родился в семье башкирца Ялчигула около 1768 года. Отец его, одержимый дарвиш, всю свою жизнь посвятил скитаниям и паломничествам. Не отставал от него и сын. Он также большую часть своей жизни провел в скитаниях, побывал в Турции и многих городах России (Астрахань, Москва, Казань и др.) Полностью верить словам Таджетдина, как это делает А. Харисов ¹⁰⁴, о том, что он в Турции много лет учился, вряд ли следует. Скорее всего, свою жизнь в Турции он проводил в компании невежественных фанатиков. Ведь все его сочинения, как отметил еще Ш. Марджани, полны грубыми ошибками и невероятными искажениями ¹⁰⁵. Последние годы своей жизни он проводил в качестве муллы в ауле Милим Мензелинского уезда. Но Таджетдин, как выясняется из рукописных источников, часто бродил по селениям, занимаясь одновременно и «врачеванием» ¹⁰⁶. Между прочим, «куда бы ни отправлялся он,— по словам Марджани,— всегда ходил исключительно пешком». Он умер скорострительно в 1838 г. во время одного «врачебного обхода», и, как уточняет тот же Марджани, в пьяном состоянии ¹⁰⁷.

¹⁰² См. описание: А. Фатхиев. Описание рукописей, ч. 3, стр. 29—33.

¹⁰³

م. امید بایف - یادگار...، ۴۹-۴۵ - بیتلر.

(М. Умидбаев. Памятники..., стр. 45—49). Дата, указанная в этом списке,— 1200/1786 год, является ошибочной, так как во всех других обширных редакциях сочинения стоит 1220/1805 г. Такая ошибочная дата стоит и в отрывке, который опубликовал Р. Г. Кузеев (Башкирские шеджере, № XXIV). На самом деле этот отрывок является несколько дополненной версией Умидбаевского варианта.

¹⁰⁴ А. Харисов. Литературное наследие..., стр. 283.

¹⁰⁵ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., II, стр. 250.

¹⁰⁶ ЛО ИВАН, рукопись В 2673, л. 96.

¹⁰⁷ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар..., II, стр. 251.

Что касается его сочинения, то, говоря кратко, перед нами невероятно фантастическая шаджара — генеалогия предков автора, от Адама до самого Таджетдина, где под видом исторических сведений собрано все, кроме достоверного. Например, самым древним, именно 85-ым предком-родоначальником¹⁰⁸ его, оказывается, был сам Адам. А 79, 75-м прадедами являлись пророки Идрис (Енох) и Нух (Ной). Далее, наравне с другими фантастическими именами (в действительности являющимися причудливыми наборами звуков, как-то: Карамуш, Тахлаис, Махлаиш, Амкаш и т. д.) в качестве своих непосредственных предков Таджетдин называет Владимира и Митрофана, Сократа и Нуширвана («справедливого») и многих других. Естественно, что когда башкирин своими предками называет евреев, русских, греков и персов, уже не приходится удивляться тому, что в числе его дедов оказались болгарские цари и турецкие султаны (Тауки, Айдар, Абдулла-хан, Илхам, Алим-бек, султаны Мурад, Селим и др.). В качестве одного из мудрейших предков назван и Кул-Али (по Умидбаеву — 19-й предок). Шаджара, естественно, кончается именем и деятельностью самого Таджетдина. Причем, каждое имя сопровождается комментариями, порою довольно развернутыми, в которых с поразительной «точностью» и безапелляционностью сообщается, кем был этот предок, где он жил, чем занимался, когда основал город Самарканд, сколько лет ханствовал и т. п. Словом, невероятная фантастичность генеалогии Т. Ялчигула и абсолютная негодность его сведений в источниковедческом плане весьма очевидны. В этом отношении Таджетдин опередил Муслими, поэтому подробно анализировать его «труд» нет необходимости. Но «Таварих» Т. Ялчигула для нас интересен прежде всего своими «источниками».

* * *

В 1817 году в работе Х. М. Френа было опубликовано одно извлечение из какого-то доселе неизвестного «татарского исторического сочинения» под довольно загадочным названием «Фарханг-наме» — **فرمانک نامه** («Книга-словарь») ¹⁰⁹.

Затем это название начинает кочевать из исследования в исследование; причем, появляется еще один «древнетатарский источник» с многообещающим заглавием — «Таварих-и даваир»

— **تواریخ دوایر** (История периодов) ¹¹⁰.

¹⁰⁸ Номера предков Таджетдина в обратном порядке даются по публикации М. Умидбаева, где, несмотря на сокращенность текста, генеалогическая цепь представлена в полном и наиболее стройном виде.

¹⁰⁹ Цит. по: С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 31.

¹¹⁰ И. Березин. Булгары на Волге, стр. 142; С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 34 и сл.; В. В. Григорьев. Волжские булгары,

Если дореволюционные историки о названных сочинениях судили по отдельным отрывкам, которые им предоставляли татарские муллы, и почти всегда оговаривали или намекали, что подлинниками сочинений они не располагают, то некоторые позднейшие авторы, например, В. Ф. Каховский и Х. Хисматуллин о «Таварих-и даваир» и «Фарханг-наме» пишут как о безусловно существовавших сочинениях¹¹¹. Однако никто до сих пор не ставил вопроса, откуда взялись эти «сочинения» и что представляют они по содержанию. То, что их названия впервые появились на страницах «Таварих» Т. Йалчигула, автора XIX века, не отмечено никем.

Таджетдин Йалчигулов, видимо, решил с самого начала оглушить своих читателей многозначительными названиями неизвестных публике книг. Так, в предисловии к своему сочинению он приводит названия семи книг, где имеются:

تواریخ دوائر الامام طبرز اليونانی ؛ تواریخ فرهنگ
لامام الطوسی،

то есть «Таварих-и даваир» имама Табриз ал-Йунани и «Таварих-и Фарханг» имама ат-Туси¹¹².

Внутри текста, при конкретных ссылках, последнее сочинение называется несколько иначе: «Фарханг-наме» (о других названиях речь пойдет ниже).

Таким образом, выходит, перед нами сочинения какого-то Табриза Греческого (Йунан — Греция) и Туси. Выходит также, что авторы с такими именами писали историю волжских болгар и предков самого Таджетдина.

Возьмем сначала «Фарханг-наме» («автора» же его, вернее фамилию Туси, оставим в покое). Т. Йалчигул пишет: «От Касура родился хаким (мудрец) Сократ (49-й «предок» самого Таджетдина.— М. У.). Этот Сократ прибыл в область Йунан (Греция), где был хакимом у Искандара (Александра Македонского.— М. У.) и, указав ему на путь к «Источнику жизни», они отправились на север, где и основали город, которому дали имя Булгар. «Булгар» по-гречески означает «благоухающий», также «лесистый и водный [край]». Реку [этого края] также назвали «Булгаром», а далее сокращая — «Волгой», как говорится об этом в «Фарханг-наме». В то время Сократ женился на девушке в Булгаре. А Искандар жил там девять месяцев...»¹¹³

стр. 81; П. Пономарев. Данные о городах..., стр. 112, и т. д. Следует сказать, что указанные названия иногда приводились и в несколько искаженном виде — «Ферхет-наме», «Тарих-уд-дуваир» и т. д.

¹¹¹ В. Ф. Каховский. Происхождение..., стр. 35; Древняя татарская литература, стр. 451.

¹¹² ВОНБ КГУ, рукописи, Т. 587, л. 1 б; Т. 597, л. 3 б.

¹¹³ Там же, лл. 5 и 66, 7а.

Сказочность этого сообщения весьма очевидна, в нем ни одно слово не соответствует действительности. Но было бы большой честью для Таджетдина, если бы все факты мы приписали лишь его фантазии. Как удалось выяснить, вышецитированное известие лишь наполовину принадлежит Т. Ялчигулову. Например, внутри некоторых татарских рукописей XVIII—XIX веков имеется одна ираноязычная запись, извлеченная из персидского словаря, где содержится почти аналогичный рассказ¹¹⁴. И в нем назван источник.

Содержание записи таково: «Булгар» есть название благовонной кожи и также огромного города, расположенного недалеко от «Страны мрака»; его основал Искандар Двурогий (Александр Македонский — М. У.). Когда он искал «Источник жизни», большую часть своего снаряжения оставил в пещере. А когда возвращался из «Страны мрака», часть народа, стекавшегося к нему с разных сторон, осталась жить у этой пещеры. Так постепенно возник город, который получил название «Бунгар». Но далее звук «н» был изменен на «л» и получен искаженный «Булгар». Правителями его являются потомки Искандара Двурогого. Это холодная страна, попугаев там не бывает. Также в области под этим названием имеются три города, самый крупный из них есть Булгар, второй — Сувар, третий — Асла¹¹⁵. Вокруг Булгара [живут] неверные и тюрки. Извлечено из «Фарханг-и Маснави».

Итак, нетрудно заметить, что эта статья из «Словаря Маснави» имеет действительно иранское происхождение, так как указывать на холод Булгара, близость его к северу и отмечать отсутствие попугаев в нем могли лишь жители юга. Нет оснований думать, что данная статья создана в Поволжье. Нетрудно заметить, что в этом небольшом по объему ираноязычном сообщении наравне с некоторыми фантастичными утверждениями (основание города Александром; поиски «Источника жизни», пещерное происхождение булгарцев и т. д.) имеется и много вполне реальных сведений (однозначность слова «булгар» с названием кожи¹¹⁶, географическое расположение и климатические условия Булгара, крупные города, население края и пр.).

¹¹⁴ Рукописи (ЛО ИВАН) А 1041, лл. 296—30а; В 3820, л. 16. Вольное татарское переложение записи имеется и в рукописи И. Хальфина (ГПБ, ГНС. 32, лл. 926—93а).

¹¹⁵ В рукописи А 1041 после этого слова переписчиком внесено «пояснение»: «то есть слобода» (л. 30 а); в рукописи В 3820, наоборот, стоит лишь

اشلا ; у Хальфина: اسبل . Возможно, что это искаженное

название булгарского города А ш л ы или А ш л а.

¹¹⁶ Кроме персидского и в узбекском, уйгурском языках высший сорт юфти до сих пор называется «булгари», то есть «булгарская (кожа)».

Но из-под пера «потомка болгарских ханов» Т. Иалчигула вышло совсем иное известие. Он выбросил все реалистические сведения, убрал пещерное происхождение слова «булгар», дав ему новую «греческую» этимологию, а из «благовонной кожи» сделал «благоухающую, лесистую страну» (слово «хушбуй» — ароматный, благовонный). Малоизвестных и ничего не говорящих ему попугаев Т. Иалчигул заменил Сократом, реальное «Фарханг-и Маснави» превратил в загадочное «Фарханг-наме», даже «Таварих-и Фарханг».

Так, благодаря Т. Иалчигулу, появилось на божий свет «татарское историческое сочинение» под названием «Фарханг-наме». На самом деле вышецитированная ираноязычная статья принадлежит перу индийского лексикографа Абд ал-Латиф ибн Абдаллах ал-Аббаси Гуджарти (умер в 1638—39 гг.), сочинение которого «Латаиф ал-Лугат» (Тонкости слов) иногда носило название «Фарханг-и Маснави»¹¹⁷. Упомянутая же статья среди татар распространялась в извлеченном виде.

Правда, Таджетдин этому «сочинению» приписывает и другие рассказы. Например, о принятии болгарцами ислама. Однако легенда у него рассказана так же, как она представлена у Муслими. Поэтому-то С. М. Шпилевский, сравнивая френовские извлечения из «Фарханга» (то есть отрывка из «Таварих» Т. Иалчигулова) с версией Муслими, был вынужден несознательно констатировать, что они совпадают «почти слово в слово»¹¹⁸. Действительно, Муслими и Т. Иалчигул в данном случае повторяют друг друга. Разница заключается лишь в следующем: хитрый Муслими в этом случае не прямолинейно и «греческое» происхождение названия болгарского города «Садум» (Содом) приписывает Елабуге, а источник свой называет очень расплывчато: «Лугат-и фарханг», словом, вполне «творчески» перерабатывает источник. Что касается простака Таджетдина, то он с документом обращается довольно неуклюже, лишь механически заменяя его детали — например, попугая на Сократа...

Легенда о трех сподвижниках Мухаммеда у Т. Иалчигула приписывается другому «источнику», загадочному «Таварих-и даваиру», автором которого, якобы, был имам Табриз ал-Йунани (Греческий). Еще С. М. Шпилевский, веривший в существование такого «сочинения», отмечал общность его сведений с известиями Муслими, но перечисляя имена Абдулла-хана и его сыновей, он несознательно выявил, что в этом случае материал «Даваира» заимствован из «Дафтар-и Чингиз-наме»¹¹⁹. Конечно,

¹¹⁷ С. И. Баевский. Описание... № 41—43. Сравнения татарских извлечений с текстом самого «Латаиф ал-лугат» показывают отсутствие принципиальных различий между ними (ЛО ИВАН, рукопись С 76, лл. 446—45).

¹¹⁸ С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 31; И. Березин также отмечал такую общность сюжета и материала (Булгары на Волге, стр. 141—142).

¹¹⁹ С. М. Шпилевский. Древние города... стр. 34.

С. М. Шпилевский ограничивался лишь указанием на общность сведений, сделать же соответствующие выводы он не сумел. А Таджетдин Йалчигул в своем «Таварих» действительно жонглирует именами Абдуллы-хана, его сына Алим-бела, называя их своими предками, однако, до невозможности искажая анонимный «Дафтар».

Что касается автора «Таварих-и даваир», Табриза ал Йунани, то здесь можно отметить лишь следующее: Табриз-Тебриз на самом деле является названием города в Иране, и он в такой же степени «Йунани» (греческий), в какой «справедливый» Нуширван и Сократ были — «булгарскими».

Было бы полбеда, если бы Т. Йалчигул ограничился лишь этими «источниками». Но в его сочинении мы встречаем и такие названия, как:

تواریخ هرمز للامام الجلی؛ تواریخ الجلی للامام
البعوی؛ روضة الصفاء للامام الجفی،

то есть: «Таварих-и Хирмиз» имама ал-Чалаби, «Таварих-и Чалаби» имама ал-Ба'ави, «Раузат ас-сафа» имама ал-Чаги и др. Всякий заметит, что в первых двух случаях наш автор, комбинируя одним и тем же словом, из турецкого титула челеби¹²⁰ получил одновременно и болгарского историка, и названия книги по истории болгар.

Но приписав общеизвестное и популярное сочинение иранского историка Мирхонда какому-то несуществующему ал-Чаги, Т. Йалчигул тем самым освобождает нас от дальнейшего обзора других его источников, как:

تواریخ جاماسب، تواریخ قسفرانی، تواریخ شامیه،

то есть «Таварих-и Джамасиб», «Таварих-и Касфарани», «Таварих-и Шамия» и др.¹²¹ Таких «сочинений» просто не существует. Никто их не читал, никто их не нашел¹²². Лишь один Х. Мухамедов без всякой оговорки называет авторов мнимых сочинений «средневековыми восточными историками»¹²³. Где он читал о таких «историках», когда жили они — Мухамедов ничего не говорит. И это вполне закономерно — подобных «восточных исто-

¹²⁰ Это слово татарами воспринималось как имя собственное, фамилия.

¹²¹ Рукописи Т. 587, л. 16; Т. 597, л. 36.

¹²² В свое время, удивляясь тому, что он часто встречал в литературе названия некоторых из этих источников, А. Рахим сделал запрос В. В. Бартольдву (ЛОА АН СССР, ф. 68, оп. 52, ед. хр. 270) с просьбой помочь. Сам А. Рахим сомневался, и ему делает честь то, что он никогда не жонглировал в своих работах этими названиями.

¹²³ Древняя татарская литература, стр. 76.

риков» не знают ни Хаджи Хальфа, ни другие позднейшие знатоки восточной библиографии.

Кроме указанных «сочинений», Т. Ялчигул часто называет и другой источник — «Чингиз-наме», что, безусловно, означает анонимный «Дафтар». Однако это еще не значит, что Т. Ялчигул передавал сведения своего источника точно. И здесь он оставался вполне верен себе. Например, во второй главе «Дафтар-и Чингиз-наме» упоминается имя одного бильярского бека: Кул-Али, которого в числе четырех знаменитых беков казнил Тимур. Т. Ялчигул же делает Кул-Али правнуком болгарского Абдуллы-хана и о нем пишет, что будто бы Кул-Али, сын Мир-Хаджи, 45 лет учительствовал в Хорезме и когда китайский (!) хаким Туси прибыл в Хорезм, чтобы убить Ибн Хаджиба, он бежал в Ургенч, далее в Киргизскую (Казахскую) степь, а затем в Булгар и обосновался в устье реки Зай. Через три года сюда пришел дракон, из-за чего население перекочевало в устье реки Черемшан и основало город Булгар (Биляр). А Кул-Али-эфенди (!) умер в возрасте 110 лет во время погромов Тимура. Он был учителем Ибн-Хаджиба¹²⁴ и т. д. Невероятная фантастичность этих утверждений очевидна.

Но совершенно иначе относится к этим фантастическим сведениям Х. Мухамедов. Так, в связи с атрибуцией и локализацией известного средневекового тюркоязычного дастана (поэмы) «Кысса-и Йусуф»¹²⁵, он цитирует эти слова Таджетдина и очень легко отождествляет автора поэмы Кул-Алия с не имеющим ничего общего с ним 19-м «предком» Т. Ялчигула¹²⁶. Из дальнейших рассуждений Мухамедова выясняется, что арабский лингвист Ибн Хаджиб родился в 570/1174 и умер в 646/1248 г в Александрии, и никакой Туси не разрушал Хорезм¹²⁷. Тут же Мухамедов заявил, что, раз Ибн Хаджиб и другие были реальными историческими лицами, а описанные события также являются действительно историческими (!), то поэт Кул-Али, безусловно, был учителем арабского лингвиста Ибн Хаджиба, следовательно, он происходил из сословия духовенства и т. д. и т. п. А затем Мухамедов даже вычисляет «даты жизни» поэта

¹²⁴ Рукописи Т. 587, л. 5; Т. 597, л. 66 и сл.; М. Умидбаев. Памятники, стр. 48.

¹²⁵ По предположению Э. Наджипа, этот дастан, «будучи кыпчакским в своей основе, испытывал влияние языков огузской группы» (Кыпчакско-огузский литературный язык..., стр. 10). Видимо, этим кыпчакским происхождением сочинения объясняется тот факт, что среди старописьменных тюркских народов оно имело популярность прежде всего у казанских татар.

¹²⁶ Древняя татарская литература, стр. 76.

¹²⁷ Там же, стр. 77.

Кул-Али: будто бы родился он до 1174 и умер между 1221—1248 гг.¹²⁸

Оставляя в стороне безоговорочное отождествление «дат» бегств Ялчигулского «предка» с годами монгольских походов в Среднюю Азию, позволительно спросить: если верна одна часть рассказа Таджетдина, то почему без внимания оставляется другая часть его, именно известие о смерти Кул-Али «во время погромов Тимура в возрасте 110-лет»? Или наоборот — если не верна вторая часть его рассказа, то почему без дополнительных, контрольных данных мы должны верить его первой части?

Короче говоря, у Х. Мухамедова получилось как у Муслими: его «поэт» Кул-Али прожил более 200 лет (так как он был старше своего «ученика» Ибн Хаджиба, следовательно, родился до 1174 г. и умер во времена Тимура — около 1392—1395 гг.).

Что касается прекрасного поэта Кул-Али, то он и ныне продолжает оставаться загадочным, не имея ничего общего с беком из Биляра анонимного «Дафтар», тем более с пресловутым «предком потомка Сократа».

* * *

Сочинения Муслими и Т. Ялчигула являются продуктами окончательной деградации официальной исторической литературы у татар в эпоху разложения феодализма. Отсутствие организующего светского центра способствовало тому, что все сферы письменной культуры, просвещения и классовой идеологии были монополизированы обессилым экономически, но озлобленным в идеологическом отношении татарским клерикальным духовенством. Именно этим и только этим можно объяснить тот факт, что за весь XVIII век и почти за всю первую половину XIX столетия в области официальной историографии появились лишь крайне провинциалистические сочинения Муслими и Ялчигула. Следовательно, в историографическом и даже филологическом отношениях они безусловно должны учитываться. В источниковедческом же плане (в специальном смысле этого слова) они не имеют ценности. Отрицательные результаты дала активная пропаганда этих произведений. К сожалению, не так-то легко избавиться от последствий этих ошибок, от желания ссылаться на эти «источники».

Однако татарская историография периода позднего феодализма располагает другими видами нарративных источников — образцами частных исторических сочинений. Речь идет о незаслуженно забытых татарских шаджара — генеалогических записях.

¹²⁸ Там же, стр. 77, 78; Следует отметить, что в таком необоснованном отождествлении двух Кул-Али, пальма первенства принадлежит уже известному Б. Яфарову, который в своей названной рукописи (стр. 35—36) проводил такое механическое отождествление. Дж. Алмаз к вопросу подходил несколько осторожнее, с оговоркой, см.: Дж а в а д А л м а з. Кисса-и Юсуф Али..., стр. 8—9.

ТАТАРСКИЕ ШАДЖАРА

ВИДОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СВОЕОБРАЗИЯ ТАТАРСКИХ ШАДЖАРА

Исторические записи на татарском языке, содержащие материалы из прошлого того или иного семейства, рода и фамилии, если не считать отдельных случайных или сугубо вспомогательных публикаций их текстов, как специальный источниковедческий объект еще не изучены.

Под «случайными» имеются в виду «Сборник летописей» Кадыр-Али-бека, «Дафтар-и Чингиз-наме» анонима и некоторые другие. Самостоятельная часть первого памятника состоит почти из генеалогий отдельных ханских династий и некоторых феодально-бекских родов. Во втором сочинении также имеются некоторые образцы старотатарских шадшара. Что касается «вспомогательных» публикаций текстов, то здесь в первую очередь необходимо иметь в виду материалы второй части «Мустафад ал-ахбар» Ш. Марджани и многотомного «Асар» Р. Фахрутдинова, в которых, в связи с изложением биографий отдельных личностей, представлены и генеалогические справки.

Первые попытки специально опубликовать тексты татарских генеалогий, собрать их в одном месте и специально исследовать их содержание связаны с именем неумоимого Р. Фахрутдинова. Именно он впервые на страницах редактируемого им журнала «Шурá» (Оренбург) в 1908—1917 гг. опубликовал ряд татарских родословных¹. Следует особо подчеркнуть, что этому ученому через журнал удалось привлечь к сбору генеалогических материалов широкие слои читателей². Но ему, однако, не удалось осуществить свой замысел — специально издать сборник генеалогий с подробным исследованием их содержания. К счастью, благодаря заботливому отношению Р. Фахрутдинова к культурному наследию своего народа, собранные им тексты шаджара в относительной сохранности дошли до наших дней. Их удалось нам выявить в хранящемся в Ленинграде и Уфе архиве ученого³.

¹ «Шурá», 1912, № 4, 1914, № 7, № 15; 1915, № 2—4, № 7, № 17; 1917, № 6, № 14.

² Там же, 1912, № 4, стр. 118—119, 1913, № 22, стр. 2 (обложка).

³ ИИЯЛ БФАН, фонд Р. Фахрутдинова (еще не описан), рукописи «Асара» и «Шаджара Акчуринных»; АВ ЛО ИВАН, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 1—6 М. У с м а н о в. Новонайденные историко-литературные источники.

В этих архивах в общей сложности представлены около 100 оригинальных и достойных внимания текстов татарских шаджара как в более ранних, так и в позднейших списках; некоторые списки составлены специально для ученого.

Коллекция Р. Фахрутдинова ценна и в том отношении, что собранные им тексты не ограничиваются материалами узкого региона, а охватывают почти все уголки России, в которых постоянно жили и живут татары — от Касимова до Барабы в Сибири, от Астрахани до Вятки и Перми. Деятельность Р. Фахрутдинова по собиранию этого богатейшегоклада генеалогических материалов достойна самой высокой оценки. Ему же принадлежат ценные высказывания относительно содержания, формы и сущности татарских шаджара.

Кроме богатого собрания Р. Фахрутдинова, отдельные образцы татарских родословных представлены среди бумаг и коллекций К. Насырова⁴, С. Вахиди⁵, есть и ряд малонинтересных генеалогий⁶. Значительное приобретение было сделано в 1968 г. во время археографической экспедиции Казанского университета, когда в Буинском районе Татарии был найден список неизвестной ранее истории одного татарского аула — «История Новых Тинчалей», в которой в качестве приложения представлены тексты более двух десятков родословных⁷.

* * *

Арабское слово «шаджара» (шәжәрә; традиционная русская огласовка — шеджере) в буквальном смысле означает «дерево». В сочетании со словом «насаб» (родство) — «шаджарат ан-насаб», оно дает новое значение: родословное дерево⁸.

В тюркских языках, в том числе в татарском, слово «шаджара» (шәжәрә) также означает «родословную, генеалогию». Оно может применяться в сочетаниях «насл шаджараси» (нәсел шәжәрәсе — генеалогия рода), «шаджара китабы» (шәжәрә китабы — родословная книга).

Определенный вклад по конкретизации смысла термина шаджара применительно к башкирским генеалогическим материалам сделал Р. Г. Кузеев в своей весьма интересной и в целом удачной книге. Отвергая прежние односторонние или неправильные объяснения этого слова (хроника, предание, летопись и т. д.),

⁴ ВОНБ КГУ, Т. 815 (несколько родословных).

⁵ Там же, Т. 260, Т. 604.

⁶ Имеются в виду шаблонные генеалогии турецких султанов и монголо-татарских ханов. Рукописные образцы их: ВОНБ КГУ, Т. 1268, Т. 809, Т. 123; колл. ГПБ, ТНС 32 (рукопись Хальфина), Однако шаджара золотоордынских и казахских ханов, список которой хранится в ЦГА БАССР (ф. 130, оп. 1, ед. хр. 15), является довольно интересным.

⁷ ВОНБ КГУ, рукопись Т. 2389.

⁸ Поэтому «Шаджара-и тюрк» Абу-л-Газы Г. Саблуковым переведен как «Родословное дерево тюрков».

Р. Г. Кузеев предлагает перевод «генеалогическая летопись»⁹. Однако с этим предложением вряд ли можно согласиться полностью, потому что вторая часть термина — «летопись» не вполне соответствует действительности. Дело в том, что почти во всех типичных генеалогических сочинениях, какому бы народу они не принадлежали, отсутствует тот основной принцип — освещение событий по летам (годам), который неотъемлем от летописей. Ведь и сам автор, отмечая сущность шаджара, правильно пишет, что «суть их остается примерно одинаковой, т. е. они включают родословную того или иного рода с более или менее подробным изложением наиболее выдающихся событий из жизни данной родоплеменной группы»¹⁰. И эти «наиболее выдающиеся события» освещаются в целом кратко, а в хронологическом отношении отрывочно и непоследовательно. Так что в типичных башкирских и татарских шаджара полностью отсутствует принцип летописания.

Кроме того, многие шаджара вообще лишены каких-либо «изложений» о событиях, они состоят исключительно из цепи собственных имен — из некомментируемой таблицы родословной. Сверх того и в более развернутых, прокомментированных генеалогиях даты представлены крайне редко. Поэтому письменные образцы шаджара следовало бы называть по-русски «генеалогическими записями». Видимо, исходя из подобных соображений, Р. Фахрутдинов название своей рукописи «Старинные шаджара» снабдил специальным подзаголовком «нәсел-ыруг язуглары» (записи рода и родства)¹¹.

Однако такое определение также односторонне, поэтому и внесена оговорка «письменно фиксированные». Ведь подавляющее большинство шаджара, возникнув сначала как памятники устной исторической традиции, передавались из поколения в поколение изустно. Как правильно пишет сам Р. Г. Кузеев, шаджара превращались таким образом «в своеобразную неписанную историю рода или племени», и даже рядовые члены общины «должны были запомнить имена своих предков до 10—15 колена»¹². Следовательно, шаджара присущ и не письменный образ существования, что, естественно, не укладывается в рамки «записи». Поэтому применительно к устным образцам шаджара больше подходит определение «генеалогическое предание»¹³.

⁹ Р. Г. Кузеев. Башкирские шеджере, стр. 7.

¹⁰ Там же, стр. 10.

¹¹ АВ ЛО ИВАН, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1.

¹² Р. Г. Кузеев. Башкирские шеджере, стр. 8, (разрядка наша — М. У.).

¹³ Примечательно, что и родословные якутов, не имевших до революции своей письменности, исследователями рассматриваются в целом как предания («Исторические предания и рассказы якутов», — ч. 1—2).

Следовательное уточнение значения «шаджара» продиктовано тем, что неточные определения могут быть причиной нежелательных выводов. Что касается тех частей шаджара, которые Кузееву дали возможность применить

Итак, шаджара тюркоязычных народов есть устное или письменно фиксированное историко-генеалогическое сочинение, в котором схематически кратко или местами более-менее подробно излагаются происхождение, развитие того или иного народа, племени, рода, фамилии.

Примером шаджара, когда в них освещается происхождение народа, даже ряда народностей и племен, может служить известный исторический труд хивинского хана Абу-л-Газы под характерным названием «Шаджара-и тюрк» (Родословная тюрков). Это сочинение своими истоками восходит к другому, еще более выдающемуся памятнику, «Джами' ат-таварих» Рашид ад-дина. Как справедливо отмечал И. П. Петрушевский, разделы последнего, посвященные истории тюркских и монгольских племен и истории Чингиз-хана до объединения под его властью Монголии, «имеют значение исключительно важного свода сведений о кочевых племенах Центральной Азии в дофеодальный период их истории»¹⁴. И эти сведения, как указывал сам Рашид ад-дин, им были получены, в основном, от таких не имеющих себе равных «во всей населенной части мира» знатоков «происхождения тюркских племен и их истории, особенно [истории] монголов», как Пулад-Чичен¹⁵. Следовательно, ценнейшие сведения из истории кочевых народов глубокой древности до нас дошли прежде всего в шаджара — генеалогических преданиях.

Правда, чем древнее рассказываемые в таких преданиях события, тем они легендарнее, а порою превращаются в мифы (или возникли из мифов). Однако, как справедливо отмечал А. Н. Кононов, и такие предания, наряду с элементами фантастики, «сохранили и много того, что когда-то реально существовало», поэтому они «должны быть подвергнуты тщательному и всестороннему анализу, так как они являются часто единственными источниками по истории»¹⁶. Следует заметить, что анализируя некоторые, на первый взгляд мифические предания о происхождении древних тюрков, С. Г. Кляшторный, например, сумел выявить «в них реалистическую основу, историографическая ценность которой в настоящее время представляется несомненной»¹⁷. Так что возражения некоторых авторов против тех исследователей, которые умаляли ценность сведений шаджара¹⁸, вполне оправданы¹⁹.

определение «летопись», то это краткие введения и комментарии лишь к отдельным частям генеалогической таблицы.

¹⁴ Рашид ад-дин. Сборник летописей, I, кн. 1, стр. 27.

¹⁵ Там же, стр. 67.

¹⁶ А. Н. Кононов. Родословная туркмен..., стр. 22.

¹⁷ С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники..., стр. 103.

¹⁸ Такую ошибочную позицию занимал В. Ф. Шахматов (История Казахской ССР, I, стр. 132).

¹⁹ М. Б. Ахинжанов. Этногенез..., стр. 199; Р. Г. Кузеев. Башкирские шеджере, стр. 10—11.

Примеров шаджара, в которых довольно интересно излагается происхождение одного конкретного народа, также немало. Из таковых в первую очередь можно было бы назвать упомянутую «Родословную туркмен» — второе сочинение Абу-л-Газы. К ним же относятся отдельные образцы башкирских генеалогий, тексты которых издал Р. Г. Кузеев.

Естественно, что относительную достоверность сведений родословных племен и народностей ограничить материалами лишь тюркоязычных генеалогий нельзя. Один пример — проверка материалов генеалогий полинезийцев из архипелага Рарона с данными местной археологии показали удивительную точность известий генеалогических преданий. На основе этих материалов ученым удалось разрешить не только отдельные проблемы этногенеза некоторых полинезийских родов, но также выяснить даты заселения ряда островов²⁰. Нет надобности особо говорить, что эти племена раньше не знали письменности.

Составление генеалогии было свойственно и культурным народам, например, арабам. На это в свое время указал Р. Фахрутдинов, хорошо знавший историю и филологию арабов. Он отмечал, что «у арабов наука о генеалогии была очень уважаема» и шаджара служили для них политическим и воспитательным средством²¹. Наличие в арабском языке специального термина «нассаб» — «ученый, занимающийся генеалогией», говорит само за себя.

Родословные составлялись и оседлыми народами, очень давно пережившими уровень родоплеменного развития в социальном значении термина. Ярким примером в этом отношении могут служить русские родословные²², при внимательном подходе к которым можно получить много ценных сведений по истории господствующих сословий²³. Следовательно, косвенное ограничение Р. Г. Кузеевым рамки шаджара лишь миром кочевых тюрко-монгольских народов²⁴ не отражает всю действительность.

Однако тенденция Р. Г. Кузеева оправдывается в некоторой степени тем, что у перечисленных им народов преобладают родоплеменные генеалогии, в то время как у оседлых народов, например, русских, татар и других, родословные, претерпев ряд эволюций, приобрели характер семейно-фамильных генеалогических записей (преданий). В этом заключается одно из основных своеобразий татарских шаджара. На эту специфику

²⁰ Бенгт Даниельссон. Счастливый остров, стр. 103 и сл. (также примечание редактора, стр. 114); Те Ранги Хироа. Мореплаватели...

²¹ ИИЯЛ БФАН, фонд Р. Фахрутдинова, «Шаджара Акчуриных», стр. 2.

²² Образцы см.: П. В. Долгоруков. Российская родословная книга, 1—4; В. Руммель и В. Голубев. Родословный сборник..., ч. 1; А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, I—II, и др.

²³ М. Е. Бычкова. Родословные книги..., стр. 475—480.

²⁴ Р. Г. Кузеев. Башкирские шеджере, стр. 10.

следует обратить особое внимание, потому что к татарским родословным порою нельзя предъявлять те требования, которые уместны применительно к шаджара казахов, туркмен, башкир и др., где генеалогические записи очень четко отражают состояние, развитие социально-экономических укладов.

Зависимость форм шаджара от особенностей социального устройства предполагает, естественно, их классовый характер, идеологическую тенденциозность, выражающуюся прежде всего в стремлении доказать знатность происхождения, благочестивость того или иного рода, фамилии и законность притязаний ее представителей на те или другие социально-экономические, общественно-политические привилегии. В одних шаджара эта тенденция выражена ярко, выпукло, в других — более умеренно.

Следующей принципиальной особенностью татарских шаджара является отсутствие среди них всеобщих, кодифицированных, общенародных генеалогий, какие, например, имеются у туркмен, монголов²⁵, что связано с отличием уровня социального развития татар от только что перечисленных народов и с отсутствием у татар в XVI—XIX столетиях объединяющего, организующего центра, каким является суверенная государственность, способная четко, организованно, проводить феодальную направленность историографии. Не случайно, что разные туркменские шаджара были собраны и объединены ханом Абу-л-Газы, ибо «в политических целях самого Абу-л-Газы нужно было кодифицировать разрозненные противоречивые родословные отдельных племен»²⁶. Башкирские родовые предводители и аксакалы, прилагая свои руки к генеалогическим записям²⁷, безусловно также преследовали определенные политические цели. А у татар в указанные периоды, из-за отсутствия цементирующего феодального общества родо-племенных связей в социальном значении и государственности в политическом, не нашлось подобных авторов. Таким образом, разрозненность, необъединенность татарских шаджара является результатом сложных социально-политических условий²⁸.

Такая особенность татарских шаджара обусловила и слабые, и сильные их стороны. «Слабость» татарских шаджара в том, что в них нечетко прослеживается общий историографический стержень, отсутствует общенациональная основа, плохо ощущаются результаты преемственности исторических традиций, следовательно, плохо сохраняются древнейшие версии ро-

²⁵ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 46—47; «Шара Туджи...», стр. 7.

²⁶ А. Н. Кононов. Родословная туркмен..., стр. 20, (разрядка наша — М. У.).

²⁷ Р. Г. Кузеев. Башкирские шеджере, стр. 8.

²⁸ В русской историографии роль своего рода кодифицированных общенациональных генеалогий выполняли летопись «Повесть временных лет», «Степная книга» и другие.

дословных. Как результат всего этого — основная масса татарских шаджара носит узко региональный, семейно-бытовой характер.

А «сила» и преимущество этих «слабых» генеалогий состоит в том, что они мало подвергались специальным, порою явно тенденциозным переработкам со стороны сугубо заинтересованных историографов типа Абу-л-Газы и башкирской родо-племенной знати. Семейно-бытовой характер и сравнительно «первобытное» состояние придают татарским шаджара в определенной степени «массовый» или точнее, малоофициальный характер.

Правда, преобладание семейно-бытового начала в татарских шаджара таит в себе и некоторую опасность. Дело в том, что семейно-бытовые шаджара, мало поддаваясь контролю со стороны, могли легко подвергаться искажению фактов (хотя от таких фальсификаций не гарантированы и кодифицированные родословные). Однако наличие мистификаций в таких частных шаджара не может нанести урона в той степени, в какой это могут сделать «общенациональные» инсинуации на историю типа «Таварих-и Булгария» Муслими²⁹. Конечно, и шаджара, как всякий нарративный исторический памятник, требует критического и объективного подхода к их сведениям.

Наравне с критическим отношением к содержанию шаджара в осторожном подходе нуждаются и другие аспекты их изучения. Например, родословные, являясь историческим паспортом, памятной записью не одной личности, а целого рода, фамилии, постоянно передаются из поколения в поколение, каждый раз подвергаясь обновлению, новой и новой редакции. Каждое поколение с добавлением своего имени, с внесением в текст рассказов из своей жизни, из-за целесообразности или из-за экономии места и времени может исключить из документа что-то, кажущееся ему малоинтересным. Это говорит о динамичности и устойчивости бытования родословной, с одной стороны, и рыхлости ее формы, с другой. Именно такая особенность шаджара создает ряд трудностей перед исследователем, связанных в первую очередь с проблемами датировки документа и определения оригинальности или неоригинальности его, соединения разрозненных сведений различных текстов и т. д. А для преодоления этих препятствий требуется накопление большого опыта, что в первую очередь зависит от комплексного изучения и публикации текстов всех доступных шаджара³⁰. В этой области исследователей ждет обширное поле деятельности.

²⁹ Не случаен тот факт, что вокруг «Истории» не менее претенциозного Т. Иалчигула полемики было меньше, нежели вокруг мистификации Муслими. Кроме ряда других причин немаловажное значение имел и общеполитический характер сочинения Муслими.

³⁰ Наравне с историками-источниковедами в активное изучение шаджара должны включиться и филологи, ибо в генеалогических таблицах содержится богатейший материал для исторической ономастики, топонимики.

Благодаря архивному наследию Р. Фахрутдинова, мы располагаем внушительным количеством татарских шаджара. Но многие из них являются лишь голыми генеалогическими таблицами собственных имен, что, естественно, представляет больше интереса для филологов-ономастов, чем для историков. Однако в значительном количестве представлены и такие родословные, которые в той или иной степени снабжены «введениями» и комментариями. Эти-то шаджара и привлекают наше внимание. Вместе с тем, в данной работе, являющейся первым пробным опытом в области оценки достоинств татарских шаджара как источников, подвергаются анализу лишь отдельные образцы их.

В качестве первого примера возьмем шаджара рода (племени) б а р а д ж из болгарского города Биляра, текст которого включен как отдельный рассказ в «Дафтар-и Чингиз-наме» анонима. После многочисленных ханских генеалогий из «Сборника» Кадыр-Али-бека это одна из старейших родословных записей татар Поволжья.

Шаджара болгарского рода барадж

После разгрома Биляра Тимур по ночам ходит среди населения и выясняет его отношение к себе, наказывая осуждающих его жестокости и вознаграждая терпеливых, покорных. Шаджара приводится как иллюстративный материал к такому поведению завоевателя. Озаглавлена она «рассказом» (ал-кысса). Текст ее ниже приводится полностью³¹.

«В одну из [таких] ночей Его высочество Аксак-Тимир в качестве шпика сам проник внутрь бараджцев и спросил их:

— О бараджцы, отчего произошла такая беда?

Те ответили:

— Разве не знаешь отчего? Пришел ненасытный Аксак-Тимир, перебил и разорил нас.

Но в ту ночь среди толпы была одна умная женщина, вдова знаменитого бека. Она сказала:

— О джигиты, знайте, что эти бедствия произошли как следствие наших грехов. Если бы не было божьей воли, то что смог бы делать [один] Аксак-Тимир?

Мужем этой вдовы был Джадаш-бек

(جادهش بیک)

который умер еще до прихода Аксак-Тимира. У того Джадаш-бека было двое сыновей. Одного звали Инсаном, другого — Ихсаном.

³¹ Р. Джиганшин. Дафтар..., стр. 33—34. В хрестоматии И. Хальфина шаджара представлена отрывочно. Неполностью опубликована она и Х. М. Френом: С. М. F r a e h n. Bülariae..., p. 205.

На следующий день после той ночи женщину и ее сыновей [Аксак-Тимир] потребовал к себе. А они, не зная, почему их потребовали и думая, что их убьют, горько плакали. [Однако] Аксак-Тимир сказал той женщине:

— Ты говорила, что все [бедствие] произошло как возмездие за ваши грехи и каждое несчастье есть результат ваших же злых дел. Так [за это] с сего дня пожаловал я тебя со всеми твоими детьми и родственниками. Куда хотите, туда и идите!

А сам дал приказ всему войску: «Этих людей не трогайте, не отбирайте их добра, не делайте им никакого зла! Я ее с детьми и родственниками пожаловал за то, что они все свои несчастья признали как [божье возмездие] за свои же грехи».

Затем сыновья того бека, Инсан и Ихсан, посоветовавшись, решили откочевать [из Биляра]. Инсан-бек сказал:

— О мать, я перейду во внутреннюю сторону великой Волги³², в Горную сторону, и буду жить там, так как это наиболее укрепленная местность.

Мать согласилась с ним и охотно приняла его предложение. Но младший брат Ихсан-бек не пожелал идти в ту сторону:

— Я пойду на реку Зай, на старую родину предков и буду жить там, — сказал он.

А Инсан-бек, сказав, что он туда не пойдет, отъехал и отправился с матерью на Горную сторону и там основался на реке Кубня (западный приток р. Свияги; разрядка наша.— М. У.).

От Инсана родился один сын, его имя было Сулайманом. Сын Сулаймана — Кадра, сын Кадры — Нур-Даулат, его сын — Нур-Хасан, сыном Нур-Хасана был Нур-Абдал, его сын — Кутуш, сын Кутуша — Мактым, сын Мактыма — Игинай, сын Игинайа — Мухаммед, его сын — Худжа-Мухаммед, сын Худжи-Мухаммеда³³ — Таваккаль, сын Таваккаля — Джанти³⁴, сын Джанти — Бибаш, сын Бибаша — Ульмас, сын Ульмаса³⁵ — мулла Абдурахман, [первый] сын муллы Абдурахмана — Абдулазиз, второй — Мухаммед-Шариф, [первый] сын Абдуллазиза — Абдулла, второй — Абдулислам³⁶.

А Ихсан-бек, не желая [отправиться] в Горную сторону, прибыл (разрядка наша.— М. У.) на Зай. От Ихсана родился один сын, его именовали Алмухаммедом, его сын — Кал-

³² Эпитет «великая» автор применяет для отличия Волги от реки Белой, которую татары также называли «Идиль».

³³ Не являются ли эти Мухаммед и Худжа-Мухаммед одним и тем же лицом?

³⁴ Х. М. Френ прочел это имя ошибочно как *حبطلي*, что противоречит природе татарского языка.

³⁵ У Х. М. Френа после: «его сын — Чукаш, его сын — Йанбулай, его сын — Бикмухаммед...»

³⁶ У Р. Джиганшина: Алислам.

мухаммед, сын Калмухаммеда — Тукмухаммед, его сын — Атлак, сын Атлака — Шимак, сын Шимака — Тугый³⁷, сын его — Симан, сын Симана — Индирчи, сын Индирчи — Таканиш, сын Таканиша — Базаргян».

Шаджара кончается на этом, затем описываются дальнейшие походы Тимура.

Сразу оговоримся, что какими-либо прямыми данными, позволяющими произвести проверку достоверности сведений этой генеалогии, мы пока не располагаем. Что касается косвенных данных — сведений других шаджара, то они имеются. Однако прежде чем перейти к содержанию их, необходимо вспомнить следующее. Анонимный составитель «Дафтар» не отличался особой склонностью к фальсификации. Нисколько не претендуя на историческую документальность и точность своего сочинения, которое по его замыслу является прежде всего литературным произведением, он все же сумел сообщить нам порою очень важные сведения по истории народов Поволжья и Приуралья. Многие из этих сведений до сих пор продолжают оставаться почти уникальной информацией. Что же касается того, что в основе некоторых частей «Дафтар» обнаруживаются следы золотоордынско-татарской исторической литературы и других старотатарских памятников, то это дает возможность полагать, что приведенная шаджара не лишена документальных прототипов.

Разумеется, почные вылазки Тимура для сбора информации мало соответствуют исторической действительности, но мотивировка перекочевки Инсана и Ихсана из Биляра в связи с гибелью и упадком этого города после военно-политической трагедии вполне приемлема. Из этой мотивировки следует отслоить лишь субъективистскую интерпретацию первоначального составителя генеалогии (или анонимного автора), заключающуюся в преувеличении личного участия Тимура в переездах бараджцев.

Этноним «барадж» также достоин внимания. Это почти единственное указание татарских источников на подобный болгарский этноним. Хотя сообщающий его информатор неаутентичен эпохе, все же это известие не лишено основ. Во-первых, те наши сведения об этнонимах Булгарского государства в IX—XI вв., которыми наука располагает ныне³⁸, и которые исходят от внешних информаторов, вряд ли являются полными. Было бы ошибочно полагать, что Ибн Русте и Ибн Фадлан до тонкостей разбирались в родоплеменных отношениях народностей Булгарского государства. Во-вторых, этноним «барадж» мог принадлежать не крупному племени, а более маленькому, даже роду.

³⁷ У. Х. М. Френа (там же): Тугур.

³⁸ А. П. Ковалевский. Чуваш и болгары..., стр. 14—15; 35; Его же. Книга Ахмеда Ибн Фадлана..., стр. 139; Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах..., стр. 22; Б. Н. Заходер. Каспийский свод, II, стр. 28—29.

И возможно, что большие переселения народов, происходившие как во времена покорения края монголами, так и в эпоху распада Золотой Орды, служили причиной интеграции родоплеменных объединений в Булгарском крае, а известие «Дафтар» является лишь частичным отражением былой действительности.

Интересны слова Инсана, когда он говорит об «укрепленности Горной стороны. Если учесть, что в XIII—XIV веках опасность для булгарского края исходила прежде всего с Востока, такое объяснение вполне реально. Небезынтересны также слова Ихсана, который долину реки Зай называет прежней родиной бараджцев.

В этой связи необходимо указать на следующее. Сообщая о перекочевке Инсана, анонимный автор применяет глаголы «отъехал, отправился», а применительно Ихсана — «прибыл». Не говорит ли это о том, что автор «Дафтар-и Чингиз-наме» был родом с Зая, южного притока Камы? В таком случае не принадлежал ли он к потомкам Ихсана? Конечно, такой сложный вопрос решить лишь на основе глагольных форм трудно.

Примечательно и другое обстоятельство. Речь идет о второй, то есть заинской ветви генеалогической таблицы, которая выглядит более реальной и менее путанной. В ней, заключая имя самого Джадаш-бека, даны имена 12 колен. Если генеалогический возраст каждого колена определить по 25 лет³⁹, то получив общий возраст потомков Ихсана в 300 лет и вычтя его из приблизительной даты — 1650 года⁴⁰, мы получим что-то около 1350 года. Следовательно, жизнь Ихсана, сына Джадиша, падает примерно на последнюю четверть XIV столетия, на период великих потрясений Золотой Орды.

Первая часть генеалогии выглядит несколько путаной. Количество колен там колеблется от 17 до 20, то есть от 400 до 500 лет, что, особенно во втором случае, слишком много. В этой части родословной возможны наслоения, восходящие к некачественным спискам генеалогии потомков Инсана. Если же отдать предпочтение цифре «17», тогда можно получить XIII век — эпоху покорения края монголами. Однако тут возникают контрвопросы: чем доказать неправильность второй, т. е. инсановской ветви шаджара, по которой предлагаемые события и даты совпадают? Возможна ли замена тимуровских походов монгольскими?⁴¹

³⁹ Р. Г. Кузеев средний возраст каждого генеалогического поколения определяет от 25 до 30 лет. (Башкирские шеджере, стр. 206, 210 и др.). Однако, учитывая, что в феодальном обществе представители имущих классов рано вступали в брак, и продолжительность жизни была короче, за такой средний генеалогический возраст одного колена следует брать 25 лет.

⁴⁰ Если «Дафтар» составлен в конце XVII века, то автор вряд ли включал в него имена своих современников. Это несомненно разоблачило бы личность автора, который не хотел гласности.

⁴¹ Как показал анализ последней части «Дафтар-и Чингиз-наме», пока нет достаточных оснований игнорировать известие о разгроме Булгара Тамерланом.

Может возникнуть и такой общий и вполне законный вопрос: как могли знать потомки Иксана генеалогию своих дальних родственников через 250—300 лет? Чтобы ответить на него, рассмотрим другой пример.

Шаджара потомков Мамай

В архиве Р. Фахрутдинова представлен текст одной довольно подробной генеалогической записи⁴², скопированной в 1924 году специально для Р. Фахрутдинова владельцем-потомком Абдулкахиром Тимирбулатовым, жителем татарского аула Зеленая из Хвалынского уезда Саратовской губернии. Это также двусторонняя шаджара. В левой (первой) части представлено 191 мужское имя девяти поколений, более или менее близких родственников самого Абдулкахира. Все члены этой части генеалогии жили в Саратовской губернии. Стержневая таблица ее выглядит так: Абдулкахир, его отец⁴³ — Умар, его отец — Тимирбулат, его отец — Амин, его отец — Уразмат, его отец — Мамайт, его отец — Мамдаль, его отец — Алимджан, его отец — Мамай. Этот родоначальник Мамай почему-то назван «ханом», о чем речь будет идти в дальнейшем.

Составитель копии собственноручно сделал такую запись, которая касается правой, второй части общей генеалогии: «Члены этой части шаджара живут в Симбирской губернии в аулах Джаки, Куш-Куак, Старая Чикали, Хафиз и в самом Симбирске. В 1895 году мулла Зайнулгабидин, его отец — мулла Шарафутдин, его отец — мулла Амирхан, его отец — Шамсутдин, его отец — Курамша, его отец — Умар, его отец — Мамдаль, его отец — Алимджан, его отец — Мамай-хан, с этой родословной отыскал нас и жил у нас в Зеленой более месяца. Он переписал нашу генеалогию, мы также скопировали их шаджара. Поэтому с 1895 года наша шаджара стала двухсторонней. Но насколько увеличилась наша шаджара из Симбирской губернии после [этого года], мы не имеем сведений. Как с нашей стороны, так и с той стороны не было никаких сообщений».

В этой части родословной представлено 10 колен с побочными линиями, включающих 136 мужских имен симбирских потомков Мамай-«хана».

Итак, перед нами документ, в котором говорится о том, как потомки некоего Мамаита, правнука Мамай, через шесть — восемь поколений, то есть через 150—200 лет, благодаря шаджара, отыскали своих родственников и признали, что они являются братьями. Не верить в искренность этих родственников

⁴² АВ ЛО ИВАН, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 3, л. 5.

⁴³ «Его отец» соответствует в данном случае арабскому «бни» — «ибни». Так делается для сохранения первичной конструкции документа, ибо в противном случае все собственные имена пришлось бы поставить в родительном падеже.

чувств и достоверность случившегося факта невозможно. В данном случае мы имеем дело с частным семейно-бытовым документом и благородными отношениями между простыми людьми, где вряд ли возможна какая-либо фальсификация. Следовательно, данный документ говорит о том, что при помощи шаджара не исключена возможность отыскания дальних родственников. Таким образом, двухсторонность родословной потомков Инсана и Ихсана из «Дафтар» — явление вполне объяснимое и реальное.

Следует сказать несколько слов о «ханском» происхождении Мамая из вышецитированной генеалогии. Если вычесть из 1895 средний возраст десяти поколений, то есть 250 лет, то получится середина XVII столетия. Исторический же Мамай, но не хан, а золотоордынский бек (бий), как известно, жил в XIV столетии. Имеется ли большой генеалогический разрыв между этим Мамаем и его внуками, например, Мамдалем, или же данный Мамай был обычным мишарским феодалом, жившем в XVI—XVII вв., сказать что-либо определенное пока трудно.

С другой стороны, в комментариях шаджара, согласно данным эпистолярного документа, приводится известие, из которого видно, что некий Нурка (Нургали — сын Мамдаля, то есть правнук Мамая и брат Мамата) в 1633 году, после возвращения с царской службы получил земельные владения в Саратовской губернии и обосновался в селении Зеленая, пристил своего племянника Уразмата, прямого предка Абдулкахира. Итак, данный Мамай, согласно самой шаджара, не мог жить ранее XVI столетия.

В то же время известны факты, когда один из потомков действительно золотоордынского Мамая, некий Мансур, в XV в. принял христианство и положил начало одной ветви дворянско-княжеского рода Глинских⁴⁴. Если связать этот факт со службой Нургалия (Нурка) в царской армии и царским пожалованием, то приобретает определенную почву историчность Мамая и из татарской генеалогии. Конечно, делать какие-либо обобщающие выводы из этих мало проверенных сведений рано, но пренебрегать ими также не следует.

Однако вернемся к шаджара потомков бараджца Инсанбека, которые после падения Биляра переселились на западное побережье Волги. Могут быть вопросы о достоверности этого известия, особенно в отношении заселения данного края выходцами из Биляра и других болгарских городов. Оставляя в стороне вопрос о возможном освоении Горной стороны болгарцами еще до военно-политических потрясений конца XIV века, попытаемся подкрепить проверяемое известие родословной из «Дафтар» материалами других татарских шаджара.

⁴⁴ А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная..., стр. 136.

Шаджара других болгарских переселенцев

Среди бумага-конспектов Ш. Марджани имеется копия одной татарской генеалогии, текст которой скопирован ученым в 1879 г. из конца рукописи, составленной в 1757/58 г.⁴⁵ Позднее этот текст был опубликован Р. Фахрутдиновым⁴⁶ и им же включен в рукописный сборник татарских шаджара⁴⁷. Приведем его полный перевод:

«Если спросите наше нижнейшее происхождение, [то оно] из города Булгара. Предок наш Тамти-Хатай (تمتی خطای)

был из города Булгара. Старейшим предком нашим был [этот] Тамти-Хатай. Его сын — Шайх-бий. Этот Шайх-бий, выехав в Горную сторону, обосновался на реке Аря⁴⁸, где и остался жить. Сын Шайх-бия — Сайид-Али, его сын — Шайдак, его сын — Сайид-Ахмад, его сын — Йалмыш, его сын — Тилаш, его один сын — Туганаш, его сын — Каклай, от последнего не было сына.

Второй сын [Тилаша] — Тутугуш, его сын — Мамат.

Третий сын [Тилаша] — Уразлы, его сын — Тутай.

А четвертый [сын Тилаша] — Ирджамис, его сын — Айтуган.

От Мамата, сына Тутугуша, родился Маскау. [От] Тутая, сына Уразлы, [родился] Альмухаммед, его сыновья: Кулми, Кадирмат, Сулайман, Йусуф.

От Айтугана, сына Ирджамиса, [родился] Ишбулат, его сын — Ишмухаммед-хафиз, его сыновьями были: Касым, Джамат, мулла Халил, мулла Абдулислам, мулла Вайис, [который] в эти дни является имамом правоверных.

Сыновья муллы Халила: Халид, Маулишах, Мухаммед-Амин, Валид, Махмуд, Валишах, Мухаммед. Род последнего пресекается.

От Халида родились Ибрагим и Али. От Айши, дочери Халида из [аула] Ширданы на [реке] Аря, [родились] сыновья Фахрутдин, Нурутдин, Садык».

Необходимо заметить, что конечный абзац в оригинале несколько запутан. Поэтому Р. Фахрутдинов последние три имени не смог, как он отмечал, объединить с общей таблицей родословной⁴⁹. Фахрутдин-сын и его братья, как думается, являются дочерними потомками Тамти-Хатая. Следовательно, если последними потомками его по мужской линии считать детей Халида, то перед нами будет родословная 17 поколений. Определив общий возраст рода примерно в 425 лет и вычтя его от середины XVIII века, когда составлялся последний вариант шаджара, по-

⁴⁵ ВОНЬ КГУ, т. 1967, л. 199.

⁴⁶ «Шурá», 1914, № 7, стр. 2-я обложки.

⁴⁷ АВ ЛО ИВАН, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 96 — 106.

⁴⁸ Речка Аря с запада впадает в р. Свиягу (ТАССР, Зеленодольский район).

⁴⁹ АВ ЛО ИВАН, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 1, л. 106.

лучим примерную дату жизни родоначальника Тамти-Хатая — первая половина XIV века. В таком случае переселение его сына Шайх-бия из Булгара относится ко второй половине того же столетия, то есть ко времени походов Тимура.

Так сведения двух разных шаджара (потомков Инсана и Тамти-Хатая, точнее Шайх-бия) перекликаются между собою.

Весьма примечательны и данные другой родословной, текст которой представлен среди бумаг К. Насырова⁵⁰. Он включает таблицу 12—13 колен, родоначальником которых был некий Ишмухаммед, который прибыл в Горную сторону после гибели Булгара («Болгар мѣлхэсендэн соң») и основал аул Нижние Ширданы (Шырдан). Название это, согласно преданию, является якобы искаженным сокращением от «шѣхэрдэн килгэн» (шахардан килган — прибывшие из города [Булгара]) — «шахардан» и «шырдан». Правильность такой этимологии, конечно, сомнительна. Но основное зерно предания, что татарское население одного аула Горной стороны прибыло сюда с юго-востока, из крупных городов Булгарии, не только не лишено реальных основ, а является вполне вероятным. Это подтверждают и другие татарские шаджара.

Было бы, однако, ошибочно думать, что в генеалогических записях рассказывается лишь о заселении булгаро-татарамн западного побережья Волги — Горной стороны. Имеются десятки других шаджара, в которых сообщаются те или иные сведения по истории касимовских⁵¹, сибирских⁵² татар, татарских переселенцев Южного Урала⁵³ и т. д. Не останавливаясь на каждой группе таких шаджара в отдельности, подробнее рассмотрим сведения одной весьма интересной родословной.

Шаджара нукратовских мирз и из истории каринских татар

Копия документа, составленная в 1895 г., хранится в архиве Р. Фахрутдинова⁵⁴. Она носит название: «Шаджара Кара-бека». В начальной части «введения» ее говорится, что их предки якобы были в родственном отношении с Сократом, который вместе с Александром Македонским искал «Источник жизни». Нетрудно заметить, что это «известие» заимствовано из знакомой нам

⁵⁰ ВОНБ КГУ, т. 815, № 2. —

⁵¹ Кроме опубликованных или рукописных материалов Р. Фахрутдинова, отрывки из отдельных генеалогий касимовских татар были включены в книгу В. Вельяминова-Зернова (Исследование..., I, 62—64; IV, стр. 3 и др.). К сожалению, автор не выполнил свое обещание опубликовать полный текст генеалогии Шакуловых, касимовских сайидов. О дальнейшей судьбе списка текста этой генеалогии пока ничего не известно.

⁵² Кроме материалов Р. Фахрутдинова, отдельные образцы сибирско-татарских генеалогий опубликованы в статье: Н. Ф. Катанов. О религиозных войнах...; собраны В. В. Радловым (ЛО ИВАН, рукописи В 4591, лл. 1—3; А 1545 и др.).

⁵³ Один образец такой генеалогии представляется ниже.

⁵⁴ АВ ЛО ИВАН, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 5.

статьи словаря «Латаиф ал-лугат» («Фарханг-и Маснави»). Но эта и другие детали являются, безусловно, позднейшими наслоениями. Рассказ о переселении предков из «области Рума», то есть из Анатолии, кажется, также относится к такой категории преданий. Однако уместно вспомнить одно любопытное замечание Г. Н. Ахмарова, что потомки многих родовитых татарских мурз (мирз), в особенности мишарей, смутно представляя историю Золотой Орды, считают себя выходцами из нее, казанские же татары, считая их турками, постоянно путают Золотую Орду с Турцией⁵⁵. Если так, то и «анатолийское происхождение» рода Кара-бека приобретает определенную историчность, но не достоверную, а закономерно искаженную. Однако более ценно указание Г. Н. Ахмарова на золотоордынское происхождение татарских, в особенности мишарских мирз. В связи с этим дальнейшее сообщение генеалогии Кара-бека о пребывании нескольких колен из рода на реках Яик, Сакмар, Белая, то есть на Южном Урале, приобретает уже конкретную историческую основу. Здесь, видимо, речь идет об «освоении» золотоордынскими феодалами новых земель, об одном направлении такого «освоения».

После краткого перечисления некоторых близких родственников предка Кара-бека сообщается, что этот Кара-бек, обидевшись на своих братьев, «пришел к Калталы Ивану, старому Ивану, к царю Ивану Васильевичу и выразил [им] покорность. Затем тому нашему великому предку наш царь Калталы Иван Василий (!) пожаловал страну Нукрат».

Сообщения о переходе «обиженного» Кара-бека на русскую службу не вызывает каких-либо сомнений: случаи принятия золотоордынскими и казанско-татарскими феодалами в XIV-XVI вв. русского подданства и их верная служба новым сюзернам общеизвестны. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с родословными некоторых русских дворян и князей. Но одновременное упоминание имен Ивана Калиты⁵⁶, царя Ивана или же Ивана [сына] Василия, то-есть Ивана Грозного, может быть объектом споров, так как служба одного и того же Кара-бека всем этим русским князьям и царям, жившим в разные эпохи, не возможна. Однако, делать из этого негативный вывод о достоверности данного известия шаджара преждевременно. Заселение Вятского края татарскими выходцами успилось именно в XIV веке⁵⁷, оно продолжалось почти до падения Казанского ханства в 1552 г.

«В этом Нукрате,— говорится в шаджара,— до этого не было

⁵⁵ Г. Ахмаров. О языке и народности..., стр. 119—120, 157.

⁵⁶ Прозвище Великого князя Ивана Даниловича «Калита» происходит от татарского слова «калта» — мешок (с деньгами), поэтому татарский эпитет «калталы» — «с мешком» отражает историческую действительность.

⁵⁷ «Усилилось» потому, что тюркоязычное население в Вятский край начало проникать еще до XIV столетия, см. Татары Среднего Поволжья..., стр. 44 и сл.

мусульман. За то, что его заселили потомками Сократа-хакима, ему дали имя Нукрат⁵⁸. Наш царь Калталы Иван, жалуя нашему предку Кара-беку Чепцы, от истоков ее до устья, со всеми поселявшимися [ее урочище] крестьянами — арами и русскими, татарами⁵⁹ и черемисами, пожаловал ему также все растущие леса да валяющиеся бревна, все бегаящие выдры, бобры, куницы, белки да прочую дичь; медведи, волки да рыбы-сорожки его (бассейна реки Чепцы.— М. У.). И этим владением наши предки кормились до деда нашего Бичур(а)-бека».

Таково «введение» этой интересной генеалогической записи. Если сведения других шаджара с трудом поддавались перекрестной проверке, то историчность известий данной родословной можно проверить на основе русских летописей и актовых документов (царских грамот).

Как показал советский историк П. Н. Луппов, теории о древнейшем заселении Вятского края русскими, проводившиеся в дореволюционной дворянско-буржуазной историографии, не соответствуют действительности, они служили определенным классово-политическим интересам⁶⁰. Край этот в древности был заселен угро-финнами. А с XIV в. здесь начинают открыто сталкиваться интересы русских князей и татарских ханов. Если правители славянских княжеств предпринимали меры для освоения края, то и татарские ханы старались удержать свое господство над ним. Сообщение Псковской летописи о посылке Токтамышем в 1391 г. татарского князя Бектута на Вятку⁶¹, слова Софийской летописи о том, что Вяткой в 1393 г. завладел царевич Махмут⁶² и постоянные передачи этого края Токтамышем разным русским князьям во владение⁶³ служат подтверждением этому.

В следующем столетии Вятский край становится ареной столкновения между московскими и казанскими правителями. Походы хана Ибрагима на Вятку в 1468 г. и ответные меры русских⁶⁴ говорят о накаленной атмосфере в этом крае. Однако позиция русских была, безусловно, более выгодной. Если в 1459 г. князь Василий Темный, воспользовавшись ослаблением Золотой Орды, делает попытки присоединения края к Русскому государству, и татары, «жившие между вятчанами оставлены

⁵⁸ Этимологию слова «Нукрат» обычно выводят из арабского *نقره* «серебро» (отсюда «серебряные булгары» и др.). Этимология шаджара, конечно, упрощенная.

⁵⁹ Следовательно, шаджара говорит о ранних тюркоязычных поселенцах Вятского края.

⁶⁰ П. Н. Луппов. История..., стр. 29 и сл.

⁶¹ ПСРЛ, т. V, стр. 244.

⁶² Там же, т. VI, стр. 123.

⁶³ П. Н. Луппов. История..., стр. 52—53.

⁶⁴ ПСРЛ, т. VI, стр. 188.

там на помещичьем праве»⁶⁵, то в 1471 г. русские поселенцы Вятки сумели совершить удачный поход на столицу Золотой Орды — город Сарай⁶⁶. Поэтому вышеуказанный поход Ибраги-ма следует квалифицировать как одну из временных удачных попыток казанских ханов восстановить татарское правление над краем.

Для нас представляет интерес положение татарских феодалов в этом крае после вхождения его в состав Московского государства. По словам А. Вештомова, привилегированное «положение татарские князья имели со времен татарского господства в этом крае», поэтому этих татарских князей называли «вятскими князьями», и они после покорения края Москвой⁶⁷, «признав себя купно с вятскими подданными российскими, удержали то право»⁶⁸. На этот счет в Вологодско-Пермской летописи говорится, что после удачных операций в 1489 г. против Казани, Иван III «арских князей пожаловал, отпустил их в свою землю»⁶⁹.

Итак, рассказы генеалогии Кара-бека о переходе татарских князей на русскую службу, о происхождении вятских татарских мирз в XIV—XV вв. достоверны. Что же касается вышеуказанного «анахронизма» (упоминания одновременно нескольких русских царей и отнесение их к одному периоду), то он является косвенным указанием на то, что нукратские (каринские или вятские) князья из татар, часто меняя политическую ориентацию, несколько раз обновляли своих верховных сюзеренов (русских князей на татарских ханов, затем обратно). Поэтому разные поколения их родов могли «честно» принять русское подданство как при Иване Калите, Василии Темном, так и при Иване IV. Именно такое явление отразилось в шаджара в скомканном виде, что произошло в результате неоднократных позднейших редакций текста генеалогии со стороны отдаленных от событий людей.

Активная политическая деятельность каринских князей не кончилась с присоединением Вятки к Московскому государству в 1489 г. Они выполняли известную роль в борьбе царской Москвы с ханской Казанью. Как свидетельствует летопись, в 1551 г. среди татарских князей и мирз, воевавших на стороне русских, был и некий Бахтияр Зюзин⁷⁰. По словам некоторых

⁶⁵ А. Вештомов. История..., стр. 47.

⁶⁶ ПСРЛ, т. VI, стр. 193.

⁶⁷ Хотя Вештомов присоединение Вятки к Москве датирует 1459 г. (История..., стр. 47), в этом вопросе более правильной кажется датировка события Лупповым: 1489 г., когда кончился «непродолжительный, но бурный первый период истории города Хлынова» (И. Н. Луппов. История..., стр. 72).

⁶⁸ А. Вештомов. История..., стр. 47—48, примечание.

⁶⁹ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 279. «Арскими» эти татарские князья иногда назывались потому, что они владели землями, которые заселяли ары — удмурты.

⁷⁰ Там же, стр. 325—326.

вятских историков, этот Бахтияр истребил во время военных операций против Казани до 300 князей из свиты улана Кошшака⁷¹, одного из влиятельнейших вельмож в Казанском ханстве в последние годы его существования. Значит, каринские князья продолжали верно служить и Ивану Грозному.

Об этом периоде деятельности каринских мирз, между прочим, свидетельствуют авторитетные и аутентичные события источники — жалованные грамоты Ивана IV, тексты которых были опубликованы в «Актах археографической экспедиции»⁷², а затем перепечатаны в специальном сборнике документов по истории края — «Древние акты», изданном в 1881 г.⁷³ Например, из жалованной грамоты Ивана IV от 20 июля 1548 г. мы узнаем, что татарин Башканда Карачурин захватил владения Мусы Мурсеитова, принимавшего в 1541 г. активное участие в борьбе против Казани. В своей грамоте царь восстанавливает на эти владения права братьев Мусы. Владения находились в Карине и на реке Чепцы. Кроме земельных владений царь утверждает власть князей Мурсеитовых и над местным населением, позволяя им «пошлину на их имати, как преж того брат их Муса судил и владел во всем и пошлину на их имал»⁷⁴.

В 1551 г. били челом каринские князья отец и сын Чекава (Чукава) и Езикеш Агзаметовы, которые в результате набегов казанцев «охудали и одолжали». Царь, признавая, что они «службы мои государя и великого князя всякие служат», позволяет им на реке Чепцы и озерах ловить бобров совместно с другими татарскими служилыми дворянами — как Башканда Карачурин, Матвей Деветьяров, Касым Газыев, Нурислам Мурсеитов, Чура Малышкин и др. Причем каждая фамилия имела право лишь на известную долю лова. Например, доля Карачурина равнялась $\frac{1}{4}$, а Газыева — $\frac{1}{5}$. Семейство Агзаметовых за такие права должно было платить оброк в размере «десяти бобров карих»⁷⁵ или «по тысяче белок»⁷⁶.

Не менее интересно добавление, сделанное в 1556 г. к основному тексту грамоты рукой дьяка «царя и великого князя» Юрия Сидорова, в котором татарину Махмету, сыну Чукавы, совместно с Касымом Газыевым, опять жалуются право лова.

⁷¹ С. Васильев и Н. Бехтерев. История..., стр. 68.

⁷² Акты археографической экспедиции, I, стр. 208—209, 217—218, 267—268; II, стр. 216—217 и др.

⁷³ Древние акты..., док. № 18, 19, 20, 23 и др.

⁷⁴ Там же, стр. 23.

⁷⁵ Цитируя это известие, академик М. Н. Тихомиров предполагал, что не от этих ли «карих» бобров происходит этноним «каринские татары» (Россия в XVI столетии, стр. 448). Гипотеза слишком невероятная. Слово «каринское», если оно не связано с более древним топонимом, произошло от имени Кара-бек, но не в смысле «кара» — черное, а от фамилии «Карины» (например, по типу Зюзин, Карачурин и т. д.). Это вполне возможно, так как этнонимы «ногай», «узбек», как полагают, также связаны с антропонимами.

⁷⁶ Древние акты..., стр. 23—24.

бобров на реке Челцы⁷⁷. Такое подтверждение было сделано, видимо, после смерти главы семейства — Чукавы Агзаметова.

Правом лова бобров пользовались и другие арские князья из татар — Иван и Матвей Деветьяровы, которым грамота выдана была в 1553 г.⁷⁸. Судя по именам, эти татарские князья успели принять и христианскую веру.

В 1556 г. Иван IV дает Матвею Деветьярову и Шамаю Казыеву новую льготную грамоту, взамен той, которая была выдана их предкам отцом царя, Василием Ивановичем, но погибла во время пожара в городе Слободском. Подтверждая их право на прежние владения, царь дает им полную возможность эксплуатировать население: «ведают и судят тех своих людей и крестьян Матфейко Деветьяров да Шомай Казыев сами во всем»⁷⁹.

Так известия генеалогической записи рода Кара-бека об экономическом и политическом привилегированном положении при разных московских правителях в течение нескольких веков подтверждаются полностью. В результате умелой и дальновидной политики русских князей и царей в Вятском крае образовалась особая прослойка татарского населения⁸⁰, которая оправдала надежды московских политиков в последовательной борьбе против Казанского ханства. Дальнейшее обособление так называемых каринских или же нукратских татар связано именно с этим процессом — с их ролью в восточной политике Московского государства⁸¹. Между прочим, и позднейшие русские государи не забывали услуги каринских князей, о чем свидетельствует, например, грамота царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича от 25 сентября 1686 г., в которой правительство предписывает вятскому воеводе Собакину действовать по отношению татарских князей согласно прежним царским льготным грамотам, выданным Михаилом, Федором и другими⁸². Следовательно, в лице каринских татар мы имеем что-то

⁷⁷ Древние акты..., стр. 24.

⁷⁸ Там же, стр. 25—26.

⁷⁹ Там же, стр. 27—28.

⁸⁰ По данным А. Вештомова, в начале XIX века во всей Вятской губернии было более 16000 душ татар мужского пола. Основная часть этого населения образовалась в период владычества Золотой Орды (А. Вештомов. История..., стр. 9).

⁸¹ Кстати, сами каринские татары до сих пор помнят о роли своих предков в московско-казанских отношениях, шутливо заявляя: «мы ведь в свое время продали Казань, за что получили земли в этих краях». Такие заявления мне пришлось слышать неоднократно во время археографической экспедиции КГУ в 1966 г., организованной в Слободской район Кировской области.

⁸² Древние акты..., стр. 225—228. Следовательно, мнение Г. Н. Ахмарова, что арские князья уже к 1673 г. потеряли все права

(ع. احمدرف . نوقراط بلغاریری) не подтверждается полностью.

наподобие Касимовского «ханства», сыгравшего определенную роль в падении Казани.

Не следует думать, что все сведения шаджара повторяются в актовых материалах и грамотах. Тот факт, что правильность сведений родословных поддается научной проверке на основе актовых материалов, свидетельствует о том, что шаджара составлялись, передавались из поколения в поколение не как художественное сочинение, чей-то вымысел, а как документальная фамильно-родовая история. Все это говорит об источниковедческой значимости татарских шаджара. Дополнительным примером в этом отношении может служить шаджара потомков татарских тарханов, предки которых в 921/1414 и 933/1527 гг. получали военно-ленные льготы от казанских ханов Мухаммед-Амина и Сафа-Гирея⁸³. Список с тарханного ярлыка Мухаммед-Амина, который был у Р. Фахрутдинова, а затем потерялся в результате конфискации его рукописей царской жандармерией в 1911 году⁸⁴, видимо, принадлежал этому роду.

Естественно, что когда мы говорим об источниковедческой ценности материалов шаджара, мы даем отчет в том, что они, исходя из частнородословной специфики их, носят региональный характер. В татарских генеалогиях прежде всего отражается прошлое того или иного рода, затем аула, местности и лишь через них освещаются отдельные моменты общенациональной истории. Эта особенность в некоторой степени прослеживалась и в вышеприведенных материалах. Однако такой регионально-ограниченный, частный характер шаджара является в конечном счете не недостатком, а преимуществом их. В этом не может быть особых возражений, ибо истории родов, племен и отдельных регионов выполняют роль речушек, из суммы которых образуются многоводные реки — история целого народа. Поэтому наука не может допускать квалификацию местно-региональных историй как второсортное «краеведение». Если мы хотим полнее воссоздать историю какого-либо народа, то должны всесторонне изучить прошлое его отдельных частей (регионов, этнических групп и родов). Именно здесь историкам предстают свои услуги шаджара, которые до сих пор, к сожалению, лежат нетронутой целиной. Для доказательств этого положения проанализируем еще несколько шаджара.

⁸³ АВ ЛО ИВАН, ф. 131, оп. I, ед. хр. 1, л. 13—14.

⁸⁴ Об этой утере Р. Фахрутдинов сделал специальное сообщение (журн. «Шурá», 1912, № 22, стр. 2 обложки). В архивах действительно содержатся сведения о конфискации рукописей ученого (ЦГА ТАССР, ф. 41, оп. 6, ед. хр. 1, лл. 172—173; ед. хр. 9, лл. 223—227). Поиски текста ярлыка пока не дали положительных результатов.

О других направлениях татарских миграций

Татарский народ и в оседлый период своей истории не находился в строго статистическом положении. После образования Булгарского государства, тюркоязычные племена которого являются одним из основных компонентов татар, затем после покорения его кыпчако-монголами и распада Золотой Орды, вследствие чего образовалось Казанское ханство, после падения ханства — все это время внутри населения края происходили большие изменения. Эти изменения носили и социально-политические, и этнико-географические аспекты. Об отдельных направлениях миграций тюркоязычного населения Поволжья в XIV веке сообщают некоторые из вышецитированных шаджара; имеются и другие генеалогии, говорящие о подобных фактах в позднейшие времена, сообщающие о миграциях в других направлениях.

Большой интерес представляет шаджара потомков старца Расмухаммеда (или Рысмухаммеда), текст которой представлен в рукописи Р. Фахрутдинова⁸⁵. Согласно документу, Расмухаммед или его предки жили в ауле Крык-Садак, что позднее входил в Буинский уезд Симбирской губернии. После падения Казани они переехали в аул Мамдаль (ТАССР, Высокогорский район). Далее их потомки расселились по разным селениям Закавказья⁸⁶.

Согласно другой генеалогии — «шаджара Ишмана» — родоначальник ее Сулайман, выходец из Булгара, поселился среди аров (удмуртов) на реке Бурец и основал аул Бурбаш (Бөрөбаш, Балтасинский район ТАССР)⁸⁷. А селение Тюнтер из того же района было основано сыновьями некоего Йангула, о чем свидетельствует шаджара потомков Укчи сына Йангула⁸⁸. В другой редакции этой родословной, представленной в довольно обширной истории аула Тюнтер, составленной известным татарским деятелем просвещения начала XX века Мухаммед-Наджилом Тюнтери (Музаффаровым, хранится в Уфимском архиве Р. Фахрутдинова)⁸⁹, говорится, что до переселения Йангул жил в одной местности на Сибирской дороге.

Таким образом, и этот неполный обзор одной группы родословных говорит о продвижении татарского населения в XVI в. в северном направлении, о постоянном проникновении татар внутрь угрофинских племен. Интересно, что в новейших иссле-

⁸⁵ АВ ЛО ИВАН, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 1, л. 5а—5б.

⁸⁶ Примечательно, что и среди бумаг С. Вахида имеется список этой родословной, но не буквально повторяющий первый. Основное содержание двух редакций вполне тождественно (ВОНБ КГУ, Т. 260).

⁸⁷ АВ ЛО ИВАН, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 19а—21а.

⁸⁸ Там же, лл. 21а—21б.

⁸⁹ ИИЯЛ БФАН, фонд Р. Фахрутдинова. «Сборник» разных рукописей. «История Тюнтера», л. 1.

дованиях, независимых от шаджара, также фиксируются эти и другие направления татарских переселений⁹⁰.

Имеются генеалогии, в которых рассказывается о миграции татар в совершенно ином — восточном направлении. В шаджара некоего Сулайман-ахунда, из рода которого, согласно Р. Фахрутдинову, вышло много деятелей духовной культуры татар, говорится, что они из Нижегородской области переселились в Уфимский край, где остановились в ауле Каршин-Шариф⁹¹. Потомки же некоего Тукая из Казанской губернии — в башкирское селение Стерлибаш⁹². Шаджара рода татарских мирз Сунчелеевых из Челябинского уезда⁹³ также говорит о таком направлении татарского переселения.

Более ярким примером подобных родословных является шаджара Асфандийара из коллекции Р. Фахрутдинова⁹⁴. Хотя генеалогическая запись составлена позднее, а отображенные события выходят за хронологические рамки нашего исследования, находим нужным процитировать шаджара полностью.

«Майкы-бий, его сын — Туруш, его сын — Крык-Садак, его сын — Аййуб. Во времена этого Аййуба город Казань был взят русскими. Сын Аййуба — Йусуф, сын Йусуфа — Рамазан, сын Рамазана — Йакуб-шайх, сын Йакуб-шайха — Даулатйар-хафиз, сын Даулатйар-хафиза — Улги, сын Улги — Афаза, сын Афаза — Тумай, сын Тумайа — Бимач, сын Бимача — Суйут, сын Суйута — Абдурахман, сын Абдурахмана — Мухсин, сын Мухсина — Валид, сын Валида — Асфандийар, сын Асфандийара — мулла Иззатулла, сын муллы Иззатуллы — мулла Захидулла».

Следующие слова писал сам Асфандийар⁹⁵: «В 1821 году в месяце июне мы из аула Байлар Сабасы⁹⁶ Казанской губернии приехали в казачий аул Чесноковка Оренбургской губернии. В том ауле мы прожили 18 лет. Затем, согласно царскому приказу, некоторые из нас обосновались в ауле Каргала (или Сеитова слобода.— М. У.), а некоторые стали жить в ауле Чибинли. В 1839 году был приказ покинуть Чибинли. Затем, некоторое время прожив в местности Биляу-Тамагы, получив план, выделили себе в двадцати верстах от (города) Орска, в местности Дурткуль и остались жить там. Писал нижайший Асфандийар. 1870 год».

Таким образом, перед нами небольшая по объему, но насыщенная фактами генеалогическая запись, где представлена

⁹⁰ Татары Среднего Поволжья..., стр. 13 и сл.

⁹¹ АВ ЛО ИВАН, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 1, л. 29а.

⁹² Там же, л. 33.

⁹³ Там же, лл. 23б — 24а.

⁹⁴ Там же, лл. 29б — 30а.

⁹⁵ Это уточнение принадлежит, видимо, или Р. Фахрутдинову, или же составителю копии этой генеалогии для ученого.

⁹⁶ Богатые Сабы, районный центр Сабинского района ТАССР.

родословная из 19 колен и комментариев. Если из родословной исключим поколения до Айуба и после Асфандийара, то получим 14 колен. Отводя каждому поколению по 25 лет, мы определим возраст рода — около 350 лет. Если вычтем это число из 1821 г., то получим конец XV века. При учете того обстоятельства, что Асфандийар был жив еще при своем внуке, а такое могло случиться и с Айубом, нетрудно убедиться, что последний вполне мог пережить падение Казани⁹⁷. Что касается известий Асфандийара о мытарствах переселенцев в осваиваемом Оренбургском крае, то в этом вряд ли можно сомневаться.

О процессе переселения татар в Оренбуржье говорят данные и других татарских генеалогий. Остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

После перенесения в 1743 г. Оренбурга на новое место русское правительство предприняло ряд мероприятий для освоения края. В это дело большой вклад внес энергичный колонизатор края генерал-губернатор И. И. Неплюев⁹⁸. Для развития торговли там, в частности для установления более тесных экономических связей России с восточными странами по инициативе Неплюева в Оренбуржье приглашается татарское купечество, быстро откликнувшееся на призыв. Как писал П. И. Рычков, в 1744 г. «казанский торговый татарин Сеит Хаялий с детьми, обещаясь на то поселение и других охотников из Казанской губернии из пожиточных торговых татар прискивать», получает разрешение основать селение под Оренбургом, в восемнадцати верстах от него⁹⁹. Через несколько лет новый населенный пункт превратился в бойкий торговый городок, сыгравший определенную роль в развитии российско-восточной торговли. Новый населенный пункт стал называться Каргала (тат.: Каргалы), Сеитова слобода (тат.: Сэгыйт бистәсе)¹⁰⁰. Датой основания Каргалы, согласно Рычкову, считается 1744 г.

Определенную лепту в освещение этого вопроса вносит сообщение одной генеалогии, вернее эпитафии, составленной на основе материалов шаджара. Надгробие поставлено в 1901 г.

⁹⁷ Расчет будет правильным и тогда, если концом рода считать Захидулла и определить возраст 16-ти колен ($16 \times 25 = 400$; $1870 - 400 = 1470$). А если возраст каждого поколения определим не в 25, а в 20 лет, и из 1870 исключим не 400, а 320 лет, тогда перед нами будет более «близкая» дата: 1550-ые годы. Но учитывая, что определять «генеалогический возраст» поколения лишь на основе одной родословной неправомерно и для этого необходимо накопить большой опыт, мы здесь оставляем число 25. Могут быть случаи, когда какой-либо отдельно взятый документ даст число и более 25-ти.

⁹⁸ В. Н. Витевский. И. И. Неплюев и Оренбургский край...

⁹⁹ П. И. Рычков. Топография..., стр. 225.

¹⁰⁰ Специальную историю городка написал Р. Фахрутдинов (Саидова).

ر فخر الدين . سعيد قصبه سى — — (слобода)

и обнаружено было нами в 1963 г., во время археографической экспедиции КГУ на кладбище селения Каргалы под Оренбургом. Историческую ценность представляет лишь следующая часть текста эпитафии: «Эта могила Мустафы, сына Мухаммеда, сына Абубакира, сына Ахмада, сына Хасана, сына Саида, сына Аида Хайалина. В 1745 году 8-го августа этот Саид (Аидов сын) Хайалин, получив разрешение его величества шаха (императора — М. У.), впервые вступил [на землю] Каргалы».

Итак, имеется уже две даты основания торгового посада Каргалы. Следует сказать, что существует и другая, более поздняя датировка: 1750 г.¹⁰¹, но она ошибочна, так как в этом году, как видно из «Записок» Бекмухаммедова, Каргала уже была цветущим торговым центром¹⁰². Что же касается первых двух дат, то верны обе: 1744 — дата «высочайшего дозволения» о переселении татар, 8 августа 1745 г. — дата начала закладки фундамента поселка. Следовательно, данные генеалогических записок, сохранившихся в эпитафии, вносят определенную точность в выяснении истории не только Сеитова посада, но и в дату действительного начала заселения края татарским купечеством¹⁰³.

Составление эпитафии на основе генеалогических записей — явление не редкое. Имеется много фактов, когда надгробия сохраняли в сокращенном виде содержание шаджара. В этом отношении небезынтересна эпитафия из намогильной надписи татарского историка-любителя М. Аитова. Камень и ныне хранится на татарском кладбище города Казани. Текст таков: «По арабскому летоисчислению в 1308 году 20 джумади алауаль в пятницу¹⁰⁴ [случилось это]. Исконный казанский [житель] Мухаммеджан, его отец¹⁰⁵ Сулайман, его отец — Аид, его отец — Бакый, его отец — Хусаин, его отец — Кутлу, его отец — Бикта, его отец — Биги, его отец — Нугай, его отец — Дусай».

Генеалогия очень кратка, но так как ни шаджара потомков Саида Хаялина, ни родословная Аитовых еще не обнаружены, определенная ценность и таких кратких сведений очевидна.

Представлены образцы и более развернутых эпитафий, где кроме генеалогической таблицы имеются и выдержки из исторических «записей». Примером может служить надгробие, поставленное отцом татарского писателя Ш. Усманова на могиле одного из предков — Мухаммед-Ханафи Усманова. Текст его с фотокопиями надписей на четырех сторонах надгробия

¹⁰¹ Р. Фахрутдинов. Асар, I, кн. 2, стр. 42.

¹⁰² Подр. см. М. А. Усманов. Записки...

¹⁰³ Текст эпитафии Хаялиных впервые был опубликован нами в статье: М. Усманов. Шәжәрәләр тарихынан (М. Усманов. Из истории шаджара, стр. 84).

¹⁰⁴ По римскому летоисчислению: 20 января 1890 г.

¹⁰⁵ См. выше, примечание № 43.

был любезно предоставлен нам учителем истории из татарского аула Большая Цильня (Зур Чилны, Буинский район, ТАССР) Г. С. Алимовым¹⁰⁶. Затем в 1968 г. во время экспедиции оригинал был заново обследован пишущим. Основная генеалогическая таблица выглядит так: Мухаммед-Ханафийа, его отец — Иззатулла, его отец — Хибатулла, его отец — Байтимур, его отец — Усман. На правом боку камня приводятся поэтические изречения на татарском и арабском языках; на обратной стороне перечисляются имена родственников по материнской линии. В конце этой побочной генеалогической таблицы представлено следующее интересное сведение: «Предки наши, основавшие селение Чилны в 1018 (1609—10) году¹⁰⁷, прибыли [сюда] со стороны Рязани и Темникова». Продолжение текста дано на левом боку: «И получив землю на реке Чилны (Цильня) воссели на месте старого юрта. Написана двадцать одна фамилия, [среди которых] имеются такие имена, как: Альмухаммед, Ишмухаммед, Индирчи, Агнай, Алташ, Алмакай. Это свидетельствует о том, что они были из народности мишари. Да распространится наш род. Хайрулла Усмани ас-Симбири, 1327/1909 год»¹⁰⁸.

Вряд ли есть надобность говорить о ценности таких генеалогических записей, где каждое слово является интересным сообщением. Историк, изучающий процесс социально-экономических изменений Казанского края после его вхождения в состав Московского государства, когда царское правительство, выселяя с территории бывшего ханства малодежных татарских феодалов, заселяло ее частично верноподданными служилыми татарами из Касимова и его окрестностей, отлично понимает значения такого или подобного ему известия. Думать, что процесс заселения шел стихийно, без контроля русских правителей, нет оснований. В таком случае переселенцы просто не получали бы земельные наделы. Отдельные факты заселения данного края служилыми татарами в XVII в. зарегистрированы в исследовании П. Мартынова¹⁰⁹, которое, однако, наша шаджара дополняет существенно.

Генеалогические тексты в эпитафиях являются краткими, сжатыми. Чтобы убедиться в этом, представим для сравнения эпитафию — родословную одного из потомков уже известного нам Тамти-Хатая, шаджара рода которого была полностью процитирована выше (из бумаг Ш. Марджани). Ее сокращенный надмогильный вариант от 1784/85 г. находится в ауле Молвино, он был впервые исследован К. Насыровым¹¹⁰ и опубликован затем полностью в работе Г. В. Юсупова:

¹⁰⁶ Текст опубликован: М. Усманов. Из истории шаджара..., стр. 85.

¹⁰⁷ В тексте в скобках стоит ошибочно «1600».

¹⁰⁸ Отец писателя Ш. Усманова Хайрулла жил в Симбирске, поэтому взял себе тахаллус «Симбири».

¹⁰⁹ П. Мартынов. Селения Симбирского уезда...

¹¹⁰ К. Насыри. Сайланма эсэрләр, 147 бит.

«В 1199 году месяце мухарраме. Благополучие только от бога, мир тленен и все в нем тленно. Этот покойник Абдулхалик, его отец — Абдулбакый, его отец — Сайид-мулла, его отец — Касым, его отец — Ишмухаммед-хафиз, его отец — Ишбулат, его отец — Ирхусаин, его отец — Тилаш, его отец — Шаих-бий, его отец — Тамти Хатайн ал-Булгари»¹¹¹.

Таким образом, генеалогия-эпитафия в целом верно отразила основное содержание родословной записи, но при помощи особых приемов. Например, болгарское происхождение родоначальника отмечено лишь через тахаллус-писба «Булгари».

Интересно отметить, что генеалогические данные нашли свои отражения и в других болгаро-татарских эпитафиях¹¹². Значит, составление эпитафий на основе генеалогических записей или, иначе говоря, отражение родословных в памятниках надгробий — явление распространенное для татарской эпиграфики; это говорит в пользу того, что для накопления материала по татарским шаджара необходимо обратить особое внимание на изучение содержания «каменных архивов», где нас порою могут ожидать и более интересные документы.

* * *

Нет надобности особо говорить о необходимости сбора, классификации и интенсивном изучении памятников татарских шаджара: материалы говорят сами за себя.

Родословные, являясь особым жанром фамильно-родовых исторических записей, могут отражать и отражают такие стороны действительности, которые в силу тех или иных обстоятельств не зафиксированы в других исторических источниках. Именно родословные сохранили сведения по истории отдельных родов, фамилий, о возникновении новых селений в результате миграций и т. д. Именно такой частно-региональный характер определяет основную особенность шаджара как источника. Как отмечал еще первый собиратель родословных Р. Фахрутдинов, без изучения таких частностей невозможно воссоздать и общую историю народа¹¹³.

Однако шаджара способны представлять иногда и такие известия, на основе которых можно было бы проследить и наиболее общие исторические вопросы, так как они включают материалы по этногенезу народа и отражают самосознание его.

¹¹¹ Г. В. Юсупов. Введение..., табл. № 76. Однако Г. В. Юсупов арабское «бин» (ибн) перевел без учета конструкции в буквальном смысле «сын» («его сын», поэтому Тамти-Хатай, основоположник рода, получил фактически потомком своего потомка. Чтобы избежать этого и одновременно не ломать конструкцию текста, арабский «ибн», как было уже отмечено, мной переводится через «его отец».

¹¹² Там же, таблицы № 10, 12 и др.

¹¹³ ИИЯЛ БФАН, фонд Р. Фахрутдинова, «Шаджара Акчуриных», стр. 3, 4.

Немаловажный интерес представляют шаджара и для изучения исторической ономастики. В этом аспекте татарские шаджара являются подлинным кладом. Но прежде чем привлекать материалы ономастики, требуется освоение родословных в общенсточниковедческом плане, ибо без теоретического осмысления рискованно было бы делать какие-либо частные обобщения.

Шаджара весьма интересны также в историографическом плане. Они, являясь не официально-общим, а частным видом исторической литературы, продолжали развиваться и в позднейшие времена; на их развитие мало влияло отсутствие государственного суверенитета. Именно в шаджара выразилось стремление имущих классов сохранить тот вид старой письменной истории, который мог развиваться в новых политических условиях. Раздробленность класса феодалов повлекла за собою и дробность форм исторической литературы. Ведь не случайно, что «всеобщая» по внешности «Таварих-и Булгария» Муслими по сравнению с частными родословными, например, Кара-бека и др., получилась безликой, какой-то аморфно «общемусульманской». Следовательно, развитость весьма архаичных по форме шаджара у татар в новое время объясняется конкретными историческими условиями.

С развитием общества постепенно стирались грани между прежними отдельными хозяйствами, основанными на натуральном способе производства; в сельскую жизнь (основную массу татар составляло именно сельское население) проникали буржуазные отношения; усиливался обмен между отдельными регионами, происходила постепенная культурно-экономическая консолидация. Вместо родов и семейств на первый план выступают сельские общины, отдельные аулы или группы селений; на новую ступень поднимается и общественная мысль, народное самосознание. Меняют свой характер и шаджара: появляются более «общие генеалогии» — истории отдельных аулов, групп селений. В этих сочинениях речь идет уже не о какой-то одной фамилии, а о селении, целой территориальной единице. Конечно, и в этих шаджара представлены родословные, особенно когда дело касается основателя аула или родоначальника его населения. Но основным содержанием шаджара является уже описание развития этого селения, его быта и культуры. Так, во второй половине XIX века у татар возникает новый и довольно своеобразный жанр исторической литературы — региональная история, корни которой уходят в недра родословных — шаджара.

Правда, «региональные истории» второй половины XIX столетия (особенно начала XX в.) развивались под влиянием буржуазной исторической науки, прежде всего, трудов Ш. Марджани и Р. Фахрутдинова. Но от шаджара «региональные истории» наследовали самое существенное — конкрет-

ность, насыщенность оригинальными сведениями. В источниковедческом плане они не менее ценны, чем их предшественники — шаджара ¹¹⁴.

Родословные записи занимают среди автохтонных исторических сочинений особое место не только по форме, но и по содержанию. Дальнейшее развитие источниковедения и историсграфии истории татарского народа немисливо без интенсивного освоения этого вида материалов.

¹¹⁴ Анализ содержания таких «региональных историй», памятников позднейшей эпохи, естественно, не входит в задачу данного исследования. Поэтому целесообразно указать только на то, что такие татарские сочинения представлены десятками образцов, из которых до революции опубликована лишь незначительная часть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном исследовании прослежена судьба группы татарских нарративных (повествовательных) источников за XVII—XVIII вв. В силу того, что это исследование было первым обобщающим опытом в данной области, оно приобрело в некоторой степени характер комплексного историографо-источниковедческого изыскания, в нем пришлось временами выходить за рамки исследуемого периода.

Не затрагивая идейно-политических концепций малоизвестных авторов или группы сочинений, вряд ли было бы возможным определить качество (достоверность или недостоверность) сообщаемых сведений, ибо в повествовательных исторических сочинениях материал всегда подчиняется идейно-политическим стремлениям авторов. Кроме того, говоря о начале или середине какого-либо идеологического процесса (а историческая литература является наиболее чувствительной и подвижной частью общественной мысли) невозможно было бы касаться и других этапов его, так как судить о прогрессивном или регрессивном характере какого-либо явления можно лишь на основе его изучения в целом.

В то же время такой сравнительно широкий подход к проблеме помог, наряду с оценкой исследуемых памятников, наметить наиболее перспективные этапы развития изучения также других видов татароязычных источников.

На основе данной работы можно сделать следующие краткие выводы:

1. Татарские нарративные источники XVII—XVIII вв. представлены более значительным количеством произведений, а не только одним «Таварих» Муслими, который до сих пор квалифицировался как чуть ли не единственный памятник средневековой татарской (даже болгарской!) историографии.

Такие сочинения, как «Сборник летописей» Кадыр-Алибека, «Дафтар-и Чингиз-наме» анонима и многочисленные шаджара, свидетельствуют о былом относительном богатстве исторической литературы у татар в прошлом.

2. Нарративные источники в свою очередь составляют лишь один, причем не очень большой раздел всего комплекса исторических материалов на татарском языке, и только по ним нельзя судить обо всех татароязычных исторических источниках.

3. Памятники официальной татарской феодальной историографии XVII—XVIII вв., если не учитывать самостоятельной части «Сборника летописей» Кадыр-Али-бека и отдельных деталей анонимного «Дафтар-и Чингиз-наме», в целом бедны в сугубо источниковедческом плане.

4. Эта особенность памятников татарской феодальной историографии не случайна, она не обусловлена субъективными факторами (например, расово-национальной особенностью психики народа); она результат деградации феодальной историографии, вызванной ликвидацией государства, потерей материального базиса и своих документально-охранительных функций. Этот процесс вполне закономерен и объективен; он еще раз свидетельствует о том, что феодальная историческая литература по своей сущности является частью сугубо классово-идеологии, поэтому историю исторической литературы необходимо рассматривать в соотношении с историей господствующего класса.

5. Так как класс феодалов у татар, несмотря на ослабленность в экономическом и раздробленность в политическом отношениях, продолжал существовать, развиваться в определенном масштабе и после ликвидации суверенитета, не перестает бытовать и историческая мысль его. Однако феодальные историки создавали не общетатарскую официальную историю, а частнородовую — генеалогические записи — шаджара. Распространение образцов этого сугубо архаичного жанра исторической литературы в новое время еще раз говорит о том, что нормальное развитие официальной «общенародной» историографии периода феодализма обусловлено существованием государственности. Конечно, не ограничиваясь такими частными историческими произведениями, господствующие классы обращались и к общим сюжетам, примерами чего могут быть «Дафтар» для XVII в. и «Таварих» Муслима для конца XVIII — начала XIX вв. Но характерно то, что эти «общие исторические» произведения в источниковедческом отношении сильно уступают частным видам — шаджара. Поэтому дальнейшее изучение татарских нарративных источников может иметь успех при активном исследовании прежде всего частных историй, шаджара XVII—XVIII и начала XIX столетий, а также «региональных историй» XIX — начала XX вв.

6. Одновременно с окончательным регрессом татарской официальной феодальной историографии начинают возникать новые жанры повествовательных историко-географических, мемуарных сочинений (путешествия, воспоминания и т. д.). Они, приобретая еще более частный и конкретный характер, в источниковедческом плане представляют целый комплекс новых материалов по ряду проблем (выход татарской буржуазии на международную арену, культурно-экономические отношения народов, накопление историко-географических знаний

и т. п.). Поэтому для полного освоения татарских нарративных источников, наравне с изучением традиционных видов исторических сочинений, в том числе частных региональных историй, необходимо выявлять и вводить в научный оборот новые виды повествовательных источников.

Данная работа не касается вопросов изучения материалов фольклора, в котором народ выражал свои исторические мысли и передавал из поколения в поколение факты прошлого. Также не рассматривались проблемы изучения актовых материалов, в особенности ханских ярлыков и грамот, которые пока являются единственными автохтонными и аутентичными событиями историческими источниками по более ранним периодам истории народов Поволжья. Абсолютно нетронутой областью продолжает оставаться и богатый комплекс татарских актов частного происхождения.

Что касается сугубо историографических наблюдений, сделанных при анализе исследуемых памятников, то их можно было бы, хотя и несколько повторяясь, сгруппировать в следующие пункты:

А. Памятники татарской феодальной историографии до XVII века в силу ряда объективных и субъективных причин до нас не дошли, или, по крайней мере, еще не обнаружены. Однако о существовании более или менее развитой исторической литературы у предков татар периода Булгарского государства, Золотой Орды и Казанского ханства не может быть двух мнений. Монгольско-золотоордынские мотивы анонимного «Дафтар», в особенности тема образования империи Чингизхана, исходят из какого-то пока неизвестного нам источника, на базе которого возникло в свое время и «Сокровенное сказание» самих монголов, с которым «Дафтар» часто перекликается. Булгарский сюжет этого памятника говорит и о другом истоке — домонгольско-тюркском истоке татарской исторической мысли средневековья. Переплетение этих довольно самостоятельных концепций в одном сочинении свидетельствует о синкретичном характере духовной культуры казанских татар периода ханства. Что касается строго официального по форме и сравнительно богатого по содержанию «Сборника» Кадыр-Али-бека, то он не только дает возможность ретроспективно судить о качестве татарской феодальной исторической литературы XIV—XVI столетий, но также говорит о ее международных связях.

В. Деградация татарской исторической литературы XVII—XVIII вв. была связана не с историей или исторической мыслью трудового народа, а прежде всего с судьбой класса татарских феодалов. А историческая мысль народа, которая выражалась в произведениях фольклора, продолжала развиваться, естественно, подвергаясь влиянию господствующей идеологии.

С. С зарождением, эволюцией и ростом капиталистических

отношений началась новая полоса развития исторической литературы. Она превращалась в науку, связанную уже с идеологией другого господствующего класса — буржуазии. Этот процесс относится к XIX веку. Следовательно, и здесь на первый план выступает социальная сущность исторической литературы, правда, с усилением и национальных факторов развития исторической мысли. Однако переоценивать влияния национальных факторов не следует, ибо в конечном счете, национальное является производным от социального. Поэтому-то активное влияние национальных стремлений на развитие исторической науки и образование нескольких направлений в ней у татар относится, в основном, к началу XX столетия.

ПРИЛОЖЕНИЕ
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН* — Академия наук
БФАН — Башкирский филиал АН
Вест. — Вестник
ВИ — «Вопросы истории»
ВНОТ — «Вестник научного общества татароведения», Казань, 1925—1930
ВОНБ — Восточный отдел Научной библиотеки
ВТЯ — сб. «Вопросы татарского языкознания»
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГБ им. В. И. Ленина — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва)
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
Д — «Деятель», Казань
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения»
ЖС — «Живая старина»
ЗАН — «Записки Академии наук»
ЗВО — «Записки Восточного отделения» Русского археологического общества
ЗКВ — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР»
ИА — «Исторический Архив»
ИВ — Институт востоковедения
ИВАН — Институт востоковедения АН
ИОАИЭ — «Известия Общества археологии, истории и этнографии» при КГУ, Казань, 1878—1929.
ИСССР — «История СССР»
Каз. ГУ — Казахский государственный университет им. С. М. Кирова
КГВ — «Казанские губернские ведомости»
КГУ — Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина
КИ — газ. «Казанские известия»
КИЯЛИ — Казанский институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР
КУ — журн. «Казан утлары»
КФАН — Казанский филиал АН СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
ЛО — Ленинградское отделение
ЛОА — Ленинградское отделение архива АН СССР
МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИТ — сб. «Материалы по истории Татарии»
НАА — «Народы Азии и Африки»
НБ — Научная библиотека
ОАИЭ — Общество археологии, истории и этнографии при КГУ
ОИАЭ — Общество истории, археологии и этнографии при КГУ
ОЗ — «Отечественные записки»
ОИРВ — сб. «Очерки по истории русского востоковедения»,
ОР — Отдел рукописей
Отт. — оттиск

ПИ — «Проблемы источниковедения»
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАО — «Русское археологическое общество»
РГО — «Русское географическое общество»
СА — «Советская археология»
СВ — «Советское востоковедение»
СИЭ — Советская историческая энциклопедия
СНВ — сб. «Страны и народы Востока; география, этнография, история»
СЭ — журн. «Совет эдабияты» (Казань)
ТВОАО — «Труды Восточного отделения Археологического общества»
Том. ГУ — Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева
ТОУАК — «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии»
Тр. — Труды
ТУАК — «Таврическая учена архивная комиссия» (Симферополь)
УЗ — Ученые записки
УИИЯЛ — Уфимский институт истории, языка и литературы АН СССР
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦГА БАССР — Центральный государственный архив Башкирской АССР
ЦГА ОО — Центральный гос. архив Оренбургской области
ЦГА ТАССР — Центральный гос. архив Татарской АССР
ЭВ — «Эпиграфика Востока»

БИБЛИОГРАФИЯ *

- Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта (т. 8).
Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие (т. 13).
Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии (т. 4).
Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология (т. 3).
Энгельс Ф. Из Парижа в Берн (т. 5.).
Энгельс Ф. Письмо Г. В. Плеханову от 26 февраля 1895 г. (39).
Энгельс Ф. Письмо Конраду Шмидту от 5 августа 1890 г. (т. 37).
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства (т. 21).
Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции (т. 33).
Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции (т. 11).
Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу (т. 24).
Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма (т. 2).
Ленин В. И. Лев Толстой, как зеркало русской революции (т. 17).
Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм (т. 18).
Ленин В. И. Национальный вопрос в нашей программе (т. 7).
Ленин В. И. О государстве (т. 39).
Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся? (т. 2).
Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература (т. 12).
Ленин В. И. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение (т. 27).
Ленин В. И. Социалистическая партия и беспартийная революционность (т. 12).
Ленин В. И. Статистика и социология (т. 30).
Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (т. 1).

* * *

- Абу-л-Газы-хан. Родословное древо тюрков. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова, Казань, 1906.
Автобиография Тамерлана (Род. в 1333 — ум. в 1405 г.). Пер. с тюркского Нила Лыкошина. Ташкент, 1894.
Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседних губерний. Собрал С. Мельников. Казань, 1859, т. I.
Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографического экспедицею имп. Академии наук. тт. I—IV. СПб. 1836.
Алмаз Джавад. Кисса-и Юсуф Али — болгаро-татарский памятник. М., 1960.

* Произведения Маркса и Энгельса указаны по второму изданию «Сочинений», а Ленина — по «Полному собранию сочинений».

Алишев С. Х. Классовая борьба татарских крестьян Терсинской вотчины Тевкелевых в XVIII веке.— Тезисы докладов научной конференции молодых ученых. Казань, 1967, стр. 61—71.

Алтан Тобчи. Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе. Перевод ламы Галсана Гомбоева.— ТВОАО, т. VI, СПб., 1858.

Амирхан Х. История Булгарии. ... см: .

اميرخان ع. توارينه بلغاريه ...

Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. первый, XVII в., изд. 2-е; вып. второй, XVIII век (первая половина). М.-Л., 1960—1965.

Антология татарской поэзии. Казань, 1957.

Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности.— ЖС, 1896, вып. 3—4, стр. 276—456.

Артамонов М. И. История хазар, Л., 1962.

Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.), Харьков, 1965.

Атласов Х. Казанское ханство, см:

آطلاسى ه. قزان خانلىقى ...

Ахилжанов М. Б. Этногенез казахского народа.— УЗ. КазГУ, т. XXXVIII, серия исторических наук, вып. 4. Алма-Ата, 1959, стр. 198—222.

Ахмаров Г. История Булгара, см: **احمرف ع. بلغار تاريخى ...**

Ахмаров Г. Н. История Булгарского царства до времен нашествия Тимура [выступление] — ИОАИЭ, т. XV, вып. 4. 1899, стр. 450.

Ахмаров Г. История Казани, см: **احمرف ع. قزان تاريخى ...**

Ахмаров Г. Н. О языке и народности мишарей.— ИОАИЭ, т. XIX, вып. 2, 1903, стр. 91—160.

Ахмаров Г. Н. Разбор татарских сказаний о нашествии Тимура на булгарские города.— ИОАИЭ, т. XV, вып. 4, 1899, стр. 454—459.

Ахмаров Г. Н. Свадебные обряды казанских татар.— ИОАИЭ, т. XXIII, вып. 1, 1907, стр. 1—38.

Ахмаров Г. Н. Телтяри и их происхождение.— ИОАИЭ, т. XIII, вып. 5, 1908, стр. 340—364.

Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.

Ашмарин Н. И. Болгары и чувашаи. Казань, 1902.

Баевский С. И. Описание персидских и таджикских рукописей Института народов Азии. Вып. 4. Персидские толковые словари (фарханги). М., 1962.

Баженов Н. Х. Казанская история. чч. 1—2. Казань, 1847.

Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. Изд. 2-е. М., 1958.

Бартольд В. В. Азиатская роскошь.— Соч., т. IV, стр. 404—405.

Бартольд В. В. И. Н. Березин как историк.— ЗКВ, т. II, вып. 1, 1926, стр. 51—72.

Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2-е, Л., 1925.

Бартольд В. В. История Туркестана.— Соч., т. II, ч. 1, стр. 109—168.

Бартольд В. В. Культура мусульманства.— Соч., т. VI, стр. 143—204.

Бартольд В. В. Образование империи Чингиз-хана. Пробная лекция.— ЗВО, т. X, стр. 105—119.

- Бартольд В. В. О погребении Тимура.— Соч., т. II, ч. 2, стр. 423—454.
- Бартольд В. В. Отец Едигея.— Соч., т. II, ч. 1, стр. 797—804.
- Бартольд В. В. [Отзыв на рукопись «Дафтар-и Чингиз-наме»].— ТОУАК, вып. XIX, Оренбург, 1907, стр. 117—118.
- Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан.— ЗВО, т. XV, вып. II—III, 1904, стр. 173—276.
- Бартольд В. В. Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве.— Соч., т. VI, стр. 303—319.
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Соч., т. I.
- Бартольд В. В. Улугбек и его время.— Соч., т. II, ч. 2, стр. 25—196.
- Бартольд В. В. Халиф и султан.— Соч., т. VI, стр. 15—80.
- Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.— Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1955, стр. 15—160.
- Бациева С. М. Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». М., 1965.
- Березин И. Н. Библиотека восточных историков, Шайбаниада, т. I; Сборник летописей, татарский текст, т. II, ч. I, Казань, 1849—1854.
- Березин И. Н. Булгары на Волге. Казань, 1853.
- Березин И. Н. Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках С.-Петербурга.— ЖМНП, 1846, № 5; 1847, № 5; 1848, № 7; 1858, отд. III.
- Березин И. Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева.— ЗВО, 1864, т. VIII (отд. отд.).
- Березин И. Н. [Предисловие к «Татарским сказаниям» Н. Пашино].— КГВ, 1852, № 12, стр. 118.
- Березин И. Н. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань, 1851.
- Березин И. Н. Татарский летописец, современник Бориса Федоровича Годунова.— «Москвитянин», 1851, № 24, кн. 2, стр. 543—554.
- Березин И. Н. Турецкая хрестоматия, тт. I—III. Казань, 1857—1876.
- Березин И. Н. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайло, 1392—1393 года. Издано кн. М. А. Оболенским. Казань, 1850.
- Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. М.-Л., 1946.
- [Бичурин Н. Я.] Иакниф. История первых четырех ханов из дома Чингисова. Пер. с китайского. СПб., 1829.
- Бичурин Н. Я. (Иакниф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. тт. I—III, М.-Л., 1950—1953.
- Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, тт. I—II, СПб., 1869.
- Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Харьков, 1903.
- Бычкова М. Е. Родословные книги середины XVI века.— Тр. МГИАИ, т. 16, 1961, стр. 475—480.
- Вагапов [Абдюш]. Татарские сказания. Взятие Булгара Тимуром.— КГВ, 1852, № 43, стр. 496—497; № 45, стр. 516—517.
- Вайнштейн С. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.-Л., 1964.

Валиди А. З. Смутное время..., см: **ولیدی از. نته وقتنده ...**

Валидов Дж. Очерки истории образованности и литературы татар. До революции 1917 г. М.-П., 1923.

Валидов Дж. Развитие..., см:

ولیدف ج. تانار ادبیاتینک بارشی ...

Валиханов Ч. Ч. Булгары на Волге (Березин, Казань, 1853).— Собр. соч. в пяти томах, т. III, стр. 181—185.

Валиханов Ч. Ч. Извлечения из **جامع التواريخ**

— Собр. соч. в пяти томах, т. I, Алма-Ата, 1961, стр. 142—168.

Валиханов Ч. Ч. Киргизское родословное.— Собр. соч. в пяти томах, т. I, Алма-Ата, 1961, стр. 203—219.

Валк С. Н. Советская археография. М.-Л., 1948.

Васильев С., Бехтерев Н. История Вятского края с древних времен до начала XIX столетия, т. I, с 1174 по 1700 год. Вятка, 1870.

Вахидов С. Г. Исследование ярлыка Сахиб-Гирей-хана.— ИОАИЭ, т. XXXIII, вып. I, стр. 61—92.

Вахидов С. Г. Ярлык хана Сахиб-Гирей.— ВНОТ, № 1—2, Казань, 1925, стр. 29—37.

Введенский А. А. Лекции по документальному источниковедению истории СССР (Дипломатика). Киев, 1963.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах, чч. 1—4. СПб., 1863—1887.

Вельяминов-Зернов В. В. Памятники с арабско-татарской надписью в Башкирии.— ТВОАО, т. IV, СПб., 1859, стр. 257—284.

Веселовский Н. Памятник Ходжи Ахрара в Самарканде.— Восточные заметки. Сборник статей и исследований профессоров и преподавателей факультета восточных языков С.-Петербургского университета. СПб., 1895, стр. 321—335.

Веселовский С. Б. Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Вештомов А. История вятчан со времен поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества или с 1181 по 1781 год через 600 лет. Казань, 1907.

Винокур Т. Г. К вопросу об использовании языка как исторического источника.— Тр. МГИАИ, т. 17, стр. 437—464.

Витебский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прошлом его составе до 1752 г. Казань, 1889.

Владимирцев Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Владимирцев Б. Я. Турецкие элементы в монгольском языке.— ЗВО, т. XX, стр. 153—184.

Гайнуллин М. Каюм Насыров и просветительское движение среди татар. Казань, 1955.

Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика начала XX века. Казань, 1966.

Газиз Г. Две рукописи..., см: **عزيزع. ايكي قوليازما...**

Галстян А. Г. Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII—XIV вв. М., 1962.

Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах (с половины VII века до конца X в. по Р. X.). СПб., 1870.

Генинг Ф., Халиков А. X. Ранние болгары на Волге (Большетарханский могильник). М., 1964.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. чч. 1—2. СПб., 1799.

Гибб Х. А. Арабская литература. М., 1960.

Гимади Х. Г. Историография Татарии.— Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, М., 1960, стр. 820—825.

Гимади Х. Г. Монгольское иго и вопрос о происхождении казанских татар— Происхождение казанских татар. Материалы..., Казань, 1948, стр. 108—115.

Гимади Х. Г. Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды.— МИТ, вып. 1, Казань, 1948, стр. 185—225.

Гимади Х. Г. Некоторые вопросы истории Татарии (к вопросу о периодизации истории Татарии до XVIII в.)— УЗ КГПИ, Исторический факультет, вып. 4, Казань, 1941, стр. 52—67.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950.

Греков Б. Д., Калинин Н. Ф. Булгарское государство до монгольского завоевания.— МИТ, вып. 1, Казань, 1948, стр. 97—184.

Григорьев А. Н. Христианизация нерусских народностей, как один из методов национально-колониальной политики царизма.— МИТ, вып. 1, Казань, 1948, стр. 226—285.

Григорьев В. В. Волжские булгары.— сб. «Россия и Азия», СПб., 1875, стр. 76—106.

Григорьев В. В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству, М., 1842.

Губайдуллин Г. С. Из прошлого татар.— Материалы по изучению Татарии, вып. 2, Казань, 1925, стр. 71—111.

Губайдуллин Г. С. К вопросу о происхождении татар.— ВНОТ, № 8, стр. 131—142.

Губайдуллин Г. С. Несколько слов об участии татар в народных движениях XVII века.— ВНОТ, № 9—10, стр. 32—44.

Губайдуллин Г. С. Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов. Доклад, прочитанный 27 февраля 1926 г. Баку, 1926.

Губенко М. П., Литвак Б. Г. Конкретное источниковедение Советского общества.— ВИ, 1965, № 1, стр. 3—16.

Гуковский А. И. Научная разработка истории советского общества и вспомогательные исторические дисциплины.— ВИ, 1964, № 2, стр. 49—62.

Гуковский А. И. О состоянии преподавания источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в университетах.— ВИ, 1961, № 12, стр. 158—160.

Гулыга А. В. О предмете исторической науки.— ВИ, 1964, № 4, стр. 20—31.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.

Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1966.

Гутнова Е. В. Некоторые проблемы идеологии крестьянства эпохи средневековья.— ВИ, 1966, № 4, стр. 52—71.

Даниельссон Бенгт. Счастливый остров. Пер. с шведского Л. Жданова. М., 1962.

Данилов В. П., Якубовская С. И. Источниковедение и изучение истории советского общества.— ВИ, 1961, № 5, стр. 3—23.

Джиганшин Р. Дафтар..., см: ... **هذا کتاب فصل داستان**

Дмитриев Ал. Древний Булгар и татарские о нем предания.— ИОАИЭ, т. VII, 1889, стр. 3—16.

Дмитриева Л. В. Тюркоязычные географические и этнографические материалы в Институте народов Азии АН СССР. СНВ, вып. 3, М., 1964, стр. 189—197.

Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. т. I, История. М., 1965.

Долгоруков П. В. Российская родословная книга, тт. I—IV. СПб., 1873—1876.

Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Приложение к 2-му тому сборника «Столетие Вятской губернии». Вятка, 1881.

Древняя татарская литература — Борынгы татар әдәбияты.

Есипов Савва. Сибирская летопись — «Сибирский вестник», 1824, ч. 1, стр. 117—174.

Жамцарано Ц. Ж. Монгольские летописи XVII века.— Тр. ИВ, т. XVI, М.-Л., 1936.

Жизнь Джингиз-хана. Татарская сказка. Пер. с татарского В. Луганского.— «Сын отечества», 1835, т. 47, № 4, стр. 195—230.

Жунисбаев К. Кадьргали Джалаири—Великие ученые Средней Азии и Казахстана (VIII—XIX в.). Алма-Ата, 1965, стр. 204—217.

Заборов М. А. Введение в историографию крестовых походов (латинская хронография XI—XIII веков). М., 1966.

Закиев М. З. Влияние Казанского университета на развитие тюркологии в первой половине XIX века (до 1856 г.).— ВТЯ, кн. 2, Казань, 1965, стр. 357—393.

Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII—XIV вв.). М., 1966.

Заходер Б. Н. Каспийский свод о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв., тт. I—II. М., 1962—1967.

Зутис Я. Очерки по историографии Латвии, ч. 1. Прибалтийско-немецкая историография. Рига, 1949.

Иванов Г. М. К вопросу о своеобразии исторического познания.— Тр. Том. ГУ, т. 166, Томск, 1963, стр. 3—26.

Игнатъев Р. И. Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и в устных пересказах у инородцев-магометан Оренбургского края.— Записки Оренбургского отдела РГО, вып. 3, Оренбург, 1875, стр. 183—236.

Историография истории СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1961.

Исторические предания и рассказы якутов. В двух частях. Издание подготовил Г. У. Эргис. Под ред. А. А. Попова. М.-Л., 1960.

История Византии, т. I. Отв. ред. С. Д. Сказкин. М., 1967.

История и социология. М., 1964.

История Казахской ССР, т. I, Алма-Ата, 1957.

История народов Узбекистана. т. I. С древнейших времен до начала XVI века. Ташкент, 1950.

История Татарии в материалах и документах. М., 1937.

История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней). Указатель советской литературы, 1917—1959. Под ред. С. И. Даишева. Казань, 1960.

История Татарской АССР. т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Казань, 1955.

История Татарской АССР. Однотомник. Казань, 1968.

История Узбекской ССР, т. I, кн. I. Ташкент, 1955.

История Чингисхана и Тамерлана.— ТОУАК, вып. XIX, Оренбург, 1907, стр. 117—157.

История Чувашской АССР, т. I. Чебоксары, 1966.

Источниковедение истории советского общества. М., 1964.

Кавелин А. Древние Болгары (из бумаг Кафтанникова).— «Библиотека для чтения», т. 82, отд. III, СПб., 1847, стр. 41—65.

Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Монсеевой. М.-Л., 1954.

Казаринов В. А. Заметки о селениях Чистопольского уезда: Верхней Никитиной, Татарской Баган, Кизляр и Биляр-озере. По поводу сочинения С. М. Шпилевского «Древние города в Казанской губернии».— ИОИАИЭ, т. II, 1879 (1880), стр. 107—111.

Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Сб. документов и материалов. Под ред. В. Ф. Шахматова и др. Алма-Ата, 1961.

Калинин Н. Ф. Казань времени пугачевских восстаний.— Тр. КФАН СССР, серия гуманитарных наук, вып. 2, Казань, 1958, стр. 89—108.

Калинин Н. Ф. Казань. Исторический очерк. Изд. 2-е. Казань, 1955.

Карамзин Н. М. История государства Российской. т. X, СПб., 1897.

Карпини Джиованни дель Пано. История монголов. Рубрук Гильом, Путешествие в восточные страны. М., 1957.

- Катанов Н. Ф. Восточная хронология. Казань, 1920.
- Катанов Н. Ф. [Выступление на общем собрании ОАИЭ от 2 января 1895].— ИОАИЭ, т. XIV, вып. 4, 1898, стр. 468—470.
- Катанов Н. Ф. Исторические песни казанских татар.— ИОАИЭ, т. XV, вып. 3, 1899, стр. 273—306.
- Катанов Н. Ф. Краткая история Казанского царства по одной татарской летописи.— Д., 1899, № 4, стр. 176—180.
- Катанов Н. Ф. Краткий обзор татарских исторических книг.— ИОАИЭ, т. XXVIII, вып. 4—5, 1912, стр. 499—502.
- Катанов Н. Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноверцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея).— УЗ. КГУ, вып. 12, 1903, стр. 133—158.
- Катанов Н. Ф. О татарских сочинениях по гражданской истории.— сб. «Обзор учебников, принятых к употреблению в татарских конфессиональных школах (мектебах и медресах) и изданных большею частью за последние 3 года (1911—1913)». Казань, 1917, стр. 9—12.
- Катанов Н. Ф., Покровский И. М. Отрывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве.— ИОАИЭ, т. XXI, вып. 4, 1905, стр. 303—348.
- Катанов Н. Ф. Прошлое и настоящее Казани по одному татарскому рассказу.— Д., 1904, № 10, стр. 359—365.

Катанов Н. Ф. Рецензия на آثار

(Асар).— Д., 1901, № 4, стр. 199—206.

Катанов Н. Ф. Рецензия на

مسلمی رسالہ تواریخ بلغاریہ

- [на «Таварих-и Булгария» Муслими].— Д., 1898, № 4, стр. 203—204.
- Катанов Н. Ф. Татарские предания об озере Кабане в гор. Казани.— Д., 1898, № 1, стр. 25—26.
- Катанов Н. Ф. Татарские рассказы о Старой Казани.— ИОАИЭ, т. XXX, вып. 3, 1920, стр. 287—300.
- Катанов Н. Ф. Татарский рассказ о взятии Казани.— Д., 1903, № 6—7, стр. 291—299.
- Катанов Н. Ф. Татарское предание о слободах Старотатарской и Новотатарской в гор. Казани.— Д., 1898, № 2, стр. 64—67.
- Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. [Чебоксары], 1965.
- Каштанов С. М. Дипломатика как специальная историческая дисциплина.— ВИ, 1965, № 1, стр. 39—44.
- Каштанов С. М., Курносоев А. А. Некоторые вопросы теории источниковедения.— ИА, 1962, № 4, стр. 173—196.
- Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
- Книга Марко Поло. Пер. старофранцузского текста И. П. Миная. Ред. и вступит. статья И. П. Магидовича. М., 1956.
- Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. Пер. академика В. В. Бартольда. М.-Л., 1962.
- Коблов Я. Д. Мифология казанских татар. Казань, 1910.
- Коблов Я. Д. О татарских сочинениях по гражданской истории.— сб. «Обзор учебников, принятых к употреблению в татарских конфессиональных школах...», Казань, 1917, стр. 13—32.
- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 г. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.
- Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн Фадлана. Чебоксары, 1954.

Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Юань-чао би-ши. Монгольский обыденный изборник. т. I. М.-Л., 1941.

Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Газы, хана хивинского. М.-Л., 1958.

Косминский Е. А. Историография средних веков. V в. — середина XIX в., Лекции. [М.], 1963.

Крачковская В. А. Изучение Касимовских надписей во второй половине XIX века.— сб. «Академику Вл. Ал. Гордлевскому, к его семидесятилетию». М., 1953, стр. 148—154.

Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература.— Избр. соч., т. IV, М.-Л., 1957.

Кузеев Р. К. Башкирские шеджере. Уфа, 1960.

Кузнецов С. К. Отрывки из дорожных заметок во время этнографической экскурсии по Вятской губернии в 1880 году.— ИОАИЭ, т. III, 1884, стр. 260—276.

Кузьмин А. Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969.

Кукляшев С. Татарская хрестоматия. Казань, 1859.

Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования, СПб., 1905.

Лелехин И. Древние записки путешествия по разным провинциям Российского государства, чч. I—IV. СПб., 1771—1805.

Летопись Сибирская, содержащая повествование о взятии Сибирские земли русскими, при царе Иоанне Васильевиче Грозном. С кратким изложением предшествовавших оному событий. Издана с рукописи XVII века [Г. Спасским] СПб., 1821.

Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967.

Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л., 1947.

Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.-Л., 1962.

Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Изд. 2-е, тт. I—II. СПб., 1895.

Луппов П. Н. История города Вятки. [Киров], 1958.

Лурье Я. С. Новые памятники русского летописания конца XV в.— ИСССР, 1964, № 6, стр. 118—131.

Лызлов Андрей. Скифская история, чч. I—III, М., 1787.

Макаров М. К. О принципах классификации источников. (Историография вопроса).— Тр. МГИАИ, т. 16, 1961, стр. 15—28.

Малов Е. Древние грамоты и разные документы. (Материалы для истории Казанской епархии). Казань, 1902.

Малов С. Е. Изучение ярлыков и восточных грамот.— сб. «Академику Вл. Ал. Гордлевскому, к его семидесятилетию». М., 1953, стр. 187—195.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959.

Маргулан А. Х. [Комментарии к сочинениям Валиханова.]— Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч. в пяти томах, т. I, Алма-Ата, 1961, стр. 621—722.

Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар..., см:

مرجانی ش. مستفاد الاخبار...

Марджани Ш. Очерк истории Булгарского и Казанского ханства.— Тр. IV археологического съезда в России т. I, отд. 2-е Казань, 1878, стр. 40—58.

Марджани Ш. Юбилейный сборник..., см:

مرجانی . تنهاب الدين ...

Мартынов П. Селения Симбирского уезда (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде). Симбирск, 1903.

Масанов Э. А. Из истории этнографического изучения казахского народа в России (XV—XVII вв.). М., 1964.

Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1962.

Материалы для истории Крымского ханства. Под ред. В. В. Вельяминова-Зернова. СПб., 1864.

Материалы по истории Башкирской АССР, ч. I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.-Л., 1936.

Материалы по истории России. Сборник указов и разных документов. т. I. Оренбург, 1900.

Материалы по истории Татарии, вып. 1, Казань, 1948.

Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565—1568 гг. и 1646 г. Л., 1932.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. тт. I—II. М.-Л., 1939.

Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I, Л., 1932.

Мелиоранский П. М. Сказание об Едигее и Тохтамыше. Киргизский текст из рукописи, принадлежавшей Ч. Ч. Валиханову. СПб. (Приложение к XXIX тому Зап. РГО).

Мерперт Н. Я., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Чингис-хан и его наследие.— ИСССР, 1962, № 5, стр. 92—119.

Мец Адам. Мусульманский ренессанс. М., 1966.

Миллер Г. Ф. История Сибири. т. I. М.-Л., 1937.

Могильницкий Б. Г. Объективность и партийность в историческом исследовании.— Тр. Том. ГУ т. 173, серия историческая, стр. 3—34.

Можаровский А. Ф. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 год. М., 1880.

Монгайт А. Л. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150—1153 г.— ИСССР, 1959, № 1, стр. 169—181.

Муслими. Таварих..., см: **مسلمی حسام الدين، تواریخ ...**

[Мухамедьяров Ш. Ф.]. «Едигей» — СИЭ, т. 4.

[Мухамедьяров Ш. Ф.]. Джамиат-таварих — СИЭ, т. 5.

Мухамедьяров Ш. Ф. Земледелие в Среднем Поволжье в XV—XVI вв.— Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. сб., 3. М., 1959, стр. 89—122.

Наджип Э. Н. Кыпчакско-огузский литературный язык Мамлюкского Египта XIV века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1965.

Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама. Под ред. епископа Андрия, бывшего мамадышского и преподавателя этнографии Н. В. Никольского. Казань, 1912.

Насонов А. Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.-Л., 1940.

Насыров К. Избранное...— Насыри Каюм. Сайланма эсэрлэр.

Насыров К. Календарь..., см:

ناصری عبدالقیوم . کالیندار ...

Насыри Каюм. 1825—1945. Материалы научных сессий, посвященных 120-летию со дня рождения. Казань, 1948.

Нафигов Р. И. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. (Очерк истории 1895—1917 гг.) [Казань], 1964.

Небольсин П. Покорение Сибири [три статьи].— 03, 1848, т. 60, стр. 225—266, т. 61, стр. 35—92; т. 62, стр. 167—212 (отд. отд.).

Невоструев К. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. М., 1871 (отд. отд.).

Никольский Н. В. Сборник исторических материалов о народностях Поволжья. Казань, 1919 (1920).

Ногайские народные песни. М., 1969.

Олеарий Адам. Подробное описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Пер. А. Ловягина. СПб., 1906.

Очерки истории исторической науки в СССР. тт. I—II. М., 1955—1960.

Очерки истории СССР IX—XV вв.; XV в.—начало XVII в.; XVII в. М., 1953—1955.

Палладий О. [Кафаров П. И.]. Юань-чао би-ши [Сокровенное сказание о поколении монголов]. Пер. на русский язык.— «Труды членов Российской Духовной Миссии в Пекине», т. СПб., 1866.

Патканов К. П. История монголов по армянским источникам. Вып. 1—2. СПб., 1873—1874.

Пашино Н. Татарские сказания.— КГВ, 1852, № 12, стр. 118—120.

Перетяткович Г. И. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877.

Перетяткович Г. И. Поволжье в XVII и в начале XVIII в. Одесса, 1882.

Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.-Л., 1960.

Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937.

Плеханов Г. В. О материалистическом понимании истории.— Избр. философские произведения, т. II, стр. 236—266.

Полное собрание русских летописей. Т. I (Повесть временных лет); т. V («Псковские и софийские»); т. VI («Софийская летопись»); тт. XI—XII («Патриаршая или Никоновская летопись»); т. XVI («Новый летописец»); т. XXV («Московский летописный свод»); т. XXVI («Вологодско-пермская летопись»).

Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе.— Восточные источники по истории народов Юго-восточной и Центральной Европы. Под ред. А. С. Тверетиновой. М., 1964, стр. 29—59.

Пономарев П. Данные о городах Камско-Волжской Булгарии.— ИОАИЭ, т. X, вып. 3, 1892, стр. 273—288, вып. 5, стр. 467—486; т. XI, 1894, вып. 2, стр. 111—138; вып. 4, стр. 321—337.

Попле Н. Н. Золотоордынская рукопись на бересте.— СВ, т. 11, 1941, стр. 81—134.

Поршнева Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.

Происхождение казанских татар. Материалы сессии Отделения истории и философии АН СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории КФАН СССР 25—26 апреля 1946 года в г. Москве. Казань, 1948.

Прошлое Казакстана в источниках и материалах. сб. I (V в. до н. э.—XVIII в. н. э.). Под ред. проф. С. Д. Асфендиарова и П. А. Кунте. Алмата—М., 1935.

Пучковский Л. С. Монгольская феодальная историография XIII—XVII вв.— УЗ ИВ, т. VI, М.-Л., 1953, стр. 131—166.

Пушкарев Л. Н. Вопросы классификации источников в русской исторической науке XIX—XX вв.— ИСССР, 1963, № 5, стр. 79—93.

Разные бумаги генерал-майора Тевкелева об Оренбургском крае и Кир-

гиз-Кайсацких ордах. 1762 год.— Временник имп. Московского общества истории и древностей Российских, кн. 13, отд. 3. М., 1852.

Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966.

Радлов В. В. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга.— ЗВО, т. III, вып. 1—2, стр. 1—40.

Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, тт. IV, VII, СПб., 1872—1896.

Рахим А., Газиз Г. История..., см:

رحیم عم عزیزع . تاتار ادبیاتو . . .

Рахим А. К вопросу о татарском крестьянском движении 1878 г.— ВНОТ, № 8, стр. 143—152.

Рахим А. Материалы для библиографии по татароведению.— Тр. Дома Татарской культуры, т. I, Казань, 1930, стр. 343—395.

Рахим А. О новом списке татарского исторического сочинения XVII века.— ВНОТ, № 7, стр. 133—148.

Рахим А. Татарские эпиграфические памятники XVI века.— Тр. Общества изучения Татарстана, т. I, Казань, 1930, стр. 145—172.

Рашид ад-дин Фазлуллах Джамил' ат-таварих (сборник летописей). т. III. Пер. с персидского языка А. К. Арендса. Баку, 1957.

Рашид ад-дин. Сборник летописей. История монголов. Пер. с персидского И. Н. Березина. СПб., 1858, 1888.

Рашид ад-дин. Сборник летописей. тт. I—III. М.-Л., 1946—1960.

Россоловский А. Ф. Военная служба и повинности казанских татар.— КГВ, 1852, № 26, стр. 305.

Руммель В., Голубцов В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. т. I, СПб., 1886.

Русско-индийские отношения в XVII в. сб. документов. М., 1958.

Рыбушкин М. С. Краткая история города Казани. ч. I, Казань, 1843.

Рычков П. И. История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии.— «Ежемесячные сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», СПб., 1759, т. I, январь, стр. 3—47; февраль, стр. 99—142; март, стр. 195—225; апрель, стр. 291—336; май, стр. 387—445; июнь, стр. 483—502; т. II, июль, стр. 3—36; август, стр. 99—134; октябрь, стр. 291—333; ноябрь, стр. 387—414; декабрь, стр. 570—574.

Рычков П. И. Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб., 1768.

Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии (1762). Оренбург, 1887.

Сабитов Нигмет. Библиографический указатель материалов по истории Казахстана. Алма-Ата, 1947.

Саблуков Г. С. Очерк внутреннего состояния кыпчакского царства, Изд. 2-е, испр. и доп. Казань, 1895.

Савельев П. С. Монеты Джучидов, Джатаидов, Джалаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Токтамыша. чч. 1—2, СПб., 1858.

Салахетдинова М. А. Об одном неизвестном персидском сочинении по истории народов Поволжья.— СНВ, вып. IV, М., 1965, стр. 147—154.

Самойлович А. Н., И. Н. Березин как гурколог (1818—1918).— ЗВК, т. I, Л., 1925, стр. 161—172.

Самойлович А. Н. К истории крымско-татарского литературного языка.— ВНОТ, № 7, стр. 27—33.

Самойлович А. Н. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга.— Изв. АН, 1918, № 11, стр. 1109—1124.

Самойлович А. Н. Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Токтамыш-хана.— Изв. Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. I (58), Симферополь, 1927, стр. 141—143.

Сафаргалев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
Сбоев В. Н. Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856.

Сборник материалов по истории Казанского края в XVII в.—ИОАИЭ, т. XVIII, вып. 4—5, 1908, стр. 1—365.

Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. Под ред. В. Д. Смирнова. СПб., 1881.

Семенов А. А. Надписи на надгробных Тимура и его потомков в Гур-и Эмире.—ЭВ, вып. 2, 1948, стр. 49—62; вып. 3, 1949, стр. 45—58.

Семенова Л. А. Салах ад-дин и мамлюки в Египте. М., 1966.

Сибирские летописи [свод].—ОЗ, 1848, т. 63, стр. 150—260. (отд. отт.).

Синяев В. С. Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 году.—Вопросы географии Сибири. Сб. 2, Томск, 1951, стр. 141—157.

Сказание об Едигее—ИОАИЭ, т. XXVII, вып. 4, 1911, стр. 304—306.

Смирнов А. П. Волжские Булгары. М., 1951.

Смирнов А. П. Роль Булгарского государства в формировании Казанского ханства.—Тр. ОИАЭ, т. I, 1963, стр. 65—72.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.

Смирнов В. Д. Крымско-ханские грамоты. Симферополь, 1913, отд. отт.

Смирнов В. Д. Татарско-ханские ярлыки.—Ив. ТУАК, № 54. Симферополь, 1917 (отд. оттиск).

Собрание восточных рукописей Академии Наук Узбекской ССР. тт. I—V. Ташкент, 1952—1960.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. кн. 5, М., 1960.

Старинное китайское сказание о Чингисхане. Пер. с китайского архимандрита Палладия.—Восточный сборник, т. I, СПб., 1877, стр. 149—202.

Стрельский В. И. Источниковедение истории СССР, Период империализма. Конец XIX в.—1917 г. М., 1962.

Стрельский В. И. Основные принципы научной критики источников по истории СССР, Киев, 1961.

Суслов М. А. XXII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук.—«Коммунист», 1962, № 3, стр. 15—46.

Таварихи-и гузида — Нусрат-наме. Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений кандидата филолог. наук А. М. Акрамова. Ташкент, 1967.

Татищев В. Н. История Российская. т. VI, М., 1966.

Те Ранги Хироа (П. Бак). Мореплаватели солнечного восхода. М., 1955.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. т. I, Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884; т. II, Извлечения из персидских сочинений. М.-Л., 1941.

Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. С древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940.

Тихомиров М. Н. Источниковедение Истории СССР. Учебное пособие. М., 1962.

Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

Токарев С. А. Этнография народов СССР. [М.], 1958.

Умидбаев М. Памятник..., см: امید بايف مر س. يادگار...

Усманов М. Большое наследие...—Госманов М. Олы мирас...

Усманов М. А. Записки Исмаила Бекмухаммедова о его путешествии в Индию.—Ближний и Средний Восток. История, экономика. М., 1967, стр. 88—103.

Усманов М. Из истории шаджара...—Госманов М. Шэжэрлэр тарихнан...

Усманов М. А. Источники книги Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар». — Очерки истории Поволжья и Приуралья. Сб. статей, вып. II—III [Казань], 1969.

Усманов М. Новонайденные... — Госманов М. Яна табылган...

Усманов М. и др. Новый ярлык — Госманов М., Мөхәммәдъяров Ш., Степанов Р. Яна ярлык.

Усманов М. Рецензия на кн.: «Великие ученые Средней Азии и Казахстана. VIII—XIX вв.». Алма-Ата, 1965. — НАА, 1967, № 2, стр. 204—207.

Фаизханов Х. Три надгробных болгарских надписи. — Изв. РАО, т. IV, вып. 5, СПб., 1863, стр. 395—404.

Фасеев К. Ф. Из истории татарской передовой общественной мысли (вторая половина XIX — начало XX века). Казань, 1955.

Фасмер Р. Р. О монетах Волжских Болгар X века. — ИОАИЭ, т. XXXIII, вып. 1, 1925, стр. 29—59.

Фахрутдинов Р. Асар, см: **فخر الدين ن آثار...**

Федоров-Давыдов Г. А. Города и кочевые степи в Золотой Орде в XIII веке. — Вест. МГУ, Серия IX, История, № 6, М., 1965, стр. 49—57.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. [М.], 1966.

Фехнер М. В. Торговля русского государства со странами Востока в XVI веке, М., 1956.

Фирсов Н. А. Иноязыческое население прежнего Казанского царства в Новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869.

Фирсов Н. А. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866.

Фишер И. Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.

Френ Х. Д. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных мухамеданских династий. СПб., 1832.

Френ Х. Д. Некоторые указания, взятые большей частью из историческо-географической литературы арабов, персов и турков, преимущественно для наших чиновников и путешественников в Азии. СПб., 1845.

Фукс К. Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Казань, 1844.

Фукс К. Ф. Краткая история города Казани. — КИ, 1817, № 67, стр. 281—284; № 68, стр. 285—288; № 80, стр. 349—350.

Фукс К. Ф. Краткая история города Казани. Казань, 1917.

Хальфин И. И. Жизнь Джингиз-хана и Аксак-Тимура, с присовокуплением разных отрывков, до истории касающихся, коих все слова для обучающихся расположены по алфавиту. Казань, 1822.

Харисов А. Литературное наследие... — Харисов Э. Башкорт халкының әзеби мирасы.

Харисов А. И. Новые источники по истории дореволюционной литературы. — Итоговая научная сессия УИИЯЛ АН СССР за 1965 год, март 1966 г. Тезисы докладов. Уфа, 1966, стр. 15—20.

Хвольсон Д. А. Известия о казарах, буртасах, болгарях, мадыях, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен-Омар Ибн-Даста... СПб., 1869.

Хмылев П. Н. Проблема актуальности в историческом познании. — Тр. Том. ГУ, т. 173, серия историческая, Томск, 1964, стр. 35—47.

Ал-Холи Амин. Связи между Нилом и Волгой в XIII—XIV вв. Сокращенный пер. с арабского. М., 1962.

Хорезми. Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, пер. и исследование Э. Н. Наджиба. М., 1961.

Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923.

Черемшанов В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом—и промышленном отношениях. Уфа, 1859.

Черепнин Л. В. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед.— ВИ, 1949, № 3, стр. 30—51.

Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. [М.], 1957.

Черноморский М. Н. Источниковедение истории СССР (советский период). М., 1966.

Черноморский М. Н. Работа над мемуарами при изучении истории КПСС. Изд. 2-е, М., 1965.

Чистякова Е. В. «Скифская история» А. И. Лылова и вопросы востоковедения.— ОИРВ, сб. 4, М., 1963, стр. 3—88.

Чугуев Д. А. Задачи источниковедения советского периода истории СССР в свете решений XXII съезда КПСС.— ИА, 1962, № 1, М., стр. 165—173.

Шапшал С. М. К вопросу о тарханных ярлыках.— сб. «Академику Вл. Ал. Гордлевскому, к его семидесятилетию». М., 1953, стр. 302—316.

Шара Туджи, Монгольская летопись XVII века, Сводный текст, пер. введение и примечания Н. П. Шастиной, М.-Л., 1957.

Шерман И. Л. Русские исторические источники X—XVIII вв. Харьков, 1959.

Шестаков П. Д. Кто были древние Булгары? (Заметка по поводу толкования Н. И. Волотницким значения слова Булгар).— ИОАИЭ, т. III, 1884, стр. 62—72.

Шестаков П. Д. Попытка объяснения одного места из Булгарской летописи Хисам-Эддина ибн Шараф-Эддина.— ИОАИЭ, т. II, 1879 (1880), стр. 147—154.

Шофман А. С., Шамов Г. Ф. Восточный разряд Казанского университета (Краткий очерк).— ОИРВ, сб. 2, М., 1956, стр. 418—448.

Шпилевский С. М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1887.

Шпилевский С. М. О задачах деятельности Казанского общества археологии, истории и этнографии и о возможном содействии Обществу со стороны жителей местного края.— ИОАИЭ, т. III, 1884, стр. 3—32.

Юсупов Г. В. Введение в Булгаро-татарскую этнографию. М.-Л., 1960.

Яцунский В. К. К вопросу о классификации письменных исторических источников в курсе источниковедения истории СССР.— Тр. МГИАИ, т. II, М., 1958, стр. 133—139.

* * *

Борынгы татар әдәбияты. Казан, 1963.

Булатов Ә. Ибраһим хан ярлыгын укуга карата кайбер фикерләр.— КУ, 1966, № 8, 135 б.

Бәтләр. Текстлары хәзерләуче, жыентыкны һәм аңлатмаларны тәүчә Х. Ярми. Казан, 1960.

Госманов М., Мөхәммедьяров Ш., Степанов Р. Яңа ярлык.— КУ, 1965, № 8, 146—150 бб.

Госманов М. Олы мирас (Хәсән Фәезхановның тууына 145 ел).— КУ, 1966, № 9, 124—132 бб.

Госманов М. Тагын Ибраһим хан ярлыгы турында.— КУ, 1967, № 6, 151 б.

Госманов М. Шәжәрәләр тарихенән сәхифә.— «Ағизел», Өфө, 1966, № 3, 84—85 бб.

Госманов М. Яңа табылган әдәби, тарихи истәлекләр.— КУ, 1966, № 7, 118—123 бб.

Диалектологик сүзлек. тт. I—III. Казан, 1948—1958.

Исэнбәт Нәкый. Бу шигырьнең шагыйрәсе кем? — КУ, 1967, № 1, 147—148 бб.

Исэнбәт Нәкый. Казан ханлыгы чоры әдәбиятынан Мөхәммәд-яр Мәхмүд хажы углы әсәрләре.— СӘ, 1941, 68—79 бб.

Исэнбәт Нәкый. Татар халык мәкальләре, тт. I—III. Казан, 1959—1967.

Күнанбаев Абай (Ибраһим). Шығармаларының толық жыйнағы. Алматы, 1945.

Мөхәммәд-яр. Төхфәи мәрдан. Нуры содур. Поэмалар. Тексәрлар-ны төзүче, кереш сүз авторы Ш. Абилов. Казан, 1966.

Насыри Каям. Сайланма әсәрләр. 2-басма. Казан, 1956.

Нәфиков Р. Татарлар арасында алдынгы ижтимагый карашлар тари-хынан.— СӘ, 1956, № 6, 117—126 бб.

Тукай Габдулла. Әсәрләр. тт. I—IV. Казан, 1955—1956.

Тумашева Д. Г. Көнбатыш Себер татарлары теле. Казан, 1961.

Харисов Әхнәф. Башкорт халқының әзәби мирасы, XVIII—XII

буыаттар. Өфө, 1965.

Хисмәтуллин Х. «Жәмийг-әт-тәварих»ның татарча төржәмәсе.— Татар теле һәм әдәбияты, Казан, 1959, 309—317 бб.

Яфаров Б. А. X—XIV йөзләрдә Кама-Волга болгарлары әдәбияты һәм «Нәһж-әл-фәрәдис» кулъязмасы. Казан, 1949 (кулъязма).

* * *

Abdulla oglu Hasan. Temir Qutlug yarlugu. — „Türkiyat mecmuasi“ Istanbul, 1926 (1933), c. III, ss. 207 — 206.

David's A. L. A grammar of the turkish language. London, 1832.

Dorn B. Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Biblio-tèque Impériale Publique de St.-Petersbourg. St.-Pbg., 1852.

Fraehn C. M. Bulariae urbis orig atque fata Tatarlice et latine. — „Fund-gruben des Orients“, V. B., Wien, 1816, SS. 205—216.

Hammer-Purgstall J. Geschichte der Goldenen Horde in kiptschak, das ist der Mongolen in Russland. Pesth, 1840.

Hammer V. J. Uigurisches Diplom Kutlug Timur's von Jahre 800 (1397), beiliegend litographisch nahgestochen und übersetzt. — „Fundgruben des Orients“ V. B. Wien, 1816, SS. 359—362.

Kurat Akdes Nimet. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu,

Kırım ve Türkistan hanlarına ait Jarlık ve Bitikler. Istanbul, 1940.

Pertsch Wilhelm. Verzeichniss der Türkischen Handschriften der Königlich Bibliothek zu Berlin. Berlin, 1899.

Rieu Ch. Catalogue of the turkish manuscripts in the British museum. London, 1888.

Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland (1223—1502). Leipzig, 1943.

Velidi Togan A. Zeki. Umumi türk tarihine giriş. c. I. Istanbul, 1946.

Zayaczkowski Ananiasz. Najstarsza wersja turecka „Huszäu u širin“ Qutba. c. I—II. Warszawa, 1958.

ابراھیمف عالمجان . بویوک استاذەزنگ قای۔
بر تاء لیفلری . — «آڭ» ، ۱۹۱۵ ، ۷-۱۹ .

ابراھیمف عالمجان . بویوک استاذەزنگ تار۔
یخی بر تنقیدی . — «آڭ» ، ۱۹۱۵ ، ۷۲ ، ۴۷-۴۹ .
ابوالغازی بہادر خان . شجرۂ ترکی . [خلفین -
فرین] . قزان ، ۱۸۲۴ .

احمرف عین الدین . بلغار تاریخی . قزان ، ۱۹۰۹ .

احمرف عین الدین . قزان تاریخی . قزان ، ۱۹۱۰ .

احمرف عین الدین . نو قراط بلغارلری . — «قزان

مخبری» ، ۱۹۰۶ ، ۱۵۶ .

آطلاسف ہادی . قزان خانلغی . ۱- نچی جلد .

قزان ، ۱۹۱۴ .

آطلاسی ہادی . سیبیر تاریخی . ۱- نچی جزء .

قزان ، ۱۹۱۱ .

آقچورین محمد . آقچورین فاملیہ سی -

«شورا» ، ۱۹۱۵ ، ۷۲ .

امیدبايف محمد سلیم . یادکار . قزان ، ۱۸۹۷ .

امیرخان حسین . تواریخ بلغاریہ . قزان ، ۱۸۸۳ .

ایکی حاجی ننگ رحلت نامہ لاری. قزان، ۱۸۶۲.
اینان عبدالقادر. تورک روایتلرندہ «بوز قورد»
- «تورکیات مجموعہ سی»، ایکنچی جلد. استانبول، ۱۹۲۸، ۱۳۷-۱۳۱.

بطلال ع. تاتار تاریخی. قزان، ۱۹۱۲م ۱۹۱۶.
بطلال عبداللہ. قازان یوردندہ بولونمیش تاریخی
بروثیقہ، صاحب کرای خان یارلیفی. - «تورکیات
مجموعہ سی». ایکنچی جلد، استانبول،
۱۹۲۸، ۱۰۱-۷۵.

ربغوزی برهان الدین ناصرالدین. قصص
الانبیاء. قزان، ۱۸۹۹.

رحیم ع.، عزیز ع. تاتار ادبیاتی تاریخی. ۲-
باسمہ قزان، ۱۹۲۵.

شرف الدین اوغلی صلاح الدین. شجرہ
چنقریہ. قزان، ۱۹۵۶.

فخرالدین رضا الدین. ابوالغازی خان. -
«شورا»، ۱۹۱۴، ۱۲۷.

فخرالدین رضا الدین. آثار. ۱-۲ - جلد لر،

۱۵ جزده . قزان - اورنبورغ ، ۱۹۱۱-۱۹۰۰ .

فخرالدين رضا الدين . التماس و رجاء . -

«شورا» ، ۱۹۱۲ ، ۲۲ ص .

فخرالدين رضا الدين . ايسكى اثرلرني صا -

قلا و حقنده . - «شورا» ، ۱۹۱۶ ، ۱۶ ص .

فخرالدين رضا الدين . ايسكى شجره . - «شورا» ،

۱۹۱۴ ، ۷ ص .

فخرالدين رضا الدين . ايلك اسلام كئبخاننه -

لارى . - «العصر الجديد» ، ۱۹۰۶ ، ۴ ص .

فخرالدين رضا الدين . «تواريخ بلغاريه» حقنده

جواب . - «شورا» ، ۱۹۱۳ ، ۱۵ ص .

فخرالدين رضا الدين . سعيد . قزان ، ۱۸۹۷ .

فخرالدين رضا الدين . سليم گرى مفتى تون

كيلف . - «شورا» ، ۱۹۱۵ ، ۴-۳ ص .

فخرالدين رضا الدين . قازاق شجره سى

حقند . - «شورا» ، ۱۹۱۱ ، ۱ ص .

فخرالدين رضا الدين . كزاز مقصود فلر شجره -

سى . - «شورا» ، ۱۹۱۷ ، ۶ ص .

فخرالدين رضاالدين - مشهور خادونلر. اور -
فبورغ. ۱۹۰۳.

عزيزع. ايكي قوليازما. - «معارف»، ۱۹۲۳،
۸-۷۷.

عبيشى حسن عطا. مفصل تاريخ قومى تور -
كى. اونا، ۱۹۰۹.

عبيدوللين عزيز. تاتارلاردا صنفلار تاريخى
اوچون ماتيرياللار. ۲-چى باسما. قزان، ۱۹۲۵.

عزيزع. تاتار تاريخى. مسكو. ۱۹۲۵.

مرجانى شهابالدين بن بهاءالدين. استفاد -
الاخبار فى احوال قزان و بلغار. ۲-۱ قسىملر.
قزان، ۱۶۱۵-۱۸۸۵.

مرجانى شهابالدين بن بهاءالدين. غلالة الزه
مان فى تاريخ بلغار و قزان. قزان، ۱۸۲۸.

مرجانى. شهابالدين المرجانى حضر تله
ينك ولادينه يوز يل طولو مناسبتيله
نشر ايتلدى. قزان، ۱۹۱۵.

مسليى حسامالدين بن شرفالدين

رسالة تواريخ بلغاريه و ذكر مولينا حضرت
آقساق تيمر و خراب شهر بلغار. قزان، ۱۸۱۷.
ناصرى عبدالقيوم. كاليندار. قزان، ۱۸۶۳-۱۸۷۱.
ناصرى قيوم. موڭارچى باسماغان اثرلى.
مجموعه، على رحيم قاراماغندا. قزان، ۱۹۲۶.
واحيدى س.ع. مرجانى كىتبخانه سى هم
آنڭ صوڭفى يازمىشى. - «بزنڭ يول»، ۱۹۲۹،
۶۷-ك.

وليدف جمال الدين. تاتار ادبياتىنىڭ بارشى.
اورنبورغ، ۱۹۱۲.

وليدى احمد زكى. قسقچە تورك-تاتار
تارىخى. قزان، ۱۹۱۷.

وليدى احمد زكى. تورك و تاتار تارىخى.
۱-نچى جزء. قزان، ۱۹۰۸.

وليدى احمد زكى. فتنه رقتنده هم ميفان
ئىل نيودروۋيچ رومانفنى سايلا و
اشلارنده مسلمانلار (۱۶ عصرنىڭ آخىرى
۱۷ نچى عصرنىڭ باشلارنده روسيه

مسلمانلارنىڭ حال لىرىنە غائىد ملاحظە)..
قران، ۱۹۱۳.

مذا كىتاب فىصل داستان نسل چىنگىز
خان و هم آقساق تىمىر نسلندان بيان
ايدار. تاريخ ىدى يوزىلندە... قران،
۱۸۸۲.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо введения	5
Глава первая. Особенности развития исторической литературы у татар в XVII—XVIII вв.	9
Глава вторая. «Сборник летописей» Кадыр-Али-бека (1602 год)	33
О личности автора и особенностях его сочинения	33
Источниковедческое значение оригинальных разделов сочинения Кадыр-Али-бека	68
Глава третья. Анонимный сборник «Дафтар-и Чингиз-наме» (конец XVII в.)	97
Составные части и содержание «Дафтар-и Чингиз-наме»	97
Эпоха создания памятника и его автор	123
Глава четвертая. Сочинения Муслими и Т. Ялчигула по истории Булгарии (конец XVIII — начало XIX вв.)	134
Муслими и его «Таварих-и Булгария»	134
«Таварих-и Булгария» Таджетдина Ялчигула и его мнимые «источники»	158
Глава пятая: Татарские шаджара	167
Видовые особенности и своеобразия татарских шаджара	167
Опыт анализа содержания шаджара	174
Заключение	196
Приложение	200
Список сокращений	200
Библиография	202